ЛЮБИТЕЛЯМ ФАНТАСТИКИ

ФИЛИПП ДИК

Бегущий по лезвию бритвы

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Philip K. Dick *Do Androids Dream Of Electric Sheep* (1968)
Филип К. Дик «Человек в высоком замке» // Бегущий по лезвию бритвы: Фантастические романы, рассказ/Пер. с англ. — М: Топикал, 1992 г. — 640 е., илл. — (Клуб «Золотое перо»: Любителям фантаст.; Вып. 7). ISBN 5-85256-001-4

После ядерной войны Земля превратилась в выжженную, умирающую пустыню. Вымерли почти все животные. Большинство людей давно перебрались на другие колонизированные планеты солнечной системы. Те же, кто был вынужден остаться, влачат жалкое, унылое существование в городах, тоже приходящих в упадок. Один из таких людей — Рик Декард — профессиональный охотник на андроидов. Рик получает задание выследить и уничтожить нескольких беглых андроидов, нелегально прибывших на Землю. Но в ходе охоты у него невольно возникают сомнения. Рик задаётся вопросом — а гуманно ли это, уничтожать андроидов?

- Филип К. Дик
- Снятся ли андроидам электроовцы
  - ○
  - ○ Один
  - ○ Два
  - ○ Три
  - ○ Четыре
  - ○ Пять
  - ○ Шесть
  - ○ Семь
  - ○ Восемь
  - ○ Девять
  - ○ Десять
  - ○ Одиннадцать
  - ○ Двенадцать
  - ○ Тринадцать
  - ○ Четырнадцать
  - ○ Пятнадцать
  - ○ Шестнадцать
  - ○ Семнадцать
  - ○ Восемнадцать
  - ○ Девятнадцать
  - ○ Двадцать

- ○ Двадцать один
- ○ Двадцать два

Филип К. Дик
«Снятся ли андроидам электроовцы»

PHILIP K. DICK

Do Androids Dream Of Electric Sheep (1968)

Перевод с английского. Издательство «Топикал», 1992 г.

Иллюстрации Александра Яцкевича.

ISBN 5 — 85256 — 001 — 4

Снятся ли андроидам электроовцы

Один

Легкий веселый электроимпульс, выданный автоматическим будильником стимулятора настроения, разбудил Рика Декарда. Он удивленно — каждый раз он удивлялся, обнаружив, что проснулся без всякого предупреждения, — поднялся с кровати, не поправляя своей многоцветной пижамы, и потянулся. В этот момент его жена Ирен, спавшая на другой кровати, открыла серые невеселые глаза, моргнула и, простонав, снова их зажмурила.

— Ты очень слабо настраиваешь свой «Пенфилд», — сказал он ей. — Давай я настрою его заново, ты проснешься и…

— Не прикасайся к моей настройке. — В ее голосе прозвучала горькая колкость. — Я не хочу просыпаться…

Присев на краешек ее кровати, он наклонился и терпеливо сказал:

— Если ты настроишь импульс правильно, то сразу обрадуешься тому, что проснулась. В этом все дело. На отметке «С» он преодолевает порог подсознания, как, например, у меня.

Он дружелюбно — его регулятор был поставлен на «Д», и Рик чувствовал расположение ко всему окружающему миру — похлопал ее по белому обнаженному плечу.

— Убери свои кривые лапы, легавый, — сказала Ирен.

— Я не легавый.

Теперь он испытывал раздражение, хотя и не настраивал регулятор соответствующим образом.

— Ты хуже, — сказала она, по-прежнему не открывая глаз. — Ты — убийца, нанятый легавыми.

— Я не убил ни одного человека!

Раздражение росло и переходило в откровенную враждебность.

— Да, только этих бедных анди, — сказала Ирен, Как я заметил, ты никогда не испытываешь мук совести, тратя те премии, которые я получаю за это. Что-нибудь сразу привлекает твое внимание.

Рик поднялся и подошел к пульту своего стимулятора.

— Вместо того, чтобы откладывать деньги, — добавил он, — на покупку настоящей овцы вместо этой, электрической. У нас всего лишь электрическая овца, и это при том заработке, которого я добился за многие годы!

Стоя перед пультом, он колебался, не зная, как его подстроить. Таламический клапан погасил бы чувство гнева, или, может, следует стимулировать его, чтобы победить в споре?

— Если ты усилишь интенсивность, я сделаю то же самое, —

сказала Ирен. Она открыла глаза и теперь наблюдала за ним. — Я накручу максимум — и ты получишь такую драку, по сравнению с которой все наши ссоры — просто чепуха. Давай, набирай, набирай. Попробуй.

Она быстро вскочила с постели, подбежала к пульту своего стимулятора и остановилась, испепеляя мужа взглядом, ожидая, что он теперь предпримет.

Он вздохнул. Угроза нанесла решающий удар.

— Я наберу то, что стоит у меня в расписании на сегодня.

Сверившись с расписанием на 3 января 1992 года, он увидел, что сегодня ему требуется деловое настроение.

— Учти, что, если я наберу по расписанию, — сказал он, — ты сделаешь то же самое.

Рик немного подождал, имея достаточно опыта в разговорах с Ирен.

— Мое расписание включает сегодня шесть часов депрессии с уклоном в самобичевание, — сказала она.

— Как? Зачем ты составила такое расписание?

Это сводило на нет само назначение стимуляторов.

— Я даже не знал, что его можно так настроить, — сказал он.

— Однажды я сидела перед телевизором, — пояснила Ирен, — и, само собой, смотрела Бастера Джруби с его дружелюбными друзьями. Он как раз объявил, что сейчас сообщит грандиозную новость, как вдруг передача была прервана рекламой, знаешь, из тех, которые я особенно ненавижу — об этих свинцовых гульфиках фирмы «Скалистый берег». Я выключила на минутку звук, и услышала… все это здание. Я услышала…

— Пустые квартиры, — сказал Рик.

Иногда ночью он тоже слышал эту тишину. Однако, учитывая плотность населения, наполовину занятый многоквартирный дом ценился очень высоко. В районах, которые перед войной составляли пригороды, можно было найти совершенно пустые здания. Во всяком случае, до него доходили такие слухи.

Как и большинство других людей, он решил проверить эту информацию сам.

— В тот момент, — продолжала Ирен, — когда я выключила звук телевизора, я была в настроении триста восемьдесят два. Шифр я набирала прямо перед передачей. Первоначальной моей реакцией была благодарность — хорошо, что мы можем позволить себе стимулятор Пенфилда. Но потом я поняла, насколько это неестественна и противоречит здоровой реакции — никак не реагировать на отсутствие жизни вокруг. Наверное, ты не понимаешь… Когда-то отсутствие соответствующего ощущения

считалось симптомом заболевания. Поэтому я не стала включать звук, а села к пульту и, поэкспериментировав, нашла комбинацию для отчаяния.

На ее смуглом лице отразилось удовлетворение, как будто она добилась чего-то необычного.

— Я поставила себе эту комбинацию в расписание — два раза в месяц. Думаю, этого вполне достаточно: испытать в разумных пределах безнадежное отчаяние. Ведь мы остались на Земле, когда все нормальные люди с головой на плечах давно эмигрировали.

— Но в таком настроении, — возразил Рик, — легко остаться надолго и даже не пытаться набрать другую комбинацию. Отчаяние имеет свойство продолжаться неограниченное время.

— Я программирую автоматическую перенастройку каждые три часа, — сказала жена. — Четыреста восемьдесят один — создание многих возможностей, открытых для меня в будущем, новая надежда…

— Я знаю, что такое четыреста восемьдесят один, — перебил он.

Он не один раз набирал эту комбинацию и очень надеялся на нее.

— Послушай, — сказал он. Он присел на кровать. — Даже с автоматическим переключением очень опасно подвергать себя депрессии любого рода. Забудь о своей настройке, а я забуду о своей. Мы оба наберем сто четыре, а потом я наберу себе обычное деловое настроение, проверю нашу овцу и отправлюсь на работу, зная, что ты не сидишь мрачно у телевизора.

Он прошел из просторной спальни в гостиную. Здесь в воздухе еще висел запах вечерних сигарет. Он наклонился к телевизору, чтобы включить его.

Из спальни донесся голос Ирен:

— Я не переношу телевизора натощак.

— Набери себе восемьдесят восемь, — сказал Рик, пока телевизор нагревался. — Это желание смотреть телевизор, независимо от передачи.

— Мне вообще не хочется что-либо набирать, — сказала жена.

— Тогда набери тройку.

— Я не могу настраивать стимулятор на возбуждение коры мозга. Это вызовет желание набирать новые комбинации. А если я вообще ничего не хочу набирать? Даже не хочу прикасаться к пульту! Набирать комбинации сейчас — самое худшее, что я могу придумать! Я хочу просто сидеть на кровати и смотреть в пол.

В ее голосе прорезалось уныние и отчаяние, словно ее

окутала какая-то тяжесть.

Он включил звук телевизора, и в комнате загудел голос Бастера Джруби, заполняя пространство помещения:

— Ха-ха, парни! Теперь пора сообщить сводку погоды на сегодня! Спутник «Мангуста» докладывает, что осадки достигнут максимума к полудню, а затем уровень начнет понижаться, так что, если кто из вас, ребята, собирается отправиться на…

Рядом с Риком появилась Ирен, шурша волочащимся по полу халатом. Она выключила телевизор и сказала:

— Хорошо, сдаюсь. Я наберу все, что ты захочешь. Экстатический сексуальный порыв… Мне так плохо, что я даже это готова выдержать. Какая, в конце концов, разница?

— Я накручу и для тебя, — сказал Рик.

Он повел ее обратно в спальню и набрал на консоли ее стимулятора пятьсот девяносто четыре: радостное принятие первенства мудрого мужа в решении вопросов любого рода. На собственном пульте он накрутил нестандартный творческий подход к работе, хотя в этом едва ли была необходимость. Он всегда относился к своей работе именно так, даже не прибегая к помощи стимулятора.

После торопливого завтрака — он потерял на споры слишком много времени — Рик в полном облачении для выхода из дома, включавшем свинцовый гульфик модели «Аякс» фирмы «Скалистый берег», поднялся на крышу, где его овца пощипывала траву, симулируя удовольствие, втирая очки остальным жильцам дома.

Конечно, у некоторых животные тоже были электрическими, но он никогда не совал нос в чужие дела, и остальные соседи не слишком интересовались природой его овцы.

Было верхом бестактности спросить: «У вас настоящая овца?» Это было даже хуже, чем усомниться в натуральности зубов, волос или внутренних органов соседа.

Утренний воздух, загрязненный радиоактивными пылевыми частицами, приглушавшими блеск Солнца, поразил обоняние Рика, и он громко чихнул, избавляясь от этого запаха смерти.

«Ну, это слишком сильно сказано», — подумал он, пробираясь к собственному участку почвы, которым владел вместе со слишком большой квартирой. Наследие Последней мировой войны значительно сузило для выживших область потенциальных возможностей. Те, кто не был в состоянии пережить выпадение пыли и радиоактивных осадков, умерли и были преданы забвению много лет назад.

Теперь поредевшая пыль сражалась с выжившими, а стало быть, умеющими ей противостоять. Теперь она была способна

воздействовать только на сознание и генетический код.

Несмотря на свинцовый гульфик, эта пыль наверняка просочилась в его организм, добавляя каждый день, поскольку он все еще не эмигрировал, новую порцию пагубных осадков, хотя до сих пор все медицинские проверки относили Рика к разряду регуляров — людей, имеющих право воспроизводить свой род в рамках снисходительных законов. Но в любой момент проверка, проводимая врачами Департамента полиции Сан-Франциско, могла не показать этого. Регуляры продолжали порождать специалов из-за всепроникающей радиоактивной пыли. Текущим лозунгом момента, благодаря рекламе, звучащей с экранов телевизоров, кричащей с плакатов, было: «Эмигрируй или дегенерируй! Выбирать тебе!»

«Очень правильно сказано, — подумал Рик, отпирая калитку, ведущую на его личный маленький лужок. Он подошел к своей овце. — Но из-за моей работы я не могу эмигрировать».

Его поприветствовал сосед по дому и владелец ближайшего пастбища Билл Барбур. Он, как и Рик, был одет в деловой костюм, но остановился по дороге на работу посмотреть, как поживает его животное.

— Моя лошадка, — сияя, объявил он, — забеременела!

Он показал на крупного першерона, задумчиво уставившегося в пространство.

— Что вы на это скажете?

— Скажу, что скоро у вас будет две лошадки, — ответил Рик.

Он подошел к овце. Та лежала, пережевывая жвачку, не спуская с Рика внимательных глаз на случай, если тот принес ей овсяную лепешку. Эта модель овцы имела встроенный овсотропный контур, так что при виде упомянутого злака она очень натурально вскочила бы и поспешила к хозяину.

— А от чего она забеременела? — спросил Рик Барбура. — Ветром надуло?

— Я специально купил порцию оплодотворяющей плазмы самого высокого качества, какую только смог достать в Калифорнии, — сообщил Барбур, — через моих друзей в Департаменте животного хозяйства. Вы разве не помните, как на прошлой неделе их инспектор приходил осматривать Джуди? Они очень хотят получить жеребенка. Джуди у меня — высший класс!

Барбур с любовью похлопал лошадь по шее, и она наклонила к нему голову.

— Вы не хотите ее продать? — спросил Рик.

Боже, как ему хотелось иметь лошадь или вообще какое-нибудь настоящее животное! Ухаживать за подделкой — это постепенно деморализует человека. Но, понимая, что в силу

социального положения он не может достать такое животное, приходится довольствоваться электрическим. Но, если бы даже ему и было все равно, оставалась еще Ирен, которой было очень даже не все равно, какое у них животное.

— Продать, лошадь, — сказал Барбур, — было бы аморально.

— Тогда продайте жеребенка. Иметь двух животных еще более аморально, чем продать одно.

Озадаченный Барбур сказал:

— Почему? Очень многие имеют двух, трех и даже четырех животных, а вот у Фреда Уошборна, владельца завода хлореллы, — вообще пять. Вы разве не читали в «Хронике» статью про его утку? Считается, что это самая большая и упитанная утка на всем западном побережье!

Глаза Барбура заблестели, как только он вообразил себе такое богатство. Он постепенно погружался в транс.

Порывшись в кармане плаща, Рик вынул свой помятый и зачитанный экземпляр «Каталога животных Сидни и Фаула», приложение за январь. Он заглянул в оглавление в поисках страницы о лошадях — жеребятах — потомстве, и определил цену по всей стране.

— Жеребенка першерона у Сидни можно купить за пять тысяч долларов, — объявил он.

— Нет, не купите, — сказал Барбур. — Видите, название напечатано курсивом, значит у них нет сейчас ни одного свободного экземпляра. А цена — это на случай, если они появятся.

— Допустим, — сказал Рик, — я бы платил вам по пятьсот долларов каждый месяц. Это полная цена по каталогу. Десять месяцев — и полная цена.

Барбур сказал с жалостью:

— Декард, вы ничего не понимаете в лошадях. Почему у Сидни нет на продажу першеронов? На то есть причина. Жеребята першеронов просто не меняют владельцев, даже по цене, указанной в каталоге. Они слишком редко попадаются, даже относительно плохих кровей. — Он облокотился на изгородь, разделяющую их участки. — Джуди у меня уже три года, и за все это время я не встречал жеребенка першерона равных с ней достоинств. Чтобы купить ее, я сам летал в Канаду и лично вез домой, чтобы ее не украли. Привезите такое животное куда-нибудь в Колорадо или Вайоминг — и вас живо огреют по голове, а животное уведут. И знаете почему? Перед ПМВ имелись буквально сотни…

— Но, — сказал Рик, — если у вас будет две лошади, а у меня ни одной, разве это не будет противоречить всей теологической и

моральной структуре сострадания?

— У вас же есть овца. Черт побери, в своей личной жизни вы можете следовать каким угодно эмоциям. Если бы у вас не было овцы, я бы усмотрел еще в вашей позиции некоторую логику. Само собой, если бы у меня было двое животных, а у вас ни одного, я лишал бы тем самым вас истинного слияния с Сострадающим. Но в этом доме у каждой семьи — их примерно пятьдесят, по одной на каждые три квартиры, — есть какие-нибудь животные. У Грейсона есть цыпленок. Вон он. — Он указал на него. — Суке и его жена владеют большой рыжей собакой. Она лает по ночам. — Барбур задумался. — Кажется, у Эда Смита есть кот, он держит его в квартире и никому не показывает. Хотя, возможно, он просто врет.

Рик подошел к овце, наклонился и начал рыться в ее густой шерсти, пока не нашел то, что искал, — спрятанную контрольную панель механизма. На глазах Барбура он рывком открыл ее, обнажая механизм.

— Видите? — спросил он. — Теперь вы понимаете, почему мне так нужен ваш жеребенок?

После некоторого молчания Барбур сказал:

— Эх, бедняга… И так вы все время?

— Нет, — сказал Рик. Он снова закрыл панель своей электроовцы и повернулся лицом к соседу. — Сначала у меня была настоящая овца. Нам ее отдал отец жены, когда эмигрировал. Потом, примерно год назад — помните, когда я возил ее к ветеринару, вы как раз стояли наверху, — я вышел на крышу и увидел, что овца лежит, не в силах подняться.

— Да, я помню, вы подняли ее, — сказал Барбур, — но через пару минут она снова упала.

— У овец странные болезни, — сказал Рик. — Другими словами, у овец множество болезней, но симптомы все одинаковые. Овца не может подняться, и невозможно определить — растянута ли у нее связка на ноге, или она умирает от столбняка. С моей случилось последнее.

— Здесь? — удивился Барбур. — На крыше?

— Сено, — объяснил Рик. — Я не снял с охапки всю проволоку, и Груччо — так я звал его — поцарапался и заразился столбняком. Я отвез его к ветеринару, и там он умер. Я все думал об этом, а потом съездил в одну из мастерских, показал им фотографию Груччо, и они изготовили вот это. — Он показал на эрзац-овцу, которая продолжала трудолюбиво что-то пережевывать, все еще не теряя надежды обнаружить присутствие овса. — Это отличная работа. Я трачу на нее примерно столько же времени, сколько и на Груччо, но… — Рик пожал плечами.

— Это совсем не то, — закончил за него Барбур.

— Почти. Чувство почти такое же. За ней нужно следить так же внимательно, как и за настоящей, потому что они ломаются и соседи могут узнать. Эту я возил в починку шесть раз — в основном были мелкие неполадки. Но если бы кто-то увидел… Например, один раз что-то произошло с магнитной лентой, и она начала блеять без остановки, так что сразу можно было определить, что поломка чисто механическая. Вы, конечно, понимаете, что мастерская имеет соответствующую вывеску — какой-то там ветеринарный врач. — Рик бросил взгляд на часы, вспомнив про время. — Мне пора на работу. Увидимся сегодня вечером.

Он направился к своему кару, а Барбур поспешно крикнул ему вслед:

— Я никому ничего не скажу!

Остановившись, Рик хотел поблагодарить его, но потом какая-то часть отчаяния, о котором говорила Ирен, коснулась его, и он произнес:

— Не знаю. Возможно, это не имеет никакого значения.

— Но они все будут смотреть на вас сверху вниз. Не все, но некоторые. Вы ведь знаете, как люди относятся к заботе о животных. Не иметь животное считается аморальным и антиэмпатическим. То есть это не преступление, как сразу после ПМР, но чувство все равно сохранилось до сих пор.

— Боже! — воскликнул Рик, в отчаянии взмахнув руками. — Но ведь я *хочу* иметь животное. Я стараюсь купить что-то подходящее, но на мое жалованье простого служащего…

«Если, — подумал он, — мне снова повезет, если я смогу пришить четырех анди за этот месяц, если бы я знал тогда, что Груччо умрет… Ведь два года назад мне удалось взять четверых…»

Но это было еще до появления куска проволоки, двухдюймового, похожего на обломок медицинской иглы, до столбнячного вируса.

— Вы могли бы купить кота, — предложил Барбур, — они недорогие, проверьте по каталогу.

— Мне не нужно комнатное животное, — тихо сказал Рик. — Я хочу то, что у меня было с самого начала, — настоящую большую овцу или что-то в этом роде. Корову, если удастся собрать денег, или лошадь, как у вас.

Он вдруг осознал, что премия за «отправку на покой» пяти анди позволила бы ему сделать это. «По тысяче долларов за анди сверх моего жалованья. Потом где-то и у кого-то я бы раздобыл то, что мне нужно, пусть даже в каталоге Сидни они и значатся

курсивом. Пять тысяч долларов. Но, — подумал он, — пятерым анди надо сначала добраться до Земли с одной из колонизированных планет. Это от меня не зависит. Я не могу заставить пятерых андроидов бежать сюда, и если бы даже смог, то есть и другие охотники из других полицейских агентств в мире. Анди нужно было бы устроить резиденцию именно в Северной Калифорнии, и старшему охотнику за андроидами в этом регионе Дейву Холдену нужно было бы умереть или уйти на пенсию».

— Купите сверчка, — остроумно посоветовал Барбур, — или мышку. Слушайте, в самом деле, за двадцать пять зеленых вы можете купить взрослую мышь.

— Ваша лошадь тоже может умереть, как Груччо, — сказал Рик, — без предупреждения. Вы придете домой с работы, а она лежит на спине, ножки вверх, как жук, как этот, как вы сказали, сверчок.

Он зашагал прочь, сжимая в руке ключ от кара.

— Извините, если обидел вас, — нервно вслед ему проговорил Барбур.

Рик Декард в молчании открыл дверцу аэрокара, ему нечего было сказать соседу. Его мысли были уже заняты работой, предстоящим рабочим днем.

Два

В пустой комнате пустынного гигантского многоэтажного дома, вмещавшего ранее тысячи людей, одинокий телевизор продолжал во всю мощь динамика развлекать пустоту.

До Последней мировой войны эта ничейная руина была процветающим, оберегаемым и любимым многими домом.

Здесь располагался пригород Сан-Франциско, до города было рукой подать быстрым монорельсовым экспрессом.

Весь полуостров пел и шумел жизнью, словно полное птиц дерево, а теперь владельцы его или умерли или эмигрировали на одну из планет-колоний.

Во-первых, потому, что война обошлась дорогой ценой, несмотря на храбрые предсказания Пентагона и его самодовольного научного вассала — «Корпорации Рэнд», которая к тому же находилась неподалеку от этих мест. Как и владельцы квартир, корпорация переехала в другое место, что было к лучшему. Никто о ней не жалел.

Теперь уже никто не помнил, почему началась война и кто, если вообще кто-то, победил. Пыль, заразившая всю атмосферу Земли, взялась словно бы ниоткуда, а ни один из военных противников не предполагал, что она может появиться.

Сначала, как эта ни странно, вымерли совы.

Тогда это казалось почти забавным — толстые, в белом пуху, птицы валялись тут и там, во дворах и на улицах..

Обычно они вылетали из своих гнезд только после наступления темноты и редко попадались на глаза людям. В средние века эпидемии чумы проявляли себя подобным образом — вымирали крысы. Но эта чума спустилась сверху.

За совами последовали остальные птицы, но к тому времени загадка была уже решена. Колонизационная программа потихоньку развивалась еще до войны, но теперь, когда Солнце больше не сияло над Землей, колонизация вступила в совершенно новую фазу. В связи с этим орудие войны — Синтетический борец за свободу — было модифицировано.

Способный функционировать в условиях другой планеты гуманоидный робот — строго говоря, органический андроид — превратился в мобильный вспомогательный движитель всей программы колонизации. По введенному ООН закону, каждый эмигрант автоматически становился владельцем андроида какого-либо — по его собственному выбору — подтипа. К 1990 году разнообразие подтипов превзошло всякие предположения, подобно разнообразию моделей автомобилей в Америке

шестидесятых годов.

Это был финальный стимул эмиграции — слуга-андроид в качестве пряника и радиоактивные осадки в качестве кнута. ООН позаботилась о том, чтобы эмигрировать стало легко, а оставаться — трудно, если вообще возможно.

Медлить с переселением означало обнаружить себя среди класса биологически нечистых, оказаться угрозой для безупречной наследственности расы. Если на гражданине закреплялся ярлык «специал», он, даже Добровольно приняв стерилизацию, выпадал из истории. Фактически он больше не был уже частью человечества. И все же то тут, то там некоторые люди отказывались эмигрировать. Это даже для занимавшихся этой проблемой представляло приводившую в недоумение иррациональность, алогичность.

Рассуждая логически, все регуляры должны были бы эмигрировать. Очевидно, даже в искалеченном виде, Земля оставалась слишком привычной, чтобы от нее можно было легко отказаться. Или, возможно, эти люди воображали, что пылевой чехол постепенно рассеется.

Во всяком случае, тысячи людей продолжали оставаться на Земле. Большая их часть скапливалась в городских районах, где они могли физически ощущать присутствие друг друга и находить в этом поддержку. Это были, в общем-то, относительно нормальные индивиды.

Вместе с ними в покинутых пригородах стали селиться всякие странные типы.

Одним из них был Джон Исидор, который как раз брился, а телевизор в соседней комнате продолжал вопить и стенать в пустоту.

Джон забрел в эти места еще в первые послевоенные дни. В те мрачные времена все пришло в движение: сорванные с насиженных мест, в одиночку и группами, люди скитались из одной местности в другую. В тот период радиоактивная пыль выпадала неравномерно. Одни штаты были от нее почти свободны, другие просто задыхались. И население передвигалось в соответствии с перемещением пыли. Полуостров к югу от Сан-Франциско был сначала почти свободен от пыли, и очень многие спешили поселиться здесь. Когда появилась пыль, некоторые умерли, остальные уехали. Джон Р. Исидор остался.

Телевизор не умолкал.

— …воссоздавая безмятежную атмосферу штатов предвоенных дней! Штатов на юге страны! В качестве личного слуги или неутомимого помощника в работе, сделанный по индивидуальному заказу, гуманоидный робот, приспособленный

специально для ваших личных уникальных нужд, для вас и только для вас, вручается вам по прибытии совершенно бесплатно, полностью подготовленный в соответствии с вашими указаниями, отданными перед отлетом с Земли. Он станет вашим верным безотказным спутником, будет разделять трудности величайшего и отважнейшего приключения, на которое отважилось человечество за всю историю…

Телевизор продолжал в том же духе без конца.

«Не опоздал ли я на работу?» — думал Исидор, царапая подбородок. У него не было исправных часов. Обычно он сверялся с сигналами по телевизору, но сегодня, судя по всему, был День международного обозрения. Во всяком случае, как утверждалось, наступила пятая — или шестая? — годовщина основания Новой Америки — главного американского поселения на Марсе, а телевизор Джона Исидора, будучи не совсем исправным, принимал только один канал — правительственный, национализированный в дни войны и оставшийся им и по сей день.

Оказалось, что Исидор вынужден теперь слушать официальную программу правительства в Вашингтоне, рассказывавшую об успехах колонизации ближайшей к Земле планеты Солнечной системы.

— Послушаем миссис Мегги Клегмен, — предложил Джону диктор на экране.

Но Джон хотел всего лишь узнать, который час.

— Миссис Клегмен, совсем недавно эмигрировавшая на Марс, в записанном на пленку в Нью-Йорке интервью, сказала следующее: миссис Клегмен, как вы считаете, сильно ли отличается жизнь на зараженной радиацией Земле от жизни здесь, на новой планете, полной всевозможных перспектив?

Последовала пауза, потом усталый, хриплый голос женщины средних лет сказал:

— Я думаю, что меня и нашу семью из трех человек больше всего поразило… достоинство.

Диктор спросил:

— Достоинство, миссис Клегмен?

— Да, — ответила она, в настоящее время бывшая жительница Нью-Йорка, — это трудно объяснить. Иметь слугу, на которого можно положиться в эти беспокойные времена, — я нахожу, что это очень ободряет.

— А на Земле, миссис Клегмен, в прошлом, вы не опасались оказаться в числе классифицируемых как… «специал»?

— О, мы с мужем страшно беспокоились, просто ужасно. Конечно, сейчас, когда мы эмигрировали, все эти волнения

позади, и, к счастью, навсегда.

«И для меня они исчезли навсегда, — кисло подумал Джон Исидор. — И мне даже не понадобилось эмигрировать». Он числился в ряду специалов уже более года, и не только с точки зрения нарушенных генов, которые он носил.

Более того, он провалил тест на минимум умственных способностей, что делало его, говоря простыми словами, недоумком.

На Джона Исидора низверглось презрение трех обитаемых планет, но, несмотря на это, он остался в живых.

У него была работа — он водил фургон доставки животных при фирме по ремонту поддельных животных «Ветеринарная лечебница Ван-Несса». Мрачный его босс Ганнибал Слоут относился к нему как к нормальному человеку, за что Джон был ему очень благодарен. «Жизнь неопределённа, не вызывает сомнений лишь смерть», — любил говорить мистер Слоут иногда. Исидор, хотя и слышал это уже не однажды, смутно понимал смысл этих слов. В конце концов, если недоумок способен разбираться в латыни, то он перестает быть недоумком.

Сам мистер Слоут признал истину, когда ему было указано на данное обстоятельство.

Имелось, кроме того, множество бесконечно более глупых недоумков, чем Джон Р. Исидор, которые вообще не могли работать и постоянно обитали в специальных заведениях, вроде причудливо названного «Института особых трудовых навыков». Слово «особых», как всегда, напоминало о природе обитателей данного заведения.

— …но ваш муж не чувствовал, — говорил диктор на телеэкране, — что, одевая дорогой и неудобный свинцовый гульфик, он надежно предохраняет себя, не так ли, миссис Клегмен?

— Мой муж… — начала миссис Клегмен.

В этот момент, завершив бритье, Исидор вошел в другую комнату и выключил телевизор.

Тишина навалилась на него со стен, с поломанной мебели. Она смяла его всей своей ужасной мощью, словно питаемая гигантской электростанцией безмолвия. Она поднималась от пола, от серого вытертого ковра, покрывавшего все пространство комнаты — от стены до стены. Ее выпустили на волю поломанные кухонные принадлежности, мертвые хозяйственные устройства, которые не работали уже тогда, когда в квартире появился Джон Исидор. Не горевшая лампа-торшер в гостиной источала тишину, которая смешивалась с тишиной, опускавшейся с потолка. Ей удавалось выливаться из любой вещи, словно тишина собиралась

подменить собой материальные предметы.

Тишина атаковала не только уши, но и глаза. Стоя рядом с безмолвным телевизором, Джон не только слышал, но и видел тишину, словно она была живым существом. Он и раньше подобным образом ощущал суровое ее приближение — когда тишина приходила, она врывалась неожиданно, бесцеремонно, явно не в силах ждать. Безмолвие мира не в состоянии было совладать с собственной жадностью, больше не было в состоянии совладать и теперь, когда оно практически победило.

«А другие, — думал он, — те, которые остались на Земле, как они воспринимают образовавшуюся пустоту? Или здесь все дело в особенностях моей биологической структуры, в недостатках моего сенсорного аппарата? Это интересный вопрос». Но с кем он мог обменяться своими наблюдениями?

В этом слепом и глухом доме с тысячью незанятых квартир он жил одиноко, чувствуя, как дом, подобно своим собратьям, день за днем превращается во все более ужасную и безнадежную жертву энтропии. В конечном счете все содержимое дома превратится в однородную безликую массу, в пудинг из бесполезного хлама, который заполнит все комнаты от пола до потолка, а потом и сами побежденные дома превратятся в бесформенную массу, погребенную под всепроникающей пылью.

К тому времени он сам, конечно, уже умрет. Это тоже было довольно интересным в перспективе явлением, которое занятно было предчувствовать, стоя в гостиной один на один с безмолвной, всепроникающей тишиной.

Наверное, лучше было бы снова включить телевизор, но вся эта реклама, направленная на оставшихся еще регуляров, вызывала у него чувство страха. Она напоминала о несчетных путях и возможностях, закрытых для него, специала.

Он был им не нужен. Он не смог бы даже эмигрировать, если бы и захотел.

Так зачем все это слушать? К черту их всех вместе с колонизацией! Хоть бы там, в колониях, началась война! Тогда там все кончится так же, как и на Земле. Все эмигрировавшие окажутся специалами.

«Ладно, — подумал он. — Я иду на работу».

Он потянул ручку двери — и перед ним открылся неосвещенный холл.

Джон тут же отпрянул назад, бросив лишь взгляд на безмолвный вакуум, в который был погружен весь дом. Да, она ждала его в засаде, эта сила, которую он явно чувствовал. Она пронизывала и его квартиру. «Бог мой!» — подумал он, закрывая дверь. Он не был готов еще к длинному путешествию по гулким

лестницам на самую крышу, где его не будет ждать животное. Эхо собственных шагов, эхо пустоты. «Пора взяться за рукоятки», — сказал он себе и прошел в гостиную к черному эмпатическому ящику.

Включив его, он почувствовал запах ионизации, распространяющийся от блока питания, и с радостью вдохнул его, ожив. Засветилась катодная трубка, подобная слабой имитации телеэкрана. Появился внешне случайный узор цветных полос, линий и фигур. Пока не сжаты рукоятки, этот узор ничего не значил. Джон вздохнул и сжал рукоятки эмпатического генератора.

Перед ним синтезировался зрительный образ: он увидел перед собой знаменитый пейзаж — коричневый склон старой горы, уходящей вверх. Высохшие, скелетообразные стебли бурьяна втыкались в сумрачное, бессолнечное небо. Вверх по склону поднималась одинокая фигура в балахоне такого же унылого цвета, как небо.

Этот человек, Вилбур Сострадающий, потихоньку продвигался вперед. Ухватившись за рукоятки, Джон Исидор чувствовал, что восприятие гостиной, в которой он находился, постепенно исчезает. Старая мебель и стены отодвинулись в никуда, он больше не воспринимал их. Вместо этого, как всегда, он оказался в ином мире, с унылым серым небом и грязно-коричневой землей. Он перестал быть просто зрителем подъема старика — теперь его собственные ноги шагали по гравию и камням. Он снова почувствовал под ногами острые грани камней, снова вдыхал едкую дымку местного неба, неба этого чуждого ему мира, который посредством эмпатического генератора воспринимался как реальность.

Он перенесся туда обычным и загадочным, ошеломляющим путем. Произошло физическое и ментальное слияние с Вилбуром Сострадающим. Это произошло сейчас со всеми, кто сжимал рукоятки эмпатического генератора на Земле или на одной из колонизированных планет. Он почувствовал присутствие всех этих людей, и в его сознание влился поток их мыслей.

Он услышал в своей голове шум множества индивидуальностей. Их — и его — занимала одна-единственная вещь — слияние их сознаний. Слияние ориентировалось на склон холма, на подъем и его необходимость. Шаг за шагом, почти неощутимо, но путь к вершине преодолевался. «Выше и выше, — думал Джон, а под ногами шуршал гравий. — Сегодня мы поднялись выше, чем вчера, а завтра…» Он, составная часть Вилбура Сострадающего, поднял голову, измеряя взглядом оставшееся расстояние. Нет, еще слишком далеко. Но конец

будет!

Камень, брошенный в него, ударил в руку, и он почувствовал боль. Он повернулся, мимо пронесся еще один камень, не попав в него. Камень ударился о другой камень на земле, и этот звук заставил его вздрогнуть. Кто это? Он всматривался в пройденный путь, стараясь отыскать обидчика.

Старый недруг постоянно держался на краю поля зрения. Он или дни преследовали его и до самого конца пути не оставят в покое.

Он вспомнил вершину, неожиданно ставший плоским грунт. Так кончился подъем и началась другая часть пути.

Сколько раз уже это бывало с ним? В памяти сливались прошлое и будущее. Все, что он уже успел испытать, и все, что он в конечном счете испытает, все сливалось, оставался лишь настоящий момент, когда он стоял и потирал ссадину на руке. «Боже, — устало подумал он. — Разве это справедливо? Почему я здесь, вот так, и меня что-то мучит, и я не могу понять, что или кто это?»

В следующее мгновение всеобщий хор голосов внутри него, всех тех сознаний, что слились с ним, развеял ощущение одиночества.

«Вы тоже почувствовали».

— Да, — ответили голоса. — Камень ударил нас по левой руке. Было чертовски больно.

— Ладно, — сказал он. — Надо подниматься вверх.

И снова двинулся вперед, и все присоединились к нему.

Он вспомнил, что когда-то, еще задолго до проклятия, в первой, счастливой жизни все было не так. Его приемные родители, Фрэнк и Кора Сострадающие, обнаружили его плавающим на резиновом спасательном плотике у берегов Новой Англии. Или это было на побережье Мексики у города Тампико? Сейчас он не помнил деталей.

Детство его было безмятежным. Он любил животных, и одно время даже обладал способностью оживлять мертвых животных. Он жил в окружении жуков и кроликов. Было ли это на Земле или в колониях — он не помнил. Но он помнил убийц, они арестовали его, словно он был уродом.

После этого все изменилось.

Местное законодательство запрещало использовать способность возвращения умершим жизни. Они предупредили его об этом, когда ему исполнилось шестнадцать. Он еще год продолжал втайне заниматься этим, уходя в сохранившиеся леса, пока какая-то старуха, которую он даже не знал, не выдала его.

И они — убийцы — без согласия его родителей

бомбардировали в его мозгу уникальное образование, облучили его радиоактивным кобальтом, и он оказался погруженным в совершенно другой мир, о существовании которого и не подозревал до сих пор. Это была глубокая яма, заполненная трупами и костями, и он потратил годы, чтобы выбраться оттуда. Исчезли ослики, потом лягушки — важнейшие для него существа, остались только расчлененные трупы: здесь безглазая голова, там — кусок ноги.

Наконец, птица, попавшая туда умирать, рассказала ему, где он находится. Он погрузился в могильный мир и не сможет выбраться оттуда, пока все останки вокруг не станут вновь живыми животными и людьми. Он стал частью обмена веществ этого мира, и, пока они не восстанут, ему тоже не выйти отсюда.

Сколько времени длилась эта часть цикла, он не знал. Собственно, ничего не происходило, потому что время измерять было нечем. Но, в конце концов, на костях наросла плоть, пустые глазницы заполнились хрустальными шариками глаз.

Защелкали восстановившиеся клювы, и заревели новые рты, глотки и пасти.

Возможно, что причиной тому был именно он.

Возможно, экстрасенсорный узел мозга восстановился, быть может, это был естественный процесс. И теперь он вместе со всеми начал путь наверх, но потерял их из виду и теперь идет один.

Но одновременно, внутри, он ощущал их присутствие каким-то странным образом.

Исидор сжимал рукоятки эмпатического генератора, испытывая незабываемое ощущение, будто всем своим телом он вобрал все живые существа. Потом он нехотя отпустил рукоятки. Как всегда, это должно было кончиться. К тому же рука болела и кровоточила — камень оставил ранку.

Джон осмотрел руку и неуверенным шагом направился в ванную, чтобы промыть ее.

Он уже не впервые получал раны, находясь в слиянии с Вилбуром Сострадающим. Некоторые люди, особенно пожилые, даже умирали, достигнув вершины холма, где начинались настоящие мучения. «Смогу ли я еще раз пережить вершину? — спросил он себя, промывая ссадину. — Может случиться сердечный приступ. Лучше бы я жил в центре города, там есть доктора и эти электрические машины, а здесь, в пустынном месте, это довольно рискованно».

Но он знал, что пойдет на это.

Так всегда было и раньше. Так делали почти все люди, даже пожилые и слабые физически.

Он вытер ранку бумажной салфеткой и услышал приглушенный звук работающего телевизора.

«В этом доме есть кто-то еще», — подумал Исидор. Это было дико, он не мог поверить. «Но это другой телевизор, я ясно чувствую вибрацию пола, а мой аппарат выключен. Этот телевизор стоит на нижнем этаже. Я больше не один».

Джон Исидор понял, что в доме появился новый жилец, который занял одну из пустующих внизу квартир, и она достаточно близко к его квартире — второй или третий этаж, не ниже. Он начал лихорадочно размышлять.

Что нужно делать, когда появляется новый жилец? Зайти, как бы случайно, и что-нибудь спросить? Он не мог припомнить ничего, с ним такого еще никогда не случалось. Люди уезжали, эмигрировали, но никто никогда не приезжал!

Он решил, что нужно им что-нибудь отнести: стакан воды, молока, муки, а лучше яйцо, точнее, их эрзац-заменители.

Заглянув в холодильник, он отыскал сомнительной годности пачку маргарина и, испытывая радостный подъем, чувствуя ускоренное биение сердца, направился вниз. «Надо сохранять спокойствие, — думал он, — чтобы он не догадался, что я недоумок. Если он увидит, что я ненормальный, то не станет со мной разговаривать. Так всегда получалось. Интересно, почему?»

Он быстро зашагал по коридору.

Три

По дороге на работу Рик Декард, подобно бог знает какому количеству людей, остановился поглазеть на витрину одного из самых крупных в Сан-Франциско зоомагазинов. Он выбрал стенд, где продавались животные. В центре застекленной витрины длиной в целый квартал, в прозрачной клетке с подогревом содержался страус. Рик смотрел на страуса, а страус смотрел на него. Птица, как гласила табличка, только что прибыла из зоопарка в Кливленде.

Это был единственный страус на западном побережье. Рассмотрев страуса, Рик еще несколько минут мрачно изучал ценник, а потом продолжил путь к зданию Дома правосудия на Ломбард-стрит, и обнаружил, что опоздал на работу на четверть часа.

В тот момент, когда он отпирал дверь своего кабинета, его начальник, инспектор полиции Гарри Брайант, рыжеволосый, с оттопыренными ушами, в плохо сидящей одежде, но всегда с полными внимания глазами, замечавшими вокруг все, имевшее хоть какую-нибудь ценность или важность, окликнул его.

— Встретимся в девять тридцать в кабинете Дейва Холдена.

Одновременно он пролистал пачку скрепленных зажимом листков папиросной бумаги.

— Холден, — сообщил он, продолжая перелистывать, — лежит в больнице «Маунт-Сион». Ему пробило позвоночник выстрелом лазера. Он будет лежать там по крайней мере месяц, пока не приживется органопластическая секция позвоночника.

—: Что с ним случилось? — воскликнул пораженный новостью Рик.

Еще вчера главный охотник за андроидами из их департамента был абсолютно здоров и в конце рабочего дня, как всегда, помчался на аэромобиле домой, в престижную густонаселенную часть города в районе Ноб-Хилла.

Брайант что-то пробормотал через плечо насчет сбора в полдесятого и ушел, оставив Рика в одиночестве.

Войдя в свой кабинет, Декард услышал голос своей секретарши, Энн Марстен.

— Мистер Декард, вы знаете, что случилось с Дейвом Холденом? Его подстрелили!

Вслед за Риком она вошла в душный, маленький кабинет и включила кондиционер.

— Да, — рассеянно сказал он.

— Должно быть, это один из тех сверхумных анди, которых

начала выпускать «Розен Ассосиэйшн», — сказала мисс Марстен. — Вы читали брошюру? Мозг типа «Узел-6», который они устанавливают в этих моделях, способен осуществить выбор среди двух триллионов составляющих, а это десять миллионов независимых трактов. — Она понизила голос. — Вы пропустили звонок по видеофону сегодня утром. Мне рассказала мисс Вилд. Ровно в девять его транслировали через общий коммутатор.

— Звонили к нам? — спросил Рик.

— Нет, от нас, — сказала мисс Марстен. — Мистер Брайант звонил в Россию, в их управление милиции, не согласятся ли они поставить подпись под совместной жалобой на руководство «Розен Ассосиэйшн». Мы пошлем ее представителям в нашем полушарии, а они — в своем.

— Гарри все еще требует, чтобы «Узел-6» убрали с рынка? — Он не был удивлен. Еще с того момента, когда была распространена информация об испытаниях и характеристиках этой модели в августе 1991 года, большая часть полицейских отделений, имеющих дело с андроидами-беглецами, подняла протестующий шум. — Русские не могут сделать ничего, чего не можем сделать мы, — сказал он. — С юридической точки зрения, производители андроидов с мозгом типа «Узел-6» подчиняются колониальному законодательству, поскольку их головные предприятия размещаются на Марсе. Нам лучше примириться с этим фактом. Так было всегда, когда на рынок выбрасывали новый тип мозга. Я помню, какие были вопли, когда парни Сандермана выставили напоказ свой старый Т-14 — это было еще в восемьдесят девятом. Не было такого полицейского управления в Западном полушарии, которое не утверждало бы, что ни один тест не сможет установить природу этого мозга в случае нелегального проникновения андроида на Землю. Честно говоря, в то время они были правы.

Насколько он мог вспомнить, более пятидесяти андроидов типа Т-14 тем или иным путем проникли на Землю и им удавалось оставаться необнаруженными в течение года или около того.

Но потом Павловский институт в СССР разработал тест на эмпатию, и ни одному из Т-14 еще не удалось пройти через него.

— Хотите узнать, что ответили русские? — спросила мисс Марстен. — Я специально узнавала.

Ее веснушчатое лицо сияло.

— Мне расскажет Гарри Брайант, — ответил Декард.

Внутридепартаментские слухи его раздражали, потому что правда всегда оказывалась прозаичнее. Усевшись за стол, он принялся рыться в ящике и демонстративно ждал, пока мисс

Марстен не поймет намек и не выйдет из кабинета.

Он извлек из ящика древний потертый конверт из плотной коричневой бумаги. Затем откинулся на спинку кресла новейшей модели и принялся рыться в содержимом конверта, пока не отыскал нужные ему данные по устройству мозга типа «Узел-6».

Потребовалось лишь несколько минут, чтобы сообщение мисс Марстен получило подтверждение. Эта модель действительно обладала двумя триллионами составляющих плюс способность выбирать из десяти миллионов возможных вариантов мозговой деятельности. За сорок пять сотых секунды оборудованный таким мозгом андроид мог бы выбрать и принять одну из четырнадцати базовых реакций-положений.

Да, тест на умственные способности такого анди не расколет. Правда, уже многие годы андроиды успешно преодолевали тесты на умственные способности, начиная с семидесятых годов, когда перестали пользоваться неуклюжими, примитивными моделями первого поколения.

Рик считал, что андроид такого типа, как «Узел-6», может превосходить по умственным способностям человека. Другими словами, андроид с таким мозгом уже превзошел своими возможностями часть, пусть и не самую выдающуюся, человечества. Слуга в некоторых отношениях стал совершеннее господина. Но теперь существовали новые критерии оценки мозга, например эмпатическая шкала Войт-Кампфа. Любой, даже самый одаренный андроид ничего не был в состоянии понять в том слиянии, которое имело место во время эмпатических сеансов у всех последователей Сострадающего, что легко удавалось даже ненормальному недоумку.

Рика, как и большинство людей, занимал вопрос — почему андроид проваливает любой тест на изменение эмпатии. Эмпатия, сопереживание, сочувствие — все это, очевидно, было присуще только человеческому существу, в то время как проблески интеллекта можно было обнаружить в той или иной мере у любого вида животных — даже у пауков. Очевидно, с одной стороны, эмпатическое качество требовало чего-то вроде группового инстинкта, а одиночная особь, вроде паука, в нем не нуждалась, и более того, такой инстинкт только уменьшил бы его шансы на выживание — ведь он заставил бы его сознавать, что он выживает за счет жертвы. Следовательно, все хищники, включая и высокоразвитых, умерли бы с голоду.

Рик когда-то решил, что эмпатия должна ограничиваться только травоядными или, по крайней мере, всеядными существами, которые были способны существовать и без мясной пищи, иначе размывалась грань между охотником и жертвой,

между победителем и побежденным. Подобно тому, как в слиянии с Сострадающим все они поднимались к вершине, а потом, завершив очередной цикл, погружались смиренно в могильный мир. Как ни странно, но этот дар являлся своего рода биологическим предохранителем, хотя и обоюдоострым. Если одно существо испытывало радость, то и все остальные получали свою долю радости. Однако если одно существо страдало, то и другие не могли избежать таких же страданий. Стадное животное, вроде человека, получало таким образом дополнительный шанс на выживание. Сова или кобра погибли бы, имей такой инстинкт.

Гуманоидный робот представлял собой как раз такого одинокого хищника.

Рику больше нравилось думать об андроидах именно в таком ключе. Это делало его работу более терпимой. Отправляя на покой, то есть попросту убивая, андроида, он не нарушал закона Жизни, провозглашенного Вилбуром Сострадающим. «Ты должен убивать только убийц», — сказал им Сострадающий в тот первый год, когда генераторы эмпатии только появились на Земле.

По мере того как сострадание переросло в теоретическое учение, усложнилась до крайности и концепция убийства убийц. В теории сострадания абсолютное зло цеплялось за жалкий плащ старого человека, взбиравшегося по склону, но не было никакой возможности понять, что это или кто это — представляющие зло. Сострадающий только чувствовал присутствие зла, но не понимал его природы.

Другими словами, Сострадающий видел туманное присутствие убийц везде, где только можно. Для Рика Декарда бежавший гуманоидный робот, снабженный искусственным интеллектом, превосходящим интеллект многих людей, равнодушный к животным, не имеющий способности испытывать радость или делить горе с себе подобными и убивший своего хозяина, — этот робот символизировал зло.

Равнодушие анди к животным тут же навело Рика на мысль об увиденном сегодня в витрине магазина страусе. Он на время отодвинул в сторону документацию на «Узел-6», взял немного принадлежавшей мисс Марстен нюхательной соли «Сидонс», втянул ее носом, сверился с часами и вычислил, что у него есть еще немного времени. Он поднял трубку настольного видеофона и сказал секретарше:

— Вызовите зоомагазин «Счастливый пес» на Саттер-стрит.

— Одну минуту, сэр, — сказала мисс Марстен и раскрыла телефонный справочник.

«Нет, — сказал себе Рик Декард, — не могут же они спросить такую сумму за страуса. Наверняка они должны сбавить. Так было

всегда, особенно в старые времена, когда торговали машинами».

— Зоомагазин «Счастливый пес», — объявил бодрый и жизнерадостный мужской голос.

На видеоэкране появилось изображение веселого лица. Было слышно, как ревут и лают животные.

— Этот страус, которого вы выставили, — сказал Рик, играя стоящей перед ним керамической пепельницей. — Сколько я должен внести за него сразу?

— Минутку, — сказал продавец зоомагазина. Он вооружился карандашом и бумагой. — Сразу выплачивается одна треть. — Он начал считать. — Позвольте спросить, сэр, вы собираетесь покупать?

Рик ответил сдержанно:

— Я еще не решил.

— Ну, допустим, мы заключим тридцатимесячный контракт, — сказал продавец, — с очень низким комиссионным процентом — всего шесть процентов в месяц. Тогда ваш первоначальный взнос после достаточного первоначального составит…

— Вы должны понизить цену, — сказал Рик. — Сбавьте две тысячи, и я вношу все сразу наличными.

«Дейв Холден сошел со сцены, — думал Рик. — Это может означать очень многое, принимая во внимание то, сколько заданий будет у меня в этом месяце».

— Сэр, — сказал продавец, — наша цена и так на тысячу долларов ниже указанной в каталоге Сидни. Проверьте по вашему экземпляру, я подожду. Я хочу, чтобы вы сами убедились, что мы запрашиваем справедливую цену.

«Боже, — думал Рик, — они и не думают уступать». Ради интереса он вытащил из кармана каталог и отыскал раздел «страусы». Страус, запятая, самка — самец, молодой — старый, больной — здоровый, бывший в употреблении — новый. Рик сверил цены.

— Не бывший в употреблении, самец, молодой, здоровый, — сказал продавец. — Тридцать тысяч долларов. — Он тоже держал перед собой каталог Сидни. — Наша цена ровно на тысячу меньше. Итак, ваш первый взнос…

— Я подумаю, — сказал Рик, — и перезвоню вам. — Он хотел уже повесить трубку, но продавец с готовностью спросил:

— Ваше имя, сэр?

— Фрэнк Мерривел, — сказал Рик.

— Ваш адрес, мистер Мерривел, на случай, если меня здесь не будет, когда вы позвоните.

Рик назвал вымышленный адрес и повесил трубку. «Такие

деньги! — думал он. — Однако люди покупают. У некоторых, видимо, имеются такие суммы». Он поднял снова трубку и сказал:

— Дайте мне город, мисс Марстен. И не подслушивайте! Это секретный разговор.

Он свирепо посмотрел на нее.

— Да, сэр, — сказала она. — Прошу вас, набирайте.

Она отключилась, оставив Рика лицом к лицу с реальностью мира.

Он набрал по памяти номер эрзац-зоомагазина, в котором покупал свою электроовцу. На маленьком экране появился человек, одетый как ветеринар.

— Доктор Мак-Ре, — представился он.

— Это Декард. Скажите, сколько стоит электрический страус?

— Гм, я сказал бы, что можно подобрать приличного страуса долларов за восемьсот. Когда его вам доставить? Нам пришлось бы сделать его специально — не так много заказов поступает на…

— Я позвоню вам позже, — перебил его Рик.

Бросив взгляд на часы, он обнаружил, что уже девять тридцать.

— До свидания.

Рик поспешно опустил трубку, поднялся и вскоре уже стоял перед дверью кабинета инспектора Брайанта. Он прошел мимо первой секретарши, молодой и привлекательной, с серебристыми волосами до талии, потом миновал вторую, не молодую, скорее напоминающую монстра из болот юрского периода. Ни одна из женщин не заговорила с ним, и он молча прошел мимо. Открыв дверь, он кивнул начальнику, занятому разговором по видеофону. Пока Брайант разговаривал, он вытащил документы по мозгу «Узел-6» и еще раз просмотрел их.

Он чувствовал себя подавленно.

Однако, рассуждая логически, неожиданное исчезновение со сцены Дейва должно было бы привести его одновременно и в радостное и в настороженное состояние.

Четыре

«Возможно, — думал Рик Декард, — меня беспокоит тот факт, что со мной может случиться то же, что и с Холденом. Достаточно сообразительный анди, подстреливший Дейва, может с тем же успехом разделаться и со мной. Но, кажется, дело все же не в этом».

— Я вижу, ты притащил документацию на это новое мозговое устройство, — сказал инспектор Брайант, кладя трубку.

— Да, — согласился Рик, — до меня уже дошли слухи. Сколько здесь замешано анди и как далеко продвинулся Дейв?

— Всего восемь, — ответил Брайант. Он сверился с листком в зажиме. — Холден успел уложить двоих.

— Оставшиеся шесть находятся здесь, в Северной Калифорнии?

— Насколько нам известно, да. Дейв считает именно так. Вот его записи, они взяты сегодня из ящика его стола. Прочти, здесь он говорит все, что ему известно.

Брайант постучал пальцем по стопке листков, почему-то не передавая их Рику. Он продолжал перелистывать их, хмурясь и шевеля губами.

— У меня никаких дел не предвидится, — с готовностью предложил Рик, — я готов заменить Холдена.

— При испытании подозреваемых Дейв использовал тест Войт-Кампфа. Ты понимаешь, конечно, что этот тест не рассчитан на новую модель мозга. Такого теста вообще пока нет. У нас есть только шкала Войта, три года назад усовершенствованная Кампфом.

Он помолчал, размышляя.

— Дейв считал, что тест оправдывает себя. Возможно, он и прав, но я бы, перед тем как ты возьмешься за оставшуюся шестерку, предложил вот что.

И он постучал по пачке бумаги.

— Слетай в Сиэтл и поговори с людьми из Ассоциации Розена. Пусть они дадут тебе на проверку один из экземпляров нового андроида с мозгом типа «Узел-6».

— И я проведу испытание по Войт-Кампфу, — сказал Рик.

— Это легко только на словах, — сказал Брайант, — Но…

— Простите?

— Пока ты будешь в пути, я переговорю с представителями Ассоциации Розена. — Он некоторое время молча смотрел на Рика. Наконец Брайант вздохнул и сказал: — Я хочу обсудить с ними возможность включения в тест нескольких человек вместе с

андроидами. Но вы не будете об этом знать. К моменту твоего прибытия все уже будет подготовлено. Это будет целиком мое решение.

Брайант ткнул пальцем в Рика.

— Первый раз ты будешь действовать как старший охотник. У Холдена были годы и годы опыта.

— У меня тоже, — с напряжением в голосе произнес Рик.

— Ты получал только те задания, которые оставались после заполнения графика Дейва. Он всегда сам решал, какие задания передавать тебе, а какие выполнять самому. Но теперь у тебя целых шесть анди, которых он собирался отправить на покой сам. Один из них ухитрился убрать его самого. Вот этот. — Брайант протянул Рику пачку листков, развернув их, чтобы Рик мог разглядеть фото получше. — Макс Полоков. Так он, во всяком случае, сам себя называет. Конечно, если предположить, что Холден прав. Все наши предположения основаны на том, что тест правилен. Кроме того, тест был применен только к троим из них. Двух Дейв отправил на покой, а потом этот Полоков прикончил его. Все произошло во время тестирования — Полоков неожиданно выстрелил в Дейва из лазера.

— Что доказывает правоту Дейва, — продолжал Рик. — Иначе с чего бы этому Полокову покушаться на жизнь полицейского?

— Отправляйся в Сиэтл, — сказал Брайант, — но ничего им не говори. Я все устрою сам. Послушай… — Он встал из-за стола, подошел к Рику и остановился перед ним с серьезным выражением лица. — Если во время проведения теста один из его людей не пройдет…

— Этого не может быть, — сказал Рик.

— Несколько недель назад я разговаривал с Холденом точно так же, как с тобой, на эту же тему. Он думал примерно то же, что и я. Я получил меморандум от русских. Он был спущен всем полициям мира и планет-колоний. Группа психиатров из Ленинграда сделала следующее предположение. Они предлагали применить новейшие методы составления психопрофиля личности — то есть, другими словами, тест Войт-Кампфа — к группе тщательно отобранных лиц шизоидных и шизофренических типов, их пациентов, а именно тех, кто имел симптомы «понижения аффекта». Ты об этом слышал.

— Это то, что измеряет наш тест, — сказал Рик. — Проблема эта не нова. Она возникла с того момента, когда мы впервые столкнулись с появлением андроидов, выдающих себя за людей. Полиция опирается на вывод известной вам статьи Лури Кампфа «Ролевое блокирование у шизофреников последней стадии». Кампф сравнивал снижение способности к сопереживанию у

душевнобольных с внешне сходной, но в основе своей…

— Ленинградские психиатры, — резко перебил Рика Брайант, — считали, что некоторые больные могли бы провалить тест Войт-Кампфа. Если бы вы испытывали их во время выполнения задания, то приняли бы за андроидов. Ошибка была бы обнаружена слишком поздно, когда все они были бы уже мертвы.

Он замолчал, ожидая ответа Рика.

— Но все эти люди, — начал Рик, — находились бы в…

— Да, в специальных учреждениях, — согласился Брайант. — Они не смогли бы функционировать в обществе нормальных людей, не смогли бы скрыть того, что они серьезно больны психически. Хотя болезнь могла обостриться внезапно и никто не обратил бы внимания. Вот что могло бы случиться…

— Один шанс из миллиона, — сказал Рик.

Но он понимал, куда гнет Брайант.

— Дейва особенно беспокоил этот новый тип андроидов «Узел-6», — продолжал Брайант. — Розен уверял нас, что тип новых усовершенствованных андроидов «Узел-6» может быть выделен с помощью стандартной процедуры психопрофилирования. Теперь мы вынуждены — и мы знали, что так будет, — самостоятельно проверять это. Этим вы и должны заняться в Сиэтле. Вы понимаете, что неудача чревата двумя тяжелыми последствиями. Если вам не удастся выявить всех гуманоидных роботов из представленных на испытание, то, значит, у нас нет надежного инструмента для анализа и мы никогда не найдем тех, кому уже удалось бежать. Если же тест идентифицирует испытуемого человека как андроида…

Брайант раздвинул рот в ледяной улыбке.

— Ситуация сложится щекотливая, хотя даже люди Розена не разгласят публично эту новость. Нам придется сидеть сложа руки, и как долго — неизвестно. Мы, конечно, проинформируем русских, те сообщат в Ленинград. В конечном итоге это просочится в печать. Но к тому времени мы, возможно, разработаем новую шкалу тестирования.

Он снял трубку видеофона.

— Итак, за дело! Возьмите служебный кар и заправьтесь на нашей станции.

Поднявшись, Рик сказал:

— Могу ли я взять с собой записи Дейва Холдена? Я хотел бы просмотреть их в дороге.

— Давайте подождем испытаний, — сказал Брайант.

Тон его странным образом был лишен сочувствия, и Рик Декард отметил это.

Когда он посадил аэрокар Департамента полиции на крышу здания ассоциации Розена в Сиэтле, увидел, что его встречает молодая женщина: черноволосая, стройная, глаза закрыты модными пылезащитными очками. Она подошла к кару, руки ее были глубоко засунуты в карманы яркого полосатого пальто. На маленьком лице с резкими чертами застыло выражение сердитого отвращения.

— Что случилось? — спросил Рик, выйдя из кара.

— Я не знаю, — несколько уклончиво сказала девушка. — Что-то насчет тона, которым с нами говорили по телефону. Не важно.

Она вдруг протянула руку. Он машинально пожал ее.

— Меня зовут Рейчел Розен. А вы, кажется, мистер Декард?

— Это была не моя идея, — сказал он.

— Но вы официально представляете Департамент полиции Сан-Франциско, который не верит, что наша организация служит общему благу.

Она внимательно смотрела на него из-под длинных черных ресниц, видимо, ненастоящих.

— Гуманоидный робот подобен любой другой машине — он очень быстро превращается из благодеяния в опасность. В качестве благодеяния он не входит в сферу наших интересов, — сказал Рик.

— Но как опасность, — продолжила Рейчел Розен, — сразу привлекает ваше внимание. Это правда, мистер Декард, что вы охотник за андроидами?

Он неохотно пожал плечами и кивнул.

— Значит, вы без труда рассматриваете андроида как неживой кусок материи, — сказала девушка, — и с легкостью отправляете его «на покой», как вы говорите.

— Вы уже отобрали для меня группу испытуемых? — спросил он. — Я бы хотел…

Он замолчал, потому что вдруг увидел животных, принадлежащих ассоциации.

Он подумал, что, конечно, мощная корпорация может себе это позволить. Более того, где-то в глубине души он ждал чего-то подобного. Позабыв о девушке, он медленно подошел к ближайшему вольеру. Он уже чувствовал их запах, несколько запахов нескольких существ, стоявших, сидевших или, вот как тот енот, спавших.

Он никогда в жизни не видел настоящего енота. Он был ему знаком только по стереофильмам, которые показывало телевидение. Почему-то пыль нанесла по этому виду такой же тяжелый удар, как и по птицам, из которых почти никто не

выжил, за исключением некоторых. Рик автоматически выудил из кармана свой потрепанный экземпляр каталога Сидни и отыскал раздел «Енот».

Цены, естественно, были напечатаны курсивом. Подобно першеронам, в данный момент на рынке не имелось свободных для продажи экземпляров ни за какие деньги, каталог Сидни просто регистрировал цену последней продажи енота. Цифра была астрономическая.

— Его зовут Билл, — сказала из-за спины девушка. — Билл-енот. Мы приобрели его всего лишь в прошлом году у одной компании.

Она показала на охранников, которых Рик заметил только сейчас. Глаза охранников, вооруженных автоматами — легкими скорострельными моделями марки «шкода», были устремлены на Рика с той самой секунды, когда он посадил на крышу свой кар. «А ведь на каре, — подумал он, — стоят ясные опознавательные знаки полиции».

— Крупнейший производитель андроидов, — сказал он задумчиво, — вкладывает прибыль в животных.

— Посмотрите на сову, — сказала Рейчел Розен. — Сейчас я разбужу ее для вас.

Она направилась к большой клетке, в центре которой стояло засохшее, но ветвистое дерево.

«Сов не существует, — хотел сказать Рик, — так нам говорили до сих пор».

В каталоге они числились, как «вымершие» — мелкий шрифт, значок-буква «В» на всех страницах. Пока девушка шла к клетке, он проверил — нет, не ошибся.

«Сидни никогда не ошибается, — сказал он себе, — и нам это известно. Ведь нам больше не на что полагаться».

— Она искусственная, — сказал он.

Он вдруг понял, в чем дело. Разочарование было нестерпимо острым.

— Нет, — сказала она.

И улыбнулась.

Он увидел, что у нее мелкие ровные зубы — так же белы, как черны ее глаза и волосы.

— Но Сидни… — начал он.

Он попытался показать ей каталог, чтобы доказать это.

— Мы у Сидни ничего не покупаем, — перебила девушка, — и у других зооторговцев тоже. Все, что мы приобретаем, мы приобретаем у частных охотничьих партий, и цены не оглашаются. Кроме того, у нас есть наши собственные натуралисты. Сейчас они работают в Канаде. Там еще остались

относительно довольно обширные леса — предположительно уцелели мелкие животные, а иногда и птицы.

Он долго стоял, рассматривая сову, которая дремала на своем насесте.

Тысячи мыслей проносились в его мозгу, тысячи мыслей о войне, о тех днях, когда начали падать с неба совы. Он помнил, он был еще мальчишкой, когда обнаружилось, что все виды животных начинают вымирать, вид за видом. И газеты сообщали об этом — сегодня утром вымерли лисы, в следующий раз — барсуки. Пока люди не перестали читать эти бесконечные сообщения.

В нем еще раз проснулась естественная неприязнь к электроовце, о которой ему приходилось заботиться, как будто она была живая. «Тирания предмета, — подумал он. — Он не знает, что я существую. Как и андроиды, он не обладает способностью воспринимать существование других». До этого момента мысль о сходстве анди и электрических животных не приходила ему в голову. «Электрическое животное, — думал Рик, — может рассматриваться как подвид андроида, разновидность очень примитивного робота. Или наоборот, андроида можно рассматривать как высокоразвитое электроживотное». Обе точки зрения показались Рику отталкивающими.

— Если бы вы продавали свою сову, — сказал Рик Рейчел Розен, — сколько бы вы захотели за нее и какую часть нужно было бы внести немедленно?

— Мы никогда не продадим нашу сову.

Она смотрела на него со смешанным выражением жалости и удовольствия.

— Но даже если бы и продавали, едва ли вам под силу за нее заплатить. Какое животное у вас дома?

— Овца, — ответил Рик. — Черномордая саффолкская порода.

— Ну, вы должны быть довольны.

— Да, — согласился он. — Просто я всегда хотел иметь сову, еще до того, как они вымерли. — Он уточнил: — Все, кроме вашей.

— Сейчас наша первоочередная задача — получить еще одну сову, которая могла бы спариваться со Скреппи, — сказала Рейчел.

Она показала на дремлющую сову. Птица на секунду приоткрыла глаза — желтые щели — потом снова погрузилась в сон. Грудь ее поднялась и опустилась, словно сова глубоко вздохнула в своем гипнотическом трансе.

Оторвавшись от раздирающего душу зрелища, от которого к горечи примешивалась робость и желание, Рик произнес:

— Теперь я хотел бы приступить к тестам. Спустимся вниз?

— Мой дядя разговаривал с вашим начальником, и сейчас, наверное…

— Вы родственники? — перебил ее Рик. — Такая большая корпорация — и семейное предприятие?

Рейчел продолжала:

— Дядя Элдон уже, должно быть, подготовил группу андроидов и контрольную группу. Пойдемте.

Она пошла к лифту, снова засунув руки в карманы яркого пальто. Она не оглядывалась, и Рик немного помедлил, испытывая раздражение, прежде чем потащился следом за ней.

— Почему вы со мной разговаривали в таком тоне? — спросил он ее, когда они спускались в лифте.

Она подумала, словно этот вопрос был для нее чем-то неожиданным.

— Ну, — сказала она наконец, — вы — мелкий служащий полицейского управления, оказавшийся в уникальном положении. Вы понимаете меня?

Она бросила на него косой, угрожающий взгляд.

— Какой процент вашей продукции оснащается мозгом типа «Узел-6»? — спросил Рик.

— Все.

— Я уверен, что шкала Войт-Кампфа для них вполне подойдет.

— А если нет, то нашему предприятию придется изъять все модели с этим мозгом. — Ее черные глаза вспыхнули, и она сурово смотрела на Рика до самого конца спуска, пока кабина лифта не остановилась. — И только потому, что ваше управление не смогло справиться с таким ничтожным делом, как выявление жалкой группки бежавших андроидов с этим типом мозга.

К ним подошел худощавый, щегольски одетый мужчина и протянул руку. На его лице проступала озабоченность и поспешность, словно последние часы ему приходилось страшно торопиться.

— Элдон Розен, — представился он.

Они пожали друг другу руки.

— Послушайте, Декард, вы ведь понимаете, что здесь, на Земле, мы ничего не производим, верно? Мы не можем вот так просто снять трубку и попросить прислать пару образцов продукции. Нет, это не означает, что мы не хотим с вами сотрудничать. Но я сделал все, что мог.

Его рука, чуть дрожа, пробежала по редеющим волосам.

Рик показал на свой чемоданчик и сказал:

— Я готов начать.

Нервный тон Розена-старшего поднял его уверенность в себе. «Они боятся меня, — вдруг осознал он с удивлением. — Все, даже Рейчел Розен. Видимо, я все-таки могу заставить их прекратить производство андроидов с мозгом типа «Узел-6». То, что я собираюсь проделать в течение ближайшего часа, окажет самое серьезное воздействие на характер их торговых операций. Это в значительной степени может определить судьбу Ассоциации Розена — здесь, в США, в восточной части планеты, или на Марсе.

Два члена семьи Розенов внимательно наблюдали за ним, но за их вежливыми манерами он чувствовал ужас пустоты — он воплощал для них безмолвие экономической смерти. Ассоциация Розена стала одним из стержней индустрии, и она так тесно связана с программой колонизации, что, если исчезнет первая, второй тоже не быть. Ассоциация прекрасно понимала, что ей грозит.

Элдон Розен явно размышлял именно над этим — с самого момента звонка Гарри Брайанта.

— Я бы на вашем месте не очень беспокоился, — сказал Рик, когда они шли по широкому, ярко освещенному коридору. Сам он чувствовал полное удовлетворение — никогда не был он так доволен своим положением. Что ж, вскоре прояснится, что может его прибор, а что — нет.

— Если вы не доверяете шкале Войт-Кампфа, — наставительно произнес он, — то ваша организация могла бы разработать собственный тест. О, спасибо.

Розены ввели его в уютную комнату с коврами, веселенькой меблировкой, модными столиками и последними выпусками журналов на них. Там был даже — он сразу заметил — февральский выпуск приложения к каталогу Сидни, который он сам еще не видел: собственно, он должен был выйти в свет только через три дня. Да, Ассоциация Розена явно имела связи особого свойства с компанией Сидни.

Он раздраженно схватил выпуск каталога.

— Это покушение на общественное доверие. Никто не должен первым узнавать цены, получая преимущество перед остальными. — Вообще-то говоря, нарушался федеральный закон. Рик попытался припомнить соответствующую статью, но не смог. — Я забираю это с собой, — сказал он, засовывая каталог в свой чемоданчик.

Последовала пауза, потом Элдон Розен устало произнес:

— Послушайте, офицер, не в наших правилах — упрашивать…

— Я не офицер, — сказал Рик, — я охотник на андроидов. — Он вынул из чемоданчика аппарат Войт-Кампфа, уселся за ближайший столик розового дерева и начал собирать тестирующее устройство. — Можете пригласить первого испытуемого.

Элдон Розен выглядел еще более изможденно.

— Я тоже хочу посмотреть, — сказала Рейчел. Она присела на кресло. — Я никогда не видела, как проводятся тесты на эмпатию. Что измеряют эти штуки?

— Вот это… — Рик поднял диск с клейкой поверхностью и сеткой из проволочек. — Это измеряет степень расширения капилляров в коже лица. Это — первичная рефлекторная реакция, так называемая краска смущения или стыда на стимул шокирующей природы. Она не поддается волевому контролю, как проводимость кожи, частота дыхания или пульса. — Он показал и другие приборы, в том числе и излучатель света. — Этот прибор регистрирует с помощью тонкого луча перемену напряжения внутри глазных мышц. Обычно вместе с покраснением кожи регистрируется слабое, но заметное движение…

— У андроидов этого не бывает, — сказала Рейчел.

— Биологически они существуют, но кореляции с вопросами-стимулами не наблюдается.

— Испытайте меня, — сказала она.

— Зачем? — озадаченно спросил Рик.

За нее ответил Элдон Розен:

— Мы избрали ее в качестве первого испытуемого. Возможно, она — андроид. Мы надеемся, что вам удастся это определить.

Как-то странно двигаясь, судорожно и отрешенно, он сел, закурил и принялся наблюдать за манипуляциями Рика.

Пять

Прямо в глаза Рейчел бил тонкий, как карандаш, луч света. К ее щеке прикреплен диск из проволочек. Она казалась совершенно спокойной.

Сидя так, чтобы ему были видны показания двух циферблатов на панели аппарата Войт-Кампфа, Рик Декард пояснил:

— Сейчас я опишу несколько ситуаций, с которыми вы можете столкнуться в жизни. Вы должны выразить свою реакцию как можно быстрее. Время засекается.

— И, конечно же, — сказала далеким голосом Рейчел Розен, — мои слова в счет не идут — значение имеет только реакция глаз и кожи, не так ли? Но все равно, я буду отвечать. Я хочу пройти через это.

Она замолчала.

— Начинайте, мистер Декард.

Рик остановил свой выбор на вопросе номер три:

— На день рождения вам подарили кошелек из телячьей кожи.

Стрелки резко перепрыгнули в красный сектор шкалы, заметались, а потом успокоились.

— Я откажусь, — ответила она, — и сообщу в полицию о человеке, который хотел преподнести мне такой подарок.

Сделав пометку, Рик продолжал, перейдя к восьмому вопросу теста:

— У вас есть маленький сын. Он показывает вам свою коллекцию бабочек, включая банку для умерщвления насекомых.

— Я отведу его к психиатру, — тихо, но твердо сказала Рейчел.

Стрелки отклонились, но уже не так сильно. Рик сделал пометку.

— Вы сидите перед телевизором и вдруг обнаруживаете, что на вашей руке сидит оса.

— Я бы ее убила.

На этот раз стрелки не отклонились вообще, лишь слабо вздрогнули. Он отметил это и начал подыскивать следующий вопрос.

— Читая журнал, вы встречаете фотографию обнаженной девушки на весь разворот.

— Вы что, проверяете, мои наклонности к лесбиянству или мою природу андроида? — спросила Рейчел.

Стрелки не шелохнулись. Рик продолжал:

— Вашему мужу фотография понравилась.

Никакой реакции.

— Девушка лежит ничком на большом красивом ковре из медвежьей шкуры.

Стрелки не двигались. Рик сказал себе, что это — типичная реакция андроида, она не обратила внимания на самое важное в вопросе, сосредоточившись на второстепенных элементах. Она или оно?

— Ваш муж решил повесить эту фотографию в кабинете.

На этот раз стрелки пошли вправо.

— Я не разрешу ему.

— Ладно, — сказал Рик, кивая. — Теперь представьте себе, что вы читаете роман, написанный еще до войны. Герои посещают рыбацкие причалы в Сан-Франциско. Проголодавшись, они заходят в морской ресторан. Один из них заказывает омара, и шеф-повар бросает свежего омара в кипящую воду, а герои наблюдают, как он варится.

— Боже! — воскликнула Рейчел. — Это ужасно! Они что, действительно это делали? Это же просто жутко! Это извращение! Вы хотите сказать, что это был *живой* омар?

Но стрелки на циферблатах стояли на месте. Формально реакция правильная, но нарочитая.

— Вы снимаете домик в горах, в том районе, где еще сохранились леса. Это старая избушка с большим камином.

— Понятно, — нетерпеливо перебила Рейчел, кивнув.

— На стенах кто-то развесил старые картины, репродукции, а над камином повесил голову оленя — крупного самца с развитыми рогами. Ваши товарищи восхищены внутренним убранством домика, и вы все…

— Только не с этой головой, — сказала она.

Стрелки не вышли за границы зеленого поля.

— Вы забеременели, — продолжал Рик, — от человека, который обещал на вас жениться, а потом сбежал с вашей лучшей подругой. Вы делаете аборт и…

На этот раз обе стрелки устремились в красный сектор.

— Я не смогла бы сделать аборт, — сказала Рейчел. — Это невозможно. Полиция следит за этим. Пожизненное заключение за попытку.

— А откуда вы об этом знаете? — спросил Рик.

— Это все знают.

— Создается впечатление, что вы говорите на основе собственного опыта. — Он напряженно следил за индикаторами. Стрелки сделали еще один взмах. Еще раз. — Вы пришли на свидание с мужчиной. Он пригласил вас домой и предлагает выпить. Держа в руке стакан, вы случайно заглядываете в

спальню. Она украшена разными плакатами, изображающими бой быков. Вы заходите, чтобы рассмотреть их поближе, а он следует за вами, закрывает дверь. Обняв вас, он говорит…

— Что такое «плакат с изображением боя быков»?

— Рисунки, изображающие, как правило, матадора с плащом и быка, пытающегося поддеть человека на рога.

Рик был озадачен.

— Сколько вам лет? — спросил он. Возможно, в этом все дело.

— Восемнадцать, — ответила Рейчел. — Ладно, этот мужчина закрывает дверь, обнимает меня и говорит… Что он там говорит?

— Вы знаете, чем заканчивалась коррида?

— Кажется, кого-то убивали.

— Убивали почти всегда быка.

Он подождал немного, но стрелки только подрагивали — настоящей реакции не было.

— Последний вопрос. В двух частях. Вы смотрите по телевизору старый фильм, еще довоенный. Идет банкет. Все едят устриц.

— Гм, — сказала Рейчел.

Стрелки качнулись.

— Главное блюдо, — продолжал Рик, — представляет собой вареную собаку, нафаршированную рисом.

На этот раз стрелки качнулись слабее.

— Устрицы для вас более приемлемы, чем собака? Явно нет.

Он опустил карандаш, выключил световой луч и снял с ее щеки проволочный диск.

— Вы андроид, — сказал он. — Таков результат теста.

Он сообщил это ей, а скорее ему и Элдону Розену, который наблюдал за Риком с судорожным беспокойством. Лицо старика содрогнулось.

— Я прав, не так ли?

Оба Розена молчали.

— Послушайте, — сказал Рик. — Наши интересы совпадают. Для меня важно, чтобы тест Войт-Кампфа действовал как полагается. Для вас это так же важно, как и для меня.

Старший Розен сказал:

— Она не андроид.

— Я не верю в это, — сказал Рик.

— Зачем ему лгать? — с жаром возразила Рейчел. — Нам было бы выгоднее обмануть вас в другом отношении.

— Я требую анализа костного мозга, — сказал Рик. — В конце концов, истину можно установить экспериментально. Да, анализ занимает довольно много времени, и это несколько болезненно,

но…

— По закону, — перебила Рейчел, — вы не можете заставить меня принудительно согласиться на такой анализ. Это суд уже установил. Кроме того, у живого человека — а не трупа убитого андроида — на этот анализ уходит много времени. Но одно вы сказали правильно — тест еще не закончен.

Она поднялась со своего места, отошла в сторону и остановилась к Декарду спиной.

— Вопрос не в законности анализа ткани костного мозга, — сказал Элдон Розен. — Дело в том, что ваш тест оказался но отношению к моей племяннице несостоятельным. Я могу объяснить вам, почему ее реакции напоминают реакции андроида. Рейчел выросла на борту «Саландера-3». Она там родилась и провела четырнадцать лет, зная о Земле только то, что ей рассказывали девять членов экипажа и что содержалось в книгах корабельной библиотеки. Как вам известно, корабль повернул назад, преодолев лишь шестую часть пути к Проксиме Центавра. Иначе Рейчел вообще никогда не увидела бы Землю — во всяком случае, до самой старости.

— Вы бы отправили меня «на покой», — через плечо сказала девушка. — Я была бы убита. Я знала это еще четыре года назад, когда вернулась сюда. Я уже не первый раз подвергаюсь обследованию по системе Войт-Кампфа и поэтому, честно говоря, редко выхожу из этого здания. Риск слишком велик. Полиция устраивает проверки на дорогах и в воздухе, отыскивая незарегистрированных специалов.

— И андроидов, — сказал Элдон Розен. — Широкой публике, естественно, об этом не сообщается. Ей не следует знать, что андроиды проникают на Землю и скрываются среди людей.

— Я не думаю, чтобы им это удалось. Я думаю, что различные полицейские организации в обоих полушариях уже ликвидировали всех, — сказал Рик. — Население ведь теперь достаточно малочисленно. Всякий рано или поздно пройдет проверку.

— Вас проинструктировали на тот случай, если вы спутаете человека с андроидом? — спросил Элдон Розен.

— Это дело нашего управления, — сказал Рик, укладывая оборудование и закрывая чемоданчик. Оба Розена следили за ним. — Само собой, — добавил он, — мне было приказано прекратить дальнейшие испытания в случае ошибки, что я и делаю. Если тест не сработал однажды, какой смысл продолжать? — Он защелкнул чемоданчик.

«Брайант был прав, — подумал он — Слава богу, что мне не придется выходить на задание с этим тестом».

— Проблема заключается в методе вашего производства, мистер Розен. Никто не заставлял Ассоциацию доводить роботов до такого совершенства, что…

— Мы делали только то, что требовалось колонистам, — ответил Элдон Розен. — Мы следовали испытанному принципу коммерции. Если бы мы не занимались совершенствованием андроидов, это сделала бы другая фирма. Мы знали, на какой риск шли, создавая «Узел-6». НО ВАШ ТЕСТ ДОКАЗАЛ СВОЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ. Другое дело, если бы вам не удалось опознать андроида модели «Узел-6» как андроида. Если бы вы ошиблись, было бы другое дело, но этого не произошло. — Его голос приобрел резкость. — Весьма вероятно, что ваше управление и лично вы отправили «на покой» немало людей вместо андроидов только потому, что у них не была достаточно развита эмпатическая способность. Например, как у моей невинной племянницы. Ваша позиция, мистер Декард, до крайности незавидна. Ваша, а не наша.

— Другими словами, — сказал Рик, — вы не дадите мне возможности проверить ни одного андроида с мозгом «Узел-6»?

Он начинал понимать, что происходит.

— Вы специально напустили на меня эту шизоидную девицу!

«Мой тест провалился, — подумал он. — Не нужно было этого делать. Но теперь уже поздно».

— Мы обманули вас, мистер Декард, — согласилась Рейчел Розен. Она улыбалась.

Рик не мог даже понять, как это Ассоциации Розена удалось так провести его. «Да, — понял он, — это действительно эксперты. Гигантская корпорация с огромным опытом. Она обладает своего рода групповым сознанием, а Элдон Розен — только представитель, выразитель идей этого мозга». Очевидно, в этом и состояла его ошибка — он воспринимал их как совокупность индивидуумов. Такой ошибки он повторять не должен.

— Ваш начальник, мистер Брайант, — сказал Элдон Розен, — будет очень озадачен, узнав, как легко мы доказали несостоятельность вашего теста. И еще до начала настоящей проверки. — Он показал на потолок. Рик увидел блестящие линзы телекамеры. Его оплошность с Рейчел была записана на пленку. — Думаю, что сейчас всем нам следует пообедать, — сказал Элдон Розен сделав дружелюбный жест.

— Мы можем что-нибудь придумать. Нет причин волноваться. Андроид типа «Узел-6» уже состоявшийся факт. Мы, Ассоциация Розена, воспринимаем это именно так. Теперь и вы, надеюсь.

Рейчел, наклонившись к Рику, спросила:

— Вы хотели бы получить сову?

— Я сомневаюсь, что когда-нибудь буду иметь ее.

Он понимал, что она имеет в виду, какую сделку хочет совершить компания. Он почувствовал напряжение совершенно необычного свойства, такого с ним еще никогда не случалось. Напряжение взорвалось изнутри и затопило всего целиком. Оно полностью овладело им.

— Но ведь сова, — сказал Розен-старший, — это именно то, что вы хотите? — Он вопросительно посмотрел на Рейчел. — Мне кажется, он не понимает…

— Он все прекрасно понимает, — возразила Рейчел. — Он отлично знает, к чему идет дело. Не так ли, мистер Декард?

Она снова наклонилась к нему, на этот раз пониже. Он почувствовал тепло ее тела и легкий аромат духов.

— Мистер Декард, ведь вы уже владеете собой?

Обращаясь к Элдону Розену, она проговорила:

— Он охотник на андроидов. Не забывайте этого. Он получает не только жалованье, но и премии. Правильно, мистер Декард?

Рик кивнул.

— Сколько андроидов убежало на этот раз? — поинтересовалась Рейчел, усаживаясь.

Рик помолчал немного и сказал:

— Всего восемь. Двое уже отправлены на покой, но не мною, а другим охотником.

— И сколько вы получаете за одного андроида?

Он пожал плечами:

— По-разному.

— Если у вас нет настоящего инструмента для тестирования, значит, вы не можете обнаружить андроида, — сказала Рейчел. — А если так, то вы не можете получить премию. Поэтому, если шкала Войт-Кампфа будет отброшена…

— Ее заменит новая шкала, прервал ее Декард. — Так бывало и раньше.

«Если быть точным, трижды, — подумал он. — Но раньше необходимые анализирующие приборы уже были известны. На этот раз все сложнее.

— Безусловно, в конечном итоге шкала устареет и выйдет из употребления, — согласилась Рейчел, — но до этого еще далеко. Мы довольны тем, что она способна выявлять андроидов последней модели, и мы хотели бы, чтобы вы продолжали свою работу.

Крепко сжав ладони, она пристально смотрела на Рика,

пытаясь определить его реакцию.

— Скажи ему, что он получит сову, — проскрипел Элдон.

— Вы можете взять сову, — сказала Рейчел Розен. Она все еще не спускала с Рика глаз. — Ту, что на крыше, Скреппи. Но мы бы хотели, если получим самца, спарить их, и тогда потомство будет принадлежать нам. Здесь не может быть компромиссов. И еще одно. — Она оглянулась на Элдона, который согласно кивал. — Вы не будете иметь права передавать сову по наследству. В случае вашей смерти она возвратится в корпорацию.

— Получается, — проговорил Рик, — что-то вроде приглашения. Вы явитесь и прикончите меня, чтобы немедленно вернуть сову. Я не согласен. Это слишком опасно.

— Но ведь вы охотник. Значит, умеете держать в руках лазерный пистолет. Вы ведь и сейчас вооружены. Если вы не в состоянии защитить себя, то как же собираетесь отправить на» покой шестерых оставшихся андроидов? Они ведь куда сообразительнее старых моделей, типа В-4.

— Но ведь я *охочусь* за ними, — сказал он. — А в этом случае вы будете охотиться за мной.

Ему не нравилась эта идея. Эффект он уже наблюдал на андроидах. Даже в их сознании мысль о том, что их кто-то преследует, вызывает заметные перемены.

— Ладно, — сказала Рейчел. — Мы уступим. Но мы настаиваем на том, чтобы потомство принадлежало нам. Если вам это не подходит, отправляйтесь к своему начальнику в Сан-Франциско и расскажите, что шкала Войт-Кампфа — по крайней мере, в ваших руках — не в состоянии отличить человека от андроида, а потом поищите другую работу.

— Дайте мне немного времени, — сказал Рик.

— Хорошо, — сказала Рейчел. — Мы оставим вас здесь, в уютной обстановке.

Она посмотрела на часы.

— Полчаса, — сказал Элдон Розен.

Они с Рейчел направились к дверям. Рик вдруг понял, что они сказали все, что хотели. Все остальное зависело от него.

Когда Рейчел закрывала дверь, он сказал в пространство:

— Вам удалось загнать меня в угол. Мой промах записан на ленту. Вы знаете, что моя работа зависит от достоверности шкалы Войт-Кампфа. И у вас есть эта проклятая сова.

— Твоя сова, милый, — сказала Рейчел. — Не забыл? Мы привяжем ей к лапке твой домашний адрес и отправим прямиком в Сан-Франциско. Оно там тебя встретит.

«Оно, — подумал он. — Она сказал „оно“, а не „она“».

— Одну секунду, — сказал он.

Задержавшись в дверях, Рейчел сказала:

— Вы решились?

Рик открыл чемоданчик.

— Я хочу задать вам еще один вопрос из теста. Присядьте, пожалуйста, еще раз.

Рейчел бросила взгляд на дядю.

Он кивнул, она пожала плечами и села за тот же столик, что и раньше.

— Зачем это вам? — нетерпеливо спросила она. Рик заметил ее напряжение — Рейчел смотрела на него с отвращением, подняв брови.

Через минуту он уже направлял луч света ей в глаза, а к щеке уже был прикреплен проволочный диск. Рейчел неподвижно смотрела на луч света, выражение отвращения не сходило с ее лица.

— Симпатичный у меня чемоданчик, — сказал Рик. Он выуживал из него листки с вопросами. — Служебный. Хороший, правда?

— М-да, — неопределенно проговорила Рейчел.

— Детская кожа, — сказал Рик. Он погладил кожаную крышку чемоданчика. — Стопроцентная натуральная кожа ребенка.

Он увидел, как отчаянно метнулись стрелки на индикаторах. Но только после заметной паузы. Реакция имела место, но слишком поздно. Период реакции был известен Декарду до долей секунды. Никакой паузы быть не должно.

— Благодарю, мисс Розен. — Он стал собирать приборы. Повторное испытание было запрещено. — Это все.

— Вы улетаете? — спросила Рейчел.

— Да, — ответил он. — Я удовлетворен результатами.

Рейчел спросила с опаской:

— А как же с девятью другими испытуемыми?

— В вашем случае шкала вполне оправдала себя. Я могу сделать выводы уже на основании этого вопроса. Тест продолжает сохранять эффективность.

Он повернулся к Элдону Розену, который стоял у двери и угрюмо молчал.

— Она знает?

Иногда испытуемые и сами не знали, кто они, — им вводилась ложная память, в основном с ошибочной надеждой, что это поможет изменить исход теста.

— Нет, — сказал Элдон. — Мы полностью ее запрограммировали. Но теперь, кажется, она начала подозревать.

Обратившись к девушке, он спросил:

— Когда он попросил еще одну попытку, ты ведь догадалась?

Побледнев, Рейчел кивнула:

— Не бойся его, — сказал Розен-старший. — Ты ведь не сбежавший андроид, нелегально проникший на Землю. Ты — собственность Ассоциации, используемая как часть торговой рекламы для привлечения будущих колонистов.

Он подошел к девушке и успокаивающим жестом положил руку ей на плечо. Его прикосновение заставило ее содрогнуться.

— Он прав, — сказал Рик. — Я не собираюсь отправлять вас на покой, мисс Розен. Всего хорошего.

Он направился к двери, потом остановился на миг. Обернувшись к Рейчел и Розену, спросил:

— Ваша сова — настоящая?

Рейчел бросила быстрый взгляд на Элдона.

— Он все равно уходит, — сказал тот. — Это уже не имеет значения. Нет, сова искусственная. Живых сов больше нет.

— Гм, — хмыкнул Рик, выходя.

Он вышел в коридор. Они смотрели ему вслед. Все уже было сказано, все молчали. «Так вот как, значит, действует главный производитель андроидов», — подумал Рик. Это было коварство такого рода, с каким он раньше не сталкивался. Скрытный, сложный, небезопасный тип личности. Недаром органы правопорядка обеспокоены появлением роботов типа «Узел-6».

«Узёл-6». Теперь он вспомнил. Ведь Рейчел… Она, видимо, и есть «Узел-6»!

«Я впервые увидел одного из них, и они едва не обманули меня. Они хотели подкопаться под тест Войт-Кампфа — единственный метод, которым мы располагаем. Ассоциация Розена неплохо поработала и подошла к цели очень близко, и к тому же… чтобы защитить производящийся на ее предприятиях товар. А мне предстоит иметь дело с шестерыми, — размышлял Рик. — За каждый цент премии мне придется изрядно попотеть. Конечно, если я выйду из этой переделки живым».

Шесть

Телевизор грохотал. Спускаясь по лестнице огромного пустынного дома, покрытого многолетней пылью, Джон Исидор слышал голос так хорошо знакомого ему Бастера Джруби, который просто сочился весельем. Бастер болтал со своей широчайшей всесистемной аудиторией зрителей.

— Ха-ха, парни! Стук-стук! А теперь пора сделать краткую сводку погоды на завтра. Сначала восточное побережье США. Спутник «Мангуста» сообщает, что осадки будут особенно сильными к полудню, потом уровень снизится. Поэтому вам, ребята, придется подождать, если вы собрались выйти прогуляться около полудня. Кстати, насчет того, чтобы подождать. Осталось всего десять часов до того момента, когда я сообщу вам потрясающую новость. Это мой сюрприз вам! Возможно, вы думаете, что, как всегда…

Как только Исидор постучал в дверь квартиры, телевизор тут же замолчал, канув в небытие. Он не просто замолчал, он перестал существовать, до смерти перепуганный звуком стука Исидора.

Но сквозь закрытую дверь Исидор чувствовал присутствие жизни. Он убедил себя — или на самом деле что-то воспринимал, — что ощущает страх, безголосый испуг, притаившийся за дверью, пятившийся, как будто кто-то пытался забиться в самый дальний угол квартиры, пытаясь избежать встречи с Исидором.

— Эй, — позвал он. — Я живу на верхнем этаже. Я услышал, как у вас работает телевизор. Давайте познакомимся, идет?

Он подождал, прислушиваясь. Ни звука, ни шороха, ни движения.

— Я принес вам пачку маргарина, — сказал он.

Он подошел вплотную к двери и старался, чтобы его голос проник сквозь ее толщу.

— Меня зовут Джон Исидор, я работаю для известного ветеринара, мистера Ганнибала Слоута, вы ведь слышали о нем? Я вполне приличный человек, у меня есть работа — я вожу фургон у мистера Слоута.

Дверь приоткрылась, и он заметил внутри силуэт девушки, которая пыталась не попасться ему на глаза, одновременно держась за дверь, как за опору.

Страх придавал ей вид больного человека. Она выглядела так, как будто кто-то сломал ее, а потом кое-как слепил.

Ее огромные глаза неподвижно смотрели на Исидора, а губы

пытались сложиться в какое-то подобие улыбки.

Внезапно, осознав, что случилось, он спросил:

— Вы думали, что в этом доме никого больше нет? Вы думали, что он пуст?

Кивнув, девушка прошептала:

— Да.

— Но, — сказал Исидор, — всегда приятно иметь соседей. Пока вы не появились, у меня вообще не было соседей. И это совсем не весело, Бог тому свидетель!

— Так вы здесь одни жили?

Сейчас она казалась менее робкой.

Тело ее выпрямилось, и она провела ладонью по волосам, поправляя их. Тогда он увидел, что у девушки хотя и миниатюрная, но прелестная фигура, а глаза притенены черными ресницами. Застигнутая врасплох стуком, она была одета только в пижамные брюки, больше на ней ничего не было.

Глядя мимо нее, он увидел, что в комнате царит беспорядок. Разбросанные открытые чемоданы, содержимое которых вывалилось на пол, пыльный и замусоренный. Было совершенно очевидно, что она только что приехала.

— Я здесь один, — сказал Исидор, — и не буду вам мешать. — Он чувствовал себя подавленно.

Его подношение, в котором было напоминание о добром обычае довоенных времен, не было принято. Девушка, кажется; вообще не понимала, зачем он принес маргарин, или даже вообще не заметила, что он что-то держит в руке.

У него возникло ощущение, что она растерянна и беспомощно барахтается в постепенно расходящихся кругах страха.

— Старина Бастер, — спросил Джон, — он вам нравится? — Он старался снять напряжение, сквозящее в позе девушки. — Я смотрю его передачи каждое утро и вечером тоже, когда возвращаюсь с работы. Смотрю, пока ужинаю, и потом весь вечер, пока не лягу спать. Вообще-то так было до тех пор, пока не сломался мой телевизор.

— Кто… — начала девушка.

Она оборвала себя, сильно прикусив губы, словно сама на себя рассердившись.

— Бастер Джруби, — пояснил он. Ему показалось странным, что девушка никогда не слышала о самом великом комике на Земле. — А откуда вы приехали? — спросил он с любопытством.

— Какая разница? — Она бросила на него быстрый взгляд и заметила нечто, что сразу уменьшило ее страх. Она заметно расслабилась. — Я буду рада вашему обществу, но позже. Я

должна немного освоиться здесь. Сейчас об этом не может быть и речи.

— Почему?

Он терялся в догадках. Эта девушка поставила его в тупик. «Возможно, — подумал он, — я слишком долго живу в одиночестве. Я изменился и теперь уже не такой, как все». Эта мысль еще больше усилила его подавленность.

— Я мог бы помочь вам распаковать вещи, — предложил он. Дверь почти захлопнулась перед его сносом. — И мебель.

— У меня нет мебели. Все эти вещи… — Она показала на комнату. — Они уже были здесь.

— Они вам не подходят, — сказал Джон.

Он сразу определил, что мебель уже ни на что не годна. Стулья, ковер, столы — все сгнило и погрузилось в братскую могилу вещей, поглощенных деспотизмом времени и заброшенности. В этой квартире никто не жил много лет, и она превратилась в руины. Он не представлял, как девушка собиралась жить в таких условиях.

— Слушайте, — искренне сказал он, — если мы обыщем весь дом, то, может, найдем что-то получше. В одной квартире лампу, в другой — стол, и так далее.

— Я так и сделаю, — сказала девушка. — Сама. Спасибо.

— Вы *одна* пойдете по всем этим пустым квартирам? — Он не мог поверить.

— А почему бы и нет?

Она сказала что-то не то.

— Я однажды пробовал, а теперь стараюсь сразу возвращаться к себе и не вспоминать обо всем этом доме. Сотни пустых квартир, и там еще полно вещей, которые остались от живших там. Те, кто умер, ничего не смогли взять с собой, а те, кто эмигрировал, не хотели брать ничего. Весь дом, кроме моей квартиры, пришел в упадок.

— Как? — не поняла она.

— Ну, я это так называю. Мусор, бесполезные предметы вроде старых конвертов или спичечных коробков, оберток жевательной резинки, старые газеты… Когда поблизости нет людей, мусор начинает размножаться, самовоспроизводиться. Если вы ложитесь спать, оставляя в комнате некоторое количество мусора, то наутро его количество увеличивается вдвое. Его становится все больше и больше.

— Я понимаю, — сказала девушка.

Она неуверенно смотрела на него, не зная, верить ли его словам. Она не знала, серьезно он говорит или шутит.

— Существует Первый закон мусоризации, — сказал

Исидор. — Мусор вытесняет чистоту. В тех квартирах, где давно никто не живет, некому воевать с мусором.

— И он победил, — закончила за него девушка. — Теперь я понимаю.

— Эта ваша комната, — сказал он, — квартира, которую вы выбрали, слишком мусоризована, чтобы в ней можно было жить. Но мы можем понизить фактор мусоризации, если поищем в других квартирах вещи… Но… — Он замолчал.

— Но?..

— Но мы никогда не победим, — сказал Джон Исидор.

— Почему?

Девушка вышла в коридор, закрыв за собой дверь. Сложив руки и прикрыв свои маленькие, высоко посаженные груди, она стояла перед Исидором, всем видом выражая стремление понять. Или так ему, во всяком случае, показалось.

По крайней мере, она умела слушать.

— Никто никогда не победит мусор, — сказал он. — Выигрыш может быть только временным и локальным, в каком-то отдельном месте, как моя квартира. Мне удалось создать нечто вроде стабильного равновесия между давлением мусора и чистоты. Но в конечном итоге я либо умру, либо уеду, и мусор возьмет свое. Этот закон универсален и действует во всей Вселенной. Вся наша Вселенная движется к состоянию полной мусоризации — не считая, конечно, Вилбура Сострадающего и его пути наверх.

Девушка недоуменно смотрела на него.

— Я не вижу связи.

— Но в этом и состоит смысл сострадания. — Он был озадачен. — Разве вы не участвуете в сопереживании и у вас нет генератора эмпатии?

Осторожно, после паузы, она сказала:

— Я не взяла его с собой. Я думала, что здесь есть свободный аппарат.

— Но ведь генератор, — возбужденно сказал он, — это вещь первой необходимости, он должен быть у каждого! Это продолжение вашего тела, это способ, которым вы соприкасаетесь с эмоциями других людей, — и одиночество прекращается. Да вы и сами это знаете, это же всем известно. Сострадатели позволяют даже таким, как я… — Он замолчал, но было поздно, он проболтался, и по вспыхнувшему на ее лице отвращению он понял, что она поняла. — Я почти прошел этот тест, — дрожащим голосом сказал он. — Тест на умственные способности. Я — умеренный специал, совсем не такой, как остальные, но Сострадающему это не важно…

— Что касается меня, — сказала девушка, — то я считаю это главным недостатком сострадающих.

Она просто констатировала факт своего отношения. Факт своего отношения к недоумкам.

— Я пойду к себе, — сказал он.

Он направился к лестнице, сжимая размягченную теплом руки пачку маргарина.

Девушка смотрела ему вслед, бесстрастное выражение ее лица изменилось. Она позвала:

— Подождите!

— Зачем? — спросил он.

— Вы мне нужны. Надо подыскать мебель в других квартирах. Вы же сами говорили.

Она гордо подошла к нему. Обнаженная верхняя половина тела говорила об отсутствии даже грамма лишнего жира.

— В какое время вы обычно возвращаетесь с работы? Вы могли бы мне помочь.

— А вы не смогли бы приготовить ужин на двоих, если я принесу кое-что из продуктов? — спросил он.

— Нет. У меня слишком много дел.

Девушка отмахнулась от его предложения, даже не пытаясь понять его. Теперь, когда исчез страх, Исидор заметил, что в поведении девушки стало появляться что-то другое, странное, прискорбное: холодность, словно дыхание вакуума, заполняющего пространство между обитаемыми планетами. Дело было не столько в том, что она делала и говорила, а в том, что она НЕ делала и НЕ говорила.

— Как-нибудь в другой раз, — сказала она.

Она направилась к своей квартире.

— Вы не забыли, как меня зовут? — спросил Исидор. — Джон Исидор. Я работаю…

— Вы уже говорили мне, где вы работаете.

Она на минутку остановилась у двери, открыла ее и добавила:

— У какого-то невероятного типа по имени Ганнибал Слоут, который, как мне кажется, существует только в вашем воображении. Меня зовут… — Она бросила на него холодный взгляд. — Рейчел Розен.

— Из Ассоциации Розена? — спросил он. — Самого крупного производителя гуманоидных роботов в системе?

Странное выражение на ее лице вдруг исчезло.

— Нет, — сказала она. — Я ничего не знаю об этой компании. Это еще одна ваша недоумочная фантазия, надо понимать. Джон Исидор и его персональный генератор эмпатии. Бедный мистер

Исидор.

— Но, судя по вашему имени…

— Мое имя, — сказала девушка, — Прис Страттон. Это мое имя по мужу, и прошу вас пользоваться только этим именем. Можете называть меня Прис. — Она немного подумала. — Нет, лучше обращайтесь ко мне как к миссис Страттон, потому что мы друг друга почти не знаем. По крайней мере я вас не знаю.

Дверь за ней захлопнулась, и Исидор остался один в пыльном коридоре, погруженном в полумрак.

Семь

«Да, такие вот дела, — подумал Джон Р. Исидор, сжимая в ладони размякшую пачку маргарина. — Возможно, она еще передумает и разрешит мне называть ее Прис, и может быть, мне удастся раздобыть банку довоенных овощных консервов для ужина. Хотя, вероятно, она не умеет готовить. Ну, ничего, я ей покажу. Я приготовлю ужин на нас двоих и покажу ей, если она захочет, как нужно готовить еду. Да, если я научу ее, она наверняка захочет. Большинство женщин, даже молодых, любят готовить. Это природный инстинкт».

Поднявшись по темной лестнице, он вернулся в свою квартиру.

«Она какая-то не контактная, — думал он, облачаясь в белую рабочую униформу. — Даже если мне и поспешить, я все равно опоздаю на работу, и мистер Слоут рассердится. Ну и что? Она, например, ничего не слышала о Бастере Джруби, а этого просто не может быть. Бастер — самая важная персона из всех живущих, кроме, может быть, Вилбура Сострадающего, но ведь Сострадающий не живой человек, это явно супертипичная личность со звезд, по космическому шаблону наложенная на нашу цивилизацию. Так, по крайней мере, говорят. Так считает мистер Слоут, а уж он знает, что говорит. Однако странно, что девушка так непоследовательна в названии своего имени. Возможно, ей необходима помощь. Могу ли я ей помочь? Специал, недоумок, что я понимаю в этом? Я не имею права жениться, не имею права на эмиграцию, и радиоактивная пыль в конце концов прикончит меня. Мне нечего ей предложить».

Одетый и готовый отправиться в путь, он покинул квартиру и поднялся на крышу, где был припаркован видавший виды аэрокар.

Час спустя он сидел за рулем служебного аэрофургона, приняв первое сломанное животное за этот день. На этот раз это был электрокот. Животное лежало в пластиковой корзине в хвосте фургона и тяжело дышало.

«Да, — про себя отметил Исидор, — его вполне можно принять за настоящего». Он направлялся к «Ветеринарной лечебнице Ван-Несса» — громко названного, а на самом деле карликового заведения, едва сводившего концы с концами в условиях жестокой конкуренции в области ремонта поддельных животных.

Кот громко вздохнул.

«О, господи, — подумал Исидор, — такое впечатление, что он

и в самом деле умирает. Наверное, закоротило батарею с десятилетним зарядом, — и перегорают все контуры, один за другим. Солидный ремонт. Мастеру ветлечебницы придется изрядно попотеть. Я не назвал владельцу цену за ремонт, парень просто сунул мне кота и сказал, что неполадки начались ночью, а потом куда-то улетел, кажется, спешил на работу. Во всяком случае, разговор был прерван довольно неожиданно — владелец вдруг с грохотом умчался в небо в новеньком, сделанном на заказ аэрокаре. Новый клиент».

Коту Исидор сказал:

— Сможешь продержаться до мастерской?

Кот не умолкал.

— Ладно, я сам попробую тебя перезарядить, — решил Исидор.

Он посадил фургон на ближайшую свободную крышу и, не выключая мотора, пробрался в хвостовую часть кабины, где открыл пластиковую защитную корзину для перевозки животных, которая вместе с белым комбинезоном и названием на фургоне создавала полное впечатление настоящего ветеринара на настоящем ветеринарном пикапе.

Электрический механизм, заключенный в совершенно натурального вида серую шкуру, булькал и хрипел. Его видеолинзы остекленели, металлические челюсти были крепко сжаты. Что всегда поражало Исидора, так эти все контуры болезни, встроенные в поддельных животных. Механизм, лежащий на коленях Исидора, был устроен таким образом, что когда выходил из строя один из основных компонентов, то вся конструкция не просто ломалась, а получала вид естественно заболевшего животного. «Даже я мог бы ошибиться», — подумал Исидор, тем временем шаря в меховом покрытии живота, отыскивая крышку контрольной панели — весьма миниатюрной у электрических животных, — где находился разъем для экстренной перезарядки батарей. Он никак не мог ее отыскать, и времени у него не было — механизм почти перестал действовать. «Если дело действительно в коротком замыкании, — решил он, — то стоит попытаться отключить питание совсем. Тогда механизму не будет причинено большого вреда, а потом в мастерской Милт снова подсоединит батарею».

Он пробежал пальцами по псевдопозвоночнику. Провода должны были находиться где-то здесь. Чертовски тонкая работа — имитация была совершенной. Проводов не было заметно даже при самом близком и тщательном осмотре. Должно быть, производство Вилбрайта и Карпентера — они выпускают более дорогие и более совершенные модели.

Он сдался. Кот совсем перестал функционировать. Очевидно, причина действительно в замыкании — запас энергии полностью истощился. «Починка обойдется недешево, — решил Исидор. — Сразу видно, что хозяин не производил трехгодичного профилактического осмотра. Что ж, это послужит ему уроком, пусть и печальным, но необходимым».

Он снова сел на водительское кресло, перевел рычаги на положение «вверх» и взмыл в воздух, возобновляя путь к мастерской.

Во всяком случае, теперь ему не приходилось слушать выводящее из себя стоноподражание сломанного механизма.

Он мог расслабиться. «Забавно, — думал он, — хотя я и знаю умом, что это лишь поддельное существо, в животе у меня все равно что-то сжимается. Если бы я мог найти другую работу, если бы я не провалил тест на умственные способности, то не опустился бы до такого занятия со всеми его моральными издержками. С другой стороны, синтетические страдания поддельных животных совершенно не волнуют Милта Ворогова или нашего шефа Ганнибала Слоута. Поэтому, видимо, дело не во мне. Вероятно, когда личность деградирует, как это происходит со мной, когда она погружается в могильный мир, мир специалов, все это отражается на психике. Что ж, в этом случае стоит вообще, оставить эту мысль и не развивать ее слишком глубоко».

Такие моменты, когда умственные способности Исидора вставали перед ним в контрасте с тем, что он имел когда-то, действовали особенно угнетающе.

С каждым днем он терял еще немного жизненной энергии — он и тысячи других специалов на Земле становились все ближе к куче праха, постепенно превращаясь в живой мусор.

Чтобы как-то скрасить одиночество, он щелкнул клавишей радио и настроился на радиопредставление Бастера Джруби, которое, подобно телевизионной версии, продолжалось двадцать три непрерывных тепленьких часа в сутки. Дополнительный час был отведен религиозному завершению дневной программы. Потом следовал десятиминутный перерыв — и все сначала.

— Рад снова видеть тебя здесь, — говорил Бастер Джруби. — Итак, Аманда, прошло уже целых два дня с тех пор, как ты в последний раз побывала у нас в гостях. Работаешь над новой лентой, дорогая?

— Да, я собиралась начать ленту еще вчера, но только они сказали, что мы начнем в семь…

— В семь утра? — вмешался Джруби.

— Да, именно в семь утра!

Аманда Вернер засмеялась своим знаменитым искусственным

смехом, почти таким же искусственным, как и смех Бастера. Аманда Вернер и несколько других прекрасных леди с большими коническими грудями из каких-то заграничных, неопределенно идентифицированных стран да плюс несколько буколических юмористов составляли стандартный набор гостей в представлениях Бастера Джруби. Женщины, подобные Аманде, никогда не снимались в фильмах, не появлялись даже в театральных представлениях. Они жили только в призрачном мире передач с участием Бастера, в его бесконечном шоу, появляясь на телеэкранах, как отметил про себя Исидор, по семьдесят часов в неделю.

Каким образом Бастер находил время записывать все эти свои теле- и радиошоу? Эта мысль озадачила Исидора. Каким образом Аманде удается быть у него в гостях чуть ли не каждый день месяц за месяцем, год за годом? Как им удается разговаривать часами без перерыва? Они никогда не повторялись, во всяком случае, насколько Исидор мог определить. Их реплики всегда были остроумными, свежими и не выглядели заученными заранее. Волосы Аманды блестели, глаза сияли, зубы сверкали. Она никогда не задерживалась с ответом, никогда не казалась усталой, легко отвечала на бесконечную цепочку шуток, острот и замечаний Бастера Джруби. Шоу Бастера Джруби на теле- и радиоволнах, передаваемое по спутниковой сети на всю территорию Земли, изливалось и на эмигрантов в колониях на всех заселенных планетах.

Была произведена попытка экспериментальной передачи в направлении Проксимы Центавра на случай, если колонизация успешно распространится в такую даль. Если бы «Саландер-3» достиг своей цели, то путешественники обнаружили бы, что там их уже поджидает Бастер Джруби.

Но кое-что в Бастере раздражало Исидора — всего одна деталь. Очень тонко, почти незаметно Бастер высмеивал тех, кто пользовался генераторами эмпатии. Он делал это постоянно, а не просто случайно. Собственно, он и сейчас был занят этим.

— Камешки в меня не швыряют, — сообщил он Аманде Вернер. — И если я отправлюсь вверх по горному склону, то обязательно захвачу с собой пару бутылочек пива — лучше всего «Будвайзер».

Зрители засмеялись, и Исидор услышал звуки аплодисментов.

— И потом я сообщу вам наконец мою грандиозную новость. Это произойдет ровно через десять часов с настоящего момента!

— И я тоже, дорогой, — выдохнула Аманда. — А когда они начнут швырять в тебя камни, я заслоню тебя!

Аудитория снова восторженно завыла, и Джон Исидор ощутил, как его затылок и шея деревенеют от бессильного гнева.

Почему Бастер постоянно подкалывает Сострадающего? Больше как будто никто не делает этого. Даже ООН относится к нему положительно. Органы правосудия в Америке и восточных полушариях публично заявили, что сострадание способствует снижению стрессов, делает человека более добрым, сочувствуя ближнему. Это сказал Титус Корнинг, Генеральный секретарь ООН, и повторял это неоднократно. Исидор предположил, что Бастер, вероятно, завидует Вилбуру Сострадающему, поскольку они являются в некотором смысле конкурентами.

Но зачем им конкурировать?

«Для того, чтобы захватить влияние на наше сознание, — решил Исидор. — Они сражаются за сферы влияния и контроля над нашими душами. С одной стороны — генераторы эмпатии, с другой — Бастер Джруби со своим ржанием и импровизированными остротами. Нужно будет сказать об этом Ганнибалу Слоуту и спросить, что он об этом думает. Он-то уж должен знать наверняка».

Он припарковал фургон на крыше лечебницы Ван-Несса и быстро спустился в кабинет Ганнибала Слоута, захватив с собой пластиковую корзину с неподвижным электрическим котом. Мистер Слоут оторвал взгляд от страницы, которую читал, и его серое, морщинистое лицо исказилось. Ганнибал Слоут был слишком стар, чтобы эмигрировать, и был обречен провести остаток дней на Земле, хотя специалом не был. За все эти годы радиоактивная пыль сильно подействовала на него, словно едкая ржавчина. Черты его лица, как, впрочем, и мысли, приобрели серый оттенок. Его ноги превратились в спицы, походка стала неуверенной, и на мир он взирал в буквальном смысле сквозь запорошенные пылью стекла. По какой-то причине Ганнибал Слоут никогда не протирал стекол своих очков, как будто сдавшись и принимая пыль как неизбежное зло.

Она уже многие годы постепенно погребала его, и его зрение как бы затуманилось. Казалось, что через некоторое время пыль лишит его и остальных связей с миром, оставив лишь птичий голос, а потом замолчит и он.

— Что там у тебя? — спросил мистер Слоут.

— Кот. У него замыкание в системе питания.

Исидор поставил корзину с котом на стол шефа, заваленный бумагами, бланками, документами и брошюрами.

— Зачем ты его притащил? — недовольно осведомился мистер Слоут. — Неси его вниз, в мастерскую, к Милту.

Тем не менее он задумчиво открыл крышку и вытащил

испорченное животное. Он сам когда-то был хорошим мастером по ремонту животных.

— Мне кажется, — сказал Исидор, — что Бастер и Сострадающий борются за власть над нашими мозгами.

— Если это и так, — продолжил его мысль Слоут, — то Бастер побеждает.

— Он побеждает в данный момент, — не сдавался Исидор, — но в конечном счете все равно проиграет.

Слоут поднял голову и посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что Вилбур Сострадающий постепенно возрождается. Он вечен. Его низвергают с вершины холма, но все равно он восстает из могильного мира и поднимается наверх. Он вечен, а вместе с ним вечны и мы.

Исидору было очень приятно, что он вот так рассуждает. Обычно в присутствии мистера Слоута он очень смущался.

— Бастер столь же бессмертен, как и Сострадающий. Между ними нет никакой разницы.

— Как это? Он же простой человек?

— Не знаю, но это именно так. Конечно, об этом не распространяются.

— Стало быть, поэтому Бастеру удается записывать по сорок шесть часов передач каждый день?

— Верно, — сказал Слоут.

— А Аманда Вернер и все остальные?

— Они тоже бессмертны.

— Кто же они такие — высшая форма жизни из другой системы?

— Мне пока не удалось выяснить это, — ответил мистер Слоут.

Он снял очки с пыльными линзами и стал рассматривать невооруженными глазами полураскрытую пасть кота.

— Так же, как и насчет Вилбура, — закончил он.

Он выругался, извергнув поток сквернословия длиной в целую минуту. По крайней мере Исидору показалось именно так.

— Этот кот, — сказал наконец мистер Слоут, — не поддельный. Я знал, что когда-нибудь это случится. Он просто мертв.

Он посмотрел на труп кота и снова выругался.

В дверях возник Милт Ворогов — дородный, но с сероватой кожей, в своем обычном фартуке из голубой парусины.

— Что такое? — спросил он.

Он подошел поближе.

— Этот недоумок, — сказал Слоут, — привез кота.

Он впервые так выразился в адрес Исидора.

— Если бы он был еще жив, — сказал Милт, — мы могли бы отправить его к настоящему ветеринару. Интересно, сколько он стоил? У кого-нибудь есть с собой каталог Сидни?

— Но ведь наша страховка учитывает вероятность такого случая? — спросил Исидор.

Ноги его ослабли, он ощутил, как все предметы в комнате начинают приобретать мрачный темно-вишневый оттенок с зелеными искрами.

— Да, конечно, — сказал мистер Слоут. — Просто мне жалко этого кота. Еще одно живое существо. Неужели ты не мог отличить его от подделки, а, Исидор? Ты что, не замечаешь разницы?

— Я думал, что это просто очень хорошая модель, — выдавил Исидор, — что он… ну… как живой. Я думал…

— Я думаю, что Исидор не смог бы заметить разницу, — мягко сказал Милт. — Для него все они живые, даже электрические. Он, наверное, попытался спасти его. — Милт повернулся к Исидору. — Ты хотел перезарядить батарею или обнаружить замыкание?

— Да, — признался Исидор.

— Кота, наверное, все равно не удалось бы спасти, — сказал Милт. — Недоумок не виноват, Ган. Наоборот, он прав по-своему. Эти новые электроживотные чертовски похожи на настоящих со всеми этими имитаторами болезней, которые они имеют. А настоящие животные действительно умирают. Это риск, на который идут их владельцы. Мы не привыкли к этому, потому что имеем дело только с моделями.

— Еще одно настоящее животное, — повторил Слоут.

— Как говорит Сострадающий, — заметил Исидор, — все живое возвращается. Это замкнутый цикл, и для животных тоже. То есть мы поднимаемся вместе с ними, восходим, потом умираем, и…

— Расскажи это владельцу кота, — сказал мистер Слоут.

Исидор, не поняв, уточнил:

— В смысле, я должен позвонить ему? Но вы всегда делали это сами…

Звонить по видеофону было его фобией, и вызвать незнакомого человека для Исидора было практически невозможно.

Мистер Слоут это знал.

— Не заставляй его, — сказал Милт. — Я сам позвоню. — Он протянул руку к трубке. — Какой номер?

— Сейчас, — сказал Исидор, роясь в карманах, — он где-то

здесь.

— Я хочу, чтобы позвонил этот недоумок, — сказал Ганнибал Слоут.

— Я не могу звонить по видеофону, — запротестовал Исидор. Он ощущал, как колотится его сердце. — Я такой грязный, заросший, сутулый, и зубы у меня с дырками, и от радиации вообще скоро умру. Я чувствую себя все хуже и хуже.

Милт улыбнулся.

— Если бы я так думал, то тоже не стал бы пользоваться видеофоном. Ну, Исидор, поторапливайся. Если ты не дашь мне телефон владельца, я не смогу позвонить и говорить с ним придется тебе самому. — Он ободряюще протянул Исидору руку ладонью вверх.

— Звонить будет недоумок, — отрезал Слоут, или я его вышвырну.

Он не смотрел ни на Исидора, ни на Милта. Взгляд его был неподвижно устремлен вперед.

— Да ладно, брось, — сказал Милт.

— Я не люблю, когда меня называют недоумком, — сказал Исидор. — Пыль действует и на вас, только не на мозг, как у меня, а на что-то еще.

«Я уверен, — подумал он, — что не смогу набрать номер».

Неожиданно он вспомнил, что владелец кота умчался на работу.

— Кажется, я могу попробовать, — сказал он и выудил из кармана бирку с номером видеофона владельца кота.

— Видишь? — сказал Слоут, обращаясь к Милту. — Если его прижать, он, оказывается, может.

Усевшись перед видеофоном, Исидор набрал номер.

— Ага, — сказал Милт. — Но его не стоило принуждать. И он прав — пыль сильно подействовала и на тебя. Ты уже почти ничего не видишь, а скоро и слышать не будешь.

— До тебя она тоже добралась, Ворогов. Кожа у тебя цвета собачьего дерьма, — парировал Слоут.

На экране возникло обыкновенное, европейское лицо женщины с настороженным выражением. Волосы ее были стянуты в тугой узел.

— Да? — сказала она.

— Миссис Пильзен? — спросил Исидор.

Он погрузился в пучину ужаса. Конечно, он не подумал, что у владельца может быть жена, которая, естественно, была дома.

— Я хочу поговорить с вами о вашем… — Он замолчал и потер подбородок. — О вашем коте.

— Да, вы забрали Горация. Это действительно была

пневмония? Мистер Пильзен говорил, что это так.

— Ваш кот умер.

— О боже, нет!

— Мы заменим его, — сказал Исидор. — У нас есть на этот случай страховка. — Он бросил взгляд на мистера Слоута. Тот, кажется, не возражал. — Владелец нашей фирмы, мистер Ганнибал Слоут… — Он замялся.

— Нет, — перебил его Слоут, — мы выпишем чек. Цена по каталогу Сидни.

— …Он лично выберет вам кота взамен погибшего, — услышал Исидор собственный голос. Начав невыносимый для себя разговор, теперь он уже не мог остановиться. Ворогов и Слоут недоуменно уставились на него. — Мы хотели бы знать ваши особые пожелания: цвет, пол, разновидность — персидский, абиссинский, сиамский…

— Гораций умер, — повторила миссис Пильзен.

— Его сгубила пневмония. Он умер по пути в госпиталь. Наш старший терапевт-ветеринар мистер Ганнибал Слоут выразил определенное мнение, что в данном случае его не удалось бы спасти. Но разве не замечательно, что мы можем заменить его? Разве я не прав?

Миссис Пильзен, на глазах которой уже появились слезы, сказала:

— Другого такого кота, как Гораций, уже больше нет. Еще когда он был котенком, он любил смотреть на нас, как будто что-то спрашивал. Мы никогда не могли понять, что же он хочет нам сообщить. Теперь, наверное, он знает ответ. — Она заплакала. — И мы, наверное, тоже когда-нибудь узнаем ответ…

На Исидора снизошло вдохновение.

— А что бы вы сказали насчет точной электрокопии вашего кота? Мы могли бы снабдить вас великолепной моделью фирмы Уилрайта и Карпентера, которая соответствовала бы оригиналу даже в мельчайших деталях?

— О, это ужасно! — запротестовала миссис Пильзен. — О чем вы говорите? Боже мой, только не предлагайте этого моему мужу, он сойдет с ума! Он любил Горация, как никого другого, и у него с детства всегда были коты.

Взяв трубку у Исидора, Милт сказал:

— Мы можем выписать чек по каталогу Сидни или, как предлагал мистер Исидор, выбрать для вас нового кота самостоятельно. Нам очень жаль, что ваш кот умер, но, как отметил мистер Исидор, у него было воспаление легких, а для котов это почти всегда означает летальный исход.

Голос его звучал с профессиональной легкостью и

уверенностью. Из них троих Милт лучше всех умел разговаривать с клиентами.

— Но как я все это расскажу мужу? — спросила миссис Пильзен.

— Хорошо, мэм, — сказал Милт, — мы сами ему позвоним. Не могли бы вы дать нам номер его рабочего видеофона?

Он пошарил рукой в поисках блокнота и ручки. Мистер Слоут протянул ему и то и другое.

— Послушайте, — начала миссис Пильзен. Она, кажется, уже полностью овладела собой. — Возможно, этот джентльмен прав. Наверное, мне нужно заказать электродубликат Горация, но это нужно сделать так, чтобы мой муж ничего не знал. Можно ли сделать такую копию, чтобы он не заметил подлога?

— Да, если хотите, — с сомнением сказал Милт. — Но по нашему опыту известно, что владельца животного никогда не удается провести. Разницы не заметят лишь случайные наблюдатели — соседи, например. Понимаете, если как следует за ним понаблюдать…

— Эд никогда особенно не возился с Горацием, хотя и очень любил его. Это я о нем заботилась — песок меняла и так далее. Я думаю, что стоит попробовать сделать электрокота, а если ничего не выйдет, то мы купим взамен Горация настоящего нового кота. Но только я не хочу, чтобы муж знал об этом. Он не перенесет смерти Горация. Когда кот заболел, Эд запаниковал и слишком долго не вызывал вас. Я знала… — Она кивнула, на этот раз сумев сдержать слезы. — Сколько вам понадобится времени?

Милт прикинул и сказал:

— Будет готово через десять дней. Мы доставим копию днем, когда ваш муж будет на службе.

Он попрощался и повесил трубку.

— Он догадается, — обращаясь к Слоуту, сказал, — за пять секунд. Но, кажется, она хочет именно этого.

— Владельцам, которые по-настоящему полюбили своих животных, — мрачно сказал Слоут, — приходится очень нелегко. Поэтому я даже рад, что мы не имеем дела с настоящими животными. Ты представляешь, как приходится этому ветеринару звонить в таких случаях?

Он повернулся к Исидору.

— В некотором отношении, Джон Исидор, ты не так уж и глуп. Ты неплохо справился с этим звонком, хотя Милту и пришлось прийти тебе на помощь.

— Он отлично все сделал, — сказал Милт. — Боже, ну и денек!

И поднял со стола мертвого кота.

— Я отнесу его вниз, в мастерскую. Позвони Уилрайту, пусть пришлют своего представителя для фотографирования. Я намерен лично сравнить оригинал и копию.

— Я думаю, пусть звонит Исидор. Он все это затеял, а после разговора с миссис Пильзен он справится и с разговором с Уилрайтом.

— Только не разрешай им забирать оригинал, — сказал Милт. — Они будут настаивать, потому что им так легче работать, но ты не уступай.

— Гм-м, — сказал Исидор. — Ладно, идет. Видимо, нужно позвонить им немедленно, пока не началось разложение. Трупы ведь разлагаются, не так ли?

Он почувствовал необыкновенный подъем.

Восемь

Припарковав скоростной аэрокар с двигателем повышенной мощности на крыше Дома правосудия Сан-Франциско на Ломбард-стрит, Рик Декард подхватил свой чемоданчик и спустился в кабинет Гарри Брайанта.

— Ты просто метеор, — приветствовал его Брайант. Он откинулся на спинку кресла и взял щепотку специальной смеси номер один, которую поднес к ноздрям.

— Я сделал то, за чем меня посылали.

Рик уселся лицом к столу, поставив рядом служебный чемоданчик.

Только теперь, когда он вернулся, на него накатила усталость. Он не знал, сможет ли вообще сегодня еще работать.

— Как там Дейв? — спросил он. — С ним можно поговорить? Я хотел бы перекинуться с ним парой слов прежде, чем приняться за этих анди.

— Первым ты должен убрать Полокова, — сказал Брайант. — Это тот, кто ранил Дейва. Лучше сразу с ним покончить, потому что он знает, что охота началась.

— До разговора с Дейвом?

Гарри протянул руку за плохой копией какого-то машинописного листка.

— Полоков сейчас работает сборщиком мусора.

— Разве этой работой не занимаются исключительно специалы?

— Он как раз выдает себя за сильно отклонившегося специала. Это и подвело Дейва — Полоков исключительно хорошо изображает недоумка, и Дейв об этом забыл. Ты теперь уверен насчет шкалы Войт-Кампфа? Убедился в ее правильности?

— Да, — коротко ответил Рик.

— Я верю тебе на слово, — сказал Брайант. — Но не должно быть ни одного сбоя.

— За всю историю охоты на андроидов не было ни одного случая сбоя. Что изменилось?

— «Узел-6», вот что.

— Я уже обнаружил одного, — сказал Декард, — да Дейв отыскал двоих, даже троих, если считать Полокова, а вечером или с утра я переговорю с Дейвом.

Он протянул руку за листком с расплывшимися буквами плохой машинописной копии.

— Еще одно, — сказал Брайант. — Представитель советского отдела ВПО находится на пути к нам. Пока ты был в Сиэтле, я

говорил с ним по видеофону. Он на борту ракеты Аэрофлота, которая приземлится через час на гражданском аэродроме. Его имя Шандор Кадальи.

— Что ему нужно?

Представители ВПО очень редко — если вообще был такой прецедент — показывались в Сан-Франциско.

— ВПО очень заинтересованы этим новым мозгом. Они попросили, чтобы с тобой был их человек. Тебе решать, будет он с тобой или нет. Но я уже дал ему разрешение следовать за тобой.

— А как насчет премии? — спросил Рик.

— Ну нет, делить ее тебе не придется, — сказал Брайант и скрипуче рассмеялся.

— Я просто рассматривал бы это как финансовую несправедливость.

Рик не испытывал ни малейшего желания делить свою премию с кем-то из ВПО. Он принялся за изучение листка-досье Полокова. Там содержался словесный портрет и его адрес в настоящий момент. Местом его работы был район Залива. Он работал в компании по уборке мусора, контора которой находилась в Геари.

— Ну что, будешь дожидаться человека из ВПО?

— Я всегда справлялся сам. — Рик недовольно нахмурился. — Конечно, вам решать, но я хотел бы разделаться с Полоковым немедленно, не дожидаясь прилета Кадальи.

— Хорошо. Действуй как знаешь, а когда придет время заняться следующим — это будет Люба Люфт, вот ее досье, — возьмешь с собой на операцию Кадальи.

Сунув листки в чемоданчик, Рик вышел из кабинета и поднялся на крышу. «Нанесем визит Полокову», — сказал он себе и погладил дуло карманного лазера.

Для начала Рик прибыл в главную контору компании по уборке мусора в районе Залива.

— Я ищу одного из ваших служащих, — сказал он седоволосой, сурового вида женщине, сидевшей за столом-коммутатором.

Здание конторы произвело на него благоприятное впечатление: большое, современное, с изрядным количеством служащих первого класса. Толстые ковры, дорогие столы из натурального дерева — все это напоминало о том, что уборка мусора на Земле превратилась в важнейшую отрасль промышленности со времен окончания войны.

Вся планета постепенно начала превращаться в большую мусорную кучу, и, чтобы поддерживать ее в приемлемом для обитания остатков населения состоянии, необходимо было

периодически избавляться от переизбытка мусора. Иначе, как любил шутить Бастер Джруби, Земля будет погребена не под слоем радиоактивной пыли, а под слоем собственных отходов.

— Обратитесь к мистеру Амерсу, — сказала Рику женщина. — Он заведует отделом кадров. — Она указала на массивный стол из поддельного, впрочем, дуба, за которым сидел невзрачный индивидуум в очках с толстыми стеклами, погрузившись в бумаги.

Рик предъявил свое удостоверение.

— Где сейчас находится ваш служащий Полоков? Он на работе или дома?

Без особого энтузиазма, сверившись с бумагами, мистер Амерс сказал:

— Полоков должен быть на работе. Он работает на прессовке и сбрасывании старых аэрокаров в Залив. Однако… — Он сверился еще с одной бумагой, а потом снял трубку и вызвал кого-то из своих сотрудников. — Значит, нет, — сказал он, опустив трубку. — Сегодня Полоков на работу не явился. Он не представил никаких объяснений по этому поводу. А что он натворил?

— Если он появится, — сказал Декард, — не говорите ему, что я здесь был. Понимаете?

— Да, я понимаю, — сердито сказал Амерс, словно его глубокие познания в полицейском деле подвергались сомнению.

Следующим пунктом в маршруте Рика была квартира Полокова в Тендерлойн. «Нет, — сказал себе Рик, — теперь его будет трудно взять. Брайант должен был послать меня сюда до того, как я побывал в Сиэтле. Они с Холденом явно промедлили. Лучше всего было приехать сюда прямо после того, как он вывел из строя Дейва».

Направляясь к лифту, он подумал: «Какое угрюмое место». Брошенные вольеры для животных, покрытые, как корой, многомесячными наслоениями пыли. В одной из клеток — брошенное мертвое электрическое животное — цыпленок.

Он спустился на этаж, где жил Полоков. Холл не освещался и напоминал пещеру в подземелье. Пользуясь специальным полицейским фонариком со скрытым лучом, Декард осветил холл и еще раз заглянул в досье Полокова.

Тест Войт-Кампфа был уже применен, так что можно было непосредственно переходить к процедуре уничтожения андроида.

Лучше всего сначала вывести его отсюда. Рик порылся в сумке, извлек ненаправленный излучатель Пенфилда и настроил его на каталепсию. Сам он был защищен компенсирующей волной.

«Теперь их всех заморозило. — Рик выключил передатчик. — Люди и андроиды реагируют одинаково, если находятся поблизости. Никакого риска. Мне остается только войти и направить на него луч, если только он в своей квартире».

Пользуясь универсальным ключом-отмычкой, Рик вошел в квартиру Полокова, держа лазер наготове.

Квартира была пуста. Вокруг была полуразвалившаяся мебель, погружавшаяся в распад и мусоризацию. Все, что там было, представляло собой мусор, который Полоков унаследовал вместе с квартирой и который он, покинув ее, оставил для будущего — если такой вообще будет — жильца.

«Я так и думал, — подумал Декард. — Вот тебе и первая тысяча долларов ускакала куда-то за Полярный круг, за пределы моей юрисдикции. Полокова отправит на покой другой охотник и получит мои деньги. Ладно, пойдем к другим, может, еще не вспугнутым анди. К Любе Люфт, если я не ошибаюсь».

Вернувшись наверх, на крышу, он доложил по телефону из аэрокара Брайанту:

— С Полоковым ничего не ясно. Вероятно, он скрылся после прихода Дейва. — Рик взглянул на часы. — Может, мне заехать за Кадальи в аэропорт? Я хотел бы заняться Любой Люфт поскорее.

Он уже вытащил ее досье и принялся изучать его.

— Отличная идея, — сказал шеф. — Только мистер Кадальи уже здесь. Корабль Аэрофлота прибыл раньше назначенного времени — как всегда, как говорит он. Сейчас… — Последовало невидимое совещание. — Он возьмет аэрокар и встретится с тобой в том месте, где ты сейчас находишься. А пока почитай досье на Любу Люфт. Это, кажется, оперная певица, якобы из Германии. Сейчас она работает в Опере Сан-Франциско.

Декард задумчиво кивнул. Все его мысли были заняты изучением досье.

— Должно быть, у нее хороший голос, — сказал он. — Если она так быстро заключила контракт. Добро, я буду ждать мистера Кадальи.

Он дал Брайанту свои координаты и положил трубку.

«Я представлюсь любителем оперы, — подумал Рик, читая досье. — Особенно я был бы не прочь послушать ее в партии донны Анны в „Дон-Жуане“. В моей коллекции есть записи таких оперных певиц, как Элизабет Шварцкопф, Лота Лекманн и Лиза делла Каса. Это даст мне повод для разговора, пока я буду настраивать оборудование для теста».

Он закрыл досье и тут же услышал вызов видеофона.

— Мистер Декард, — сказала телефонистка полицейского управления, — вас вызывают из Сиэтла. Мистер Брайант велел

пропустить вызов. Это из Ассоциации Розена.

— Ладно, соединяйте.

Он стал ждать. Что им нужно? По своему опыту он знал, что от Розенов ничего хорошего ждать не следует. Вряд ли что-то изменилось за последние несколько часов.

На крохотном экранчике видеофона появилась Рейчел Розен.

— Здравствуйте, Декард. — Тон ее был мирным, и это насторожило Рика. — Вы заняты или я могу с вами поговорить?

— Давайте, — сказал он.

— Мы здесь в компании обсудили ваше положение в связи с ситуацией с «Узлом-6». Учитывая, что этот тип пока что лучше всех, мы решили, что у вас будет больше шансов на успех, если кто-то от нас будет работать в паре с вами.

— Каким образом вы собираетесь это организовать?

— Один из нас будет с вами, когда вы начнете поиск.

— Зачем? Что это дает?

— Любой «Узел-6» насторожится, если почувствует присутствие человека. Но если в контакт с ним войдет другой «Узел-6», то…

— И это будете вы?

— Да.

— Я и так получил от вас больше помощи, чем хотел.

— Но я действительно уверена, что понадоблюсь вам.

— Сомневаюсь. Но я подумаю, и, если вы понадобитесь мне, я вас вызову.

«В отдаленном будущем, — подумал он. — А точнее, никогда. Этого мне еще не хватало: Рейчел Розен, путающаяся под ногами на каждом шагу».

— Едва ли вы позвоните мне, — сказала Рейчел. — Но вы не сознаете, насколько может быть изворотлив сбежавший «Узел-6». У вас нет никаких шансов. Нам кажется, теперь наш долг — помочь вам.

— Приму к сведению, — сказал Рик и хотел было повесить трубку.

— Без моей помощи, — сказала Рейчел, — они прикончат вас раньше, чем вы нанесете им какой-то вред.

— До свидания.

Декард положил трубку. Что же это за мир: андроид звонит человеку, да еще охотнику за андроидами, и предлагает помощь в убийстве своего собрата. Он вызвал телефонистку полицейского управления.

— Больше ко мне вызовов из Сиэтла не пропускайте, — сказал он.

— Да, мистер Декард. Мистер Кадальи уже нашел вас?

— Нет еще, но я жду его. Лучше ему поторопиться, поскольку долго просиживать штаны тут я не намерен.

Он повесил трубку.

В тот момент, когда он возобновил чтение досье Любы Люфт, на крышу спланировал аэрокар-такси и приземлился в нескольких ярдах от машины Рика.

Из такси вышел краснолицый, веселого вида мужчина лет пятидесяти, в сером дорогом пальто. Улыбаясь, он подошел к Декарду и протянул руку.

— Мистер Декард? — спросил он. У него был явный славянский акцент. — Охотник за андроидами из Департамента полиции Сан-Франциско?

Такси взлетело, и русский проводил его взглядом.

— Меня зовут Шандор Кадальи, — сказал он, открывая дверь и влезая в машину следом за Риком.

Когда они пожали друг другу руки, Декард заметил, что представитель ВПО вооружен необычного вида лазерным пистолетом, какого он никогда еще. не видел.

— Ах, это… Любопытно, правда? — Кадальи вытащил оружие из кобуры. — Я раздобыл его на Марсе.

— Мне казалось, я знаю все типы ручного оружия. Даже те, которые производятся в колониях.

— Такие мы делаем сами, — сказал Кадальи. Он лучился весельем, как русский Дед Мороз. На его лице читалась гордость. — Нравится? Вся особенность заключается в том, что… Вот, возьмите. — Он передал пистолет Рику, который принялся со знанием дела рассматривать его.

— Чем же он отличается? — поинтересовался Рик. Он не мог понять.

— Нажмите на спуск.

Повернув оружие вверх, в окно машины, Рик нажал спуск. Ничего не произошло. Озадаченный, он повернулся к Кадальи.

— Дистанционный пусковой контур, — сказал тот. — Он остался у меня. Вот, видите? — Он раскрыл ладонь и показал миниатюрный блок. — Я могу направлять луч вне зависимости от того, куда нацелен лазер.

— Вы не Кадальи, — сказал Декард. — Вы Полоков.

— Что вы имеете в виду?

— Я хочу сказать, что вы не из советской команды. Вы — Полоков, андроид.

Носком ботинка Рик нажал кнопку сигнализации на днище аэрокара.

— Почему мой лазер не стреляет? — спросил Кадальи — Полоков, включая и выключая свое миниатюрное устройство,

направив его на Декарда.

— Нейтроволна, — спокойно ответил Рик. — Она нарушает фазировку генератора и превращает луч лазера в обыкновенный свет.

— Тогда придется свернуть вам шею, — сказал андроид и с рычанием схватил Рика за горло.

Декард выстрелил из старомодного пулевого револьвера, который всегда носил в кобуре на плече. Пуля тридцать восьмого калибра ударила в голову андроида и мозговая коробка взорвалась.

Устройство «Узел-6» разлетелось на тысячу мелких кусков, которые, подобно радиоактивной пыли, взвились и осели в кабине аэрокара.

Останки андроида тяжело навалились на Декарда, так что ему пришлось с трудом выбираться из-под корчившегося в судорогах мертвого андроида.

Наконец он дрожащей рукой набрал номер Департамента полиции.

— Докладываю, — сказал он. — Передайте Гарри Брайанту, что с Полоковым покончено.

— Вы покончили с Полоковым. Он поймет?

— Да, — подтвердил Рик.

Положив трубку, он подумал: «Еще чуть-чуть, — и… Нет, я недооценил предложение Рейчел Розен. Я не прислушался к ее словам и едва не поплатился за это. Ну ладно, с Полоковым покончено».

Его железы постепенно перестали качать адреналин в кровь, сердце перестало стучать, дыхание успокоилось, но дрожь не проходила.

«Во всяком случае, я только что заработал свою тысячу долларов. Значит, дело того стоит. И я реагирую быстрее Дейва Холдена. Конечно, печальный опыт Дейва обострил мое внимание, это нужно отметить. У Дейва такого предупреждения не было».

Он снова поднял трубку видеофона и набрал номер своей квартиры. Дрожь начала проходить, и он уже мог сунуть в рот сигарету.

На экране появилось лицо жены, на котором читались остатки шестичасового периода самобичевания.

— А, Рик, привет!

— А где же номер пятьсот восемьдесят четыре, который я набрал тебе, когда улетал? Радостное признание…

— Я переменила комбинацию, как только ты ушел. Что ты хочешь? — Голос ее погрузился в привычное уныние. — Я такая

усталая, и у меня совершенно нет никакой надежды. И наша с тобой жизнь, и то, что тебе может в любой момент не поздоровиться и тебя достанет какой-нибудь из этих анди… Ты это хотел сказать мне, Рик, что до тебя добрался этот анди?

За ее спиной шумел Бастер Джруби. Рик видел, как шевелятся ее губы, но не слышал слов — они заглушались грохотом телевизора.

— Послушай, — сказал он, — ты меня слышишь? Кажется, я напал на жилу! Это новый тип андроида, с которым могу справиться только я. Я уже отправил на покой одного, и для начала это великолепно. Знаешь, что будет у нас еще до того, как я покончу с остальными?

Ирен смотрела на него невидящим взглядом.

— О! — сказала она.

— Но я еще ничего не сказал!

Но он мог и не рассказывать. На этот раз ее депрессия углубилась настолько, что из ее глубин она уже не слышала его. Он говорил с пустым местом.

— До вечера, — сказал он с горечью.

«К черту Ирен, — подумал он. — Ну какой же прок в этом риске для жизни, которому я подвергаю себя? Ее не волнует, станем ли мы владельцами страуса. До нее сейчас ничего не доходит. Нет, нужно было отделаться от нее еще два года назад, когда мы собирались разойтись. Хотя и сейчас еще не поздно».

Он наклонился и мрачно стал собирать с пола машины смятые листки своих записей, включая и досье Любы Люфт. «Никакой поддержки, — напомнил он себе. — Большинство андроидов обладают большим запасом жизненной энергии. Она ничего не может дать мне».

Это заставило его вспомнить Рейчел Розен. Он понял, что ее совет относительно психологии «Узла-6» оказался правдой. Если она не намерена забрать себе часть премии, то, пожалуй, ее можно использовать.

Встреча с Кадальи — Полоковым кардинально изменила его представления.

Включив двигатель аэрокара, он направил машину к старому зданию оперного театра, в котором, как следовало из заметок Холдена, он должен был обнаружить Любу Люфт.

Теперь он подумал и о ней. Некоторые андроиды-женщины казались ему привлекательными, а к некоторым он ощущал даже физическое влечение. Это было странное чувство. Умом он понимал, что это всего лишь машины, но инстинкт гнул свое.

Например, Рейчел Розен. Но он решил, что она слишком худа — никаких выступающих частей, особенно в области груди —

фигура ребенка, плоская и слабая. Он мог бы выбрать кое-что и получше. Сколько лет Любе Люфт? Он разгладил листок и отыскал графу «возраст». В досье было указано: двадцать восемь лет. Единственный стандарт, когда имеешь дело с анди, это внешний вид.

«Хорошо еще, — подумал Декард, — что я знаю кое-что об опере. Еще одно преимущество перед Холденом. У меня более широкий кругозор. Сначала я попробую справиться еще с одним анди, а потом попрошу помощи у Рейчел Розен, если мисс Люфт окажется особо крепким орешком».

Но интуиция подсказывала ему обратное. Трудно было только с Полоковым, а остальные, не подозревая, что за ними идет охота, должны просто свалиться, подобно костяшкам домино, поставленным друг на друга.

Снижаясь к крыше Оперы, он громко напевал попурри из арий, сочиняя по мере надобности псевдоитальянские слова.

Девять

В огромном, подобном чреву кита зале старинного здания Оперы, построенного из камня и стали, репетиция была в самом разгаре. Рик Декард узнал музыку — репетировали «Волшебную флейту» Моцарта, шла финальная сцена первого акта. Рабы музы — другими словами, хор — начали свою песню чуть-чуть раньше, и это свело на нет простой ритм волшебных колокольчиков.

Это была приятная неожиданность. Ему очень нравилась «Волшебная флейта». Рик сел в кресло в бельэтаже — кажется, никто не заметил его появления — и устроился поудобнее. Как раз в этот момент Папагено в своем фантастическом наряде из птичьих перьев присоединился к Памине, чтобы спеть слова, всегда вызывавшие у Рика слезы:

Всякий храбрый человек
Счастья добивается.
А его ближайший друг
Помешать старается.

«Нет, — подумал Рик, — никаких волшебных колокольчиков в действительности не существует. И ничто не заставит твоего врага исчезнуть без следа. А жаль. Моцарт умер вскоре после написания „Волшебной флейты“ от болезни почек в возрасте меньше сорока лет. Как странно — предчувствовал ли Моцарт, что у него нет будущего, что его время прошло и его вскоре похоронят в могиле для нищих, без надписи? Возможно, я тоже предчувствую нечто подобное».

Он наблюдал за ходом репетиции.

«Репетиция кончится, кончится представление, певцы умрут, и в конечном счете будет уничтожен последний нотный листок, да и само имя композитора исчезнет в веках, и пыль окончательно победит, если не на этой планете, так на другой. Мы можем лишь ненадолго отсрочить конец. Так же как и анди, которые лишь некоторое время могут уклоняться, но все равно будут настигнуты мной или другим охотником. В некотором смысле я тоже часть форморазрушающего процесса энтропии. Ассоциация Розена создает, а я уничтожаю их творения или как там это выглядит с их точки зрения».

Папагено и Памина начали диалог на сцене. Он прервал свои размышления и прислушался.

— Дитя мое, что ж нам теперь сказать? — пел Папагено.

— Правду, вот что скажем мы, — отвечала ему Памина.

Наклонившись вперед, Рик пристально вглядывался в Памину, в ее тяжелый костюм с вуалью на лице. Потом он сверился с досье и удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

«Вот и третий андроид, — осознал он. — Это и есть Люба Люфт». Ее роль заключала в себе некоторую иронию.

Самый полный жизни и симпатичный андроид едва ли был способен сказать правду, во всяком случае, о себе.

Люба Люфт запела, и Декард был поражен чистотой ее голоса, не уступающего голосам знаменитостей, имеющимся у него в коллекции. Ассоциация Розена потрудилась на славу.

Рик снова представил себе, что он — разрушитель субстанций, вызванный к жизни тем, что сейчас услышал о правде. «Вероятно, чем лучше она функционирует, — подумал он, — тем больше общество нуждается во мне. Если бы андроиды оставались нестандартными и непохожими на человека, как древние К-40, производившиеся компанией Дерана, проблемы не было бы. Когда же мне начать? Вероятно, как можно скорее. После окончания репетиции, когда она пройдет в свою уборную».

В конце первого акта репетиция была остановлена, и дирижер сообщил, что она возобновится через полтора часа — это было объявлено на английском, французском и немецком языках. После этого дирижер покинул зал, за ним вышли музыканты. Рик встал и прошел за сцену, туда, где располагались уборные артистов. Он шел за последними участниками спектакля, размышляя и оттягивая время.

«Да, так будет лучше. Покончить разом, как только тест даст результат». «Быть может, Дейв ошибся? — предположил Декард. — Надеюсь, но едва ли».

Его профессиональный инстинкт уже отреагировал, а он редко обманывал его за годы работы в полиции.

Остановив проходящего статиста, он узнал, где находится уборная мисс Люфт. Статист, в гриме и костюме египетского копьеносца, показал ему дорогу.

Подойдя к двери с надписью «МИСС ЛЮФТ. ГРИМЕРНАЯ», Рик постучал.

— Войдите.

Он вошел. Девушка сидела у гримерного столика, раскрыв на коленях переплетенную в тканевую обложку партитуру, делая пометки шариковой ручкой. Она не сняла костюма и грима, не считая вуали, которая лежала на полке.

— Да? — Она подняла голову. Сценический грим делал ее глаза большими, больше, чем они были на самом деле. Эти глаза пристально смотрели на Декарда. — Вы видите, я занята.

Ее английский совершенно не имел акцента.

— Вы вполне прилично поете, если сравнивать со Шварцкопф, — сказал Рик.

— Кто вы?

В ее голосе слышалась холодная недружелюбность и еще та едва заметная холодность, которую он всегда замечал у андроидов. Могучий интеллект и это… Ему это не нравилось, но без этой особенности выслеживать их было бы много труднее.

— Я из полиции Сан-Франциско.

— О? — В огромных ореховых глазах не проскользнуло ни искорки, ни намека на ответную реакцию. — И что же вам нужно?

Странно, но тон ее казался снисходительным.

Устроившись в ближайшем кресле, он расстегнул молнию служебного чемоданчика.

— Я пришел, чтобы произвести стандартный тест на психопрофиль личности. Что займет не больше нескольких минут.

— Это так необходимо? — Она показала на партитуру в обложке. — У меня много работы.

Теперь в ее тоне стали заметны нотки нехорошего предчувствия.

— Это необходимо.

Декард достал приборы и начал собирать комплект.

— Тест на умственные способности?

— Нет, на эмпатию.

— Мне придется надеть очки.

— Если вы читаете партитуру без очков, то сможете пройти и тест. Я покажу вам несколько картинок и задам вопросы.

Он поднялся, подошел к девушке и приложил к ее сильно нагримированной щеке липкую сетку датчиков.

— Теперь свет, — сказал он и направил на нее тонкий луч. — Вот и все.

— Вы думаете, я андроид? Это? — Голос ее стал почти неслышен. — Я не андроид! Я никогда не была на Марсе и никогда даже не видела андроида! — Ее удлиненные ресницы невольно затрепетали. Он видел, как она старается сохранить самообладание. — Вы получили сведения, что в труппе скрывается андроид? Я была бы рада помочь вам. А если бы я была андроидом, разве я стала бы вам помогать?

— Андроид, — объяснил Декард, — равнодушен к судьбе других андроидов. Это одна из характерных черт, по которым мы их и выявляем.

— Тогда, — сказала мисс Люфт, — вы сами должны быть андроидом.

Он удивленно поднял на нее глаза.

— Потому что ваша работа, — продолжала она, — убивать их. Вы… Как это называется?.. — Она старалась вспомнить.

— Охотник за андроидами, — сказал Рик. — Но я не андроид.

— А вы сами проходили такой тест?

В ее голосе снова появилась уверенность.

— Вы проходили его?

— Да, — кивнул он. — Очень давно, когда я начал работать в управлении.

— Вероятно, это фальшивая память. Ведь у андроидов бывает фальшивая память, не так ли?

— Мое начальство знает о результатах теста. Это обязательное условие.

— Возможно, когда-то и существовал человек, выглядевший, как и вы, но вы убили его и заняли его место, и ваше начальство не имеет об этом ни малейшего понятия.

Она улыбнулась, как бы приглашая его согласиться.

— Лучше продолжим тест, — сказал он, вынимая из чемоданчика листки с вопросами.

— Я пройду испытание, — сказала она, — если только вы сами пройдете его вначале.

Он уставился на нее, сбитый с толку.

— Разве это не будет справедливо? Тогда я буду уверена в вас. А так я просто не знаю, кто вы. Вы такой странный, ведете себя так необычно.

Она вздрогнула, а потом с надеждой улыбнулась.

— Вы не сможете провести теста по шкале Войт-Кампфа, поскольку процедура требует значительного опыта. Так что лучше слушайте меня внимательно. Вопросы будут касаться социальных и психологических ситуаций, в которых вы могли бы оказаться. Мне требуется от вас утверждение-реакция, что бы вы сделали в том или ином случае. И реакция мне нужна как можно более быстрая. Один из регистрирующих параметров — это время задержки, если она имеет место.

Он выбрал первый вопрос.

— Вы сидите в кресле, смотрите телевизор и вдруг обнаруживаете, что на вашей руке сидит оса.

Он засек время, а потом взглянул на показания приборов.

— Что такое оса? — спросила Люба Люфт.

— Кусающееся насекомое с крыльями.

— О, как необычно. — Ее глаза расширились, как у ребенка, как будто Рик открыл ей тайну мироздания. — Они еще существуют? Я никогда их не видела.

— Они вымерли. Пыль убила их всех. Вы действительно не

знаете, что такое оса? Осы существовали, когда вы родились. Это всего…

— А как это называется по-немецки?

Он попытался вспомнить, но не мог.

— Ваш английский звучит превосходно, — с упреком сказал он.

— Это только произношение, — сказала она. — Для партии Персали, Уолтон и Виллиамс. Но словарный запас у меня невелик. — Она застенчиво смотрела на него.

— Веспе, — сказал он, вспомнив немецкое слово «оса».

— Ах да, айн веспе!

Она засмеялась:

— Какой там был вопрос? Я уже забыла.

«Попробуем другой, — подумал он. — Теперь добиться толкового ответа уже невозможно».

— Вы смотрите по телевизору старый фильм. Показывают банкет в самом разгаре.

Он решил пропустить часть вопроса.

— Главное блюдо состоит из собаки, фаршированной рисом.

— Но кто станет убивать и варить собаку? — удивилась Люба. — Они же стоят целого состояния. Может, это была ее имитация, но имитации состоят из проводов и моторов, а их есть нельзя.

— Это довоенные времена, — проскрежетал Декард.

— Но тогда я еще не родилась.

— Но вы видели по телевизору старые фильмы.

— Фильм был снят на Филиппинах?

— Почему на Филиппинах?

— Потому что только на Филиппинах было принято готовить фаршированных рисом собак, — сказала Люба Люфт. — Я читала об этом.

— Но ваша реакция! Мне нужна ваша реакция на этот фильм — социальная, психологическая, моральная!

Она задумалась.

— Я бы переключила телевизор и посмотрела Бастера Джруби.

— Почему?

— Потому что, если вам нравится смотреть старые фильмы, действие которых происходит на Филиппинах, то это странно. Чего там интересного? — И с негодованием воззрилась на него. Стрелки на приборах закачались из стороны в сторону.

После паузы он осторожно продолжил:

— Вы сняли домик в горах.

— Да. — Она кивнула. — Продолжайте.

— В районе, не подвергшемся влиянию пыли.

— Простите? — Она приложила к уху ладонь. — Что это значит?

— Там все еще растут кусты и деревья. Домик сколочен из сосновых досок. Имеется большой камин. На стенах кто-то развесил эстампы Каррмера и Айвса. Над каминной полкой — большая оленья голова — самец с полностью сформировавшимися рогами. Люди, приехавшие с вами, восхищаются убранством комнаты, и…

— Я не понимаю… Каррмер и Айве, украшения?.. — спросила она. Казалось, что она хочет разобраться в смысле вопроса. — Подождите.

Она подняла руку:

— Этот как с рисом и собакой? Каррмер — это такая острая приправа? Она делает рис острее. По-немецки — это карри.

Декард не мог понять, является ли семантический туман, в котором заблудилась мисс Люфт, случайным, или она намеренно водит его за нос.

Он решил попробовать еще один вопрос. Что ему еще оставалось делать?

— Вы назначили свидание мужчине, — сказал он, — и он приглашает вас к себе. Пока вы там находитесь…

— О, найн, — перебила его Люба. — Я там не буду находиться. Это легкий вопрос.

— Но это еще не весь вопрос!

— Вы задали не тот вопрос? Но я понимаю, о чем вы спрашиваете. Почему, в таком случае, это не вопрос? Разве не подразумевается, что я должна понимать вопрос?

Она нервно провела рукой по щеке и отсоединила липкий диск-сетку датчиков, якобы случайно. Диск упал на пол и закатился под гримировочный столик.

— Ах, Готт, — пробормотала она, нагнувшись и стараясь отыскать его.

Послышался звук рвущейся ткани — ее неудобное платье не выдержало.

— Я подниму, — сказал он.

Заняв место Любы, отодвинувшейся в сторону, и опустившись на колени, он шарил рукой под столиком, пока не нащупал сетку диска.

А когда он поднялся, то обнаружил, что прямо в глаза ему смотрит дуло лазерной трубки.

— Ваши вопросы, — сказала Люба Люфт шуршащим голосом прокурора, — начали касаться секса. Я так и думала, что до этого дойдет. Вы не из полиции. Вы сексуальный извращенец.

— Можете посмотреть мое удостоверение.

Он потянулся к карману пиджака и заметил, что рука его начала дрожать, как при встрече с Полоковым.

— Если дотронетесь до кармана, — сказала она, — я вас убью.

— Вы в любом случае так сделаете.

Рик стал думать о том, что бы получилось, если бы он послушался совета Рейчел Розен и взял ее с собой. Но не было смысла сейчас думать об этом.

— Так, посмотрим на остальные вопросы.

Она требовательно протянула руку, и он нехотя передал ей листки.

— «В журнале вы встречаете большую цветную фотографию обнаженной женщины…» Так, ясно. «Вы забеременели от мужчины, который обещал жениться. Этот человек начинает ухаживать за другой женщиной, вашей лучшей подругой. Вы делаете аборт». Система ваших вопросов совершенно очевидна. Я вызываю полицию.

Не выпуская Рика из-под прицела лазерной трубки, она пересекла комнату, сняла трубку видеофона и набрала номер дежурного оператора.

— Соедините меня с Департаментом полиции, — сказала она. — Мне нужно вызвать полицейского.

— Вы как раз делаете то, — с облегчением сказал Рик, — что я сам сделал бы с удовольствием.

Однако идея Любы Люфт показалась ему странной. Почему она просто не убила его? Как только явится патрульный, у нее не останется шансов, и все будет так, как скажет он.

«Наверное, она уверена, что она — человек, — решил он. — Она наверняка не знает, кто она».

Несколько минут спустя, в течение которых Люба Люфт не выпускала его из-под прицела лазера, явился полицейский — здоровенный бык в своей архаичной голубой форме, с пистолетом и звездой.

— Ладно, — сразу же сказал он Любе, — уберите эту штуку.

Она опустила лазер, и он сразу проверил, заряжен ли он.

— Так. Что тут происходит? — спросил он Любу.

Еще до того, как она успела ответить, он повернулся к Рику.

— Вы кто такой? — рявкнул он.

— Он вошел ко мне в уборную, — начала мисс Люфт. — Я его никогда раньше не видела. И сделал вид, что проводит какой-то опрос или что-то в этом роде. Он собирался задавать вопросы. Я подумала, что тут ничего удивительного нет. Но потом он начал задавать неприличные вопросы.

— Покажите документы, — сказал бык полицейский и требовательно протянул руку.

Вынимая свое удостоверение, Рик пояснил:

— Я охотник на андроидов, работаю в управлении.

— Я знаю всех охотников в управлении Сан-Франциско, — сказал полицейский.

— Мой начальник — инспектор Брайант, — уточнил Рик. — Я взял дело Дейва Холдена, потому что тот сейчас в больнице.

— Я сказал, что знаю всех охотников, и я никогда даже не слышал о вас.

Он отдал карточку обратно Рику.

— Вызовите инспектора Брайанта.

— Никакого инспектора Брайанта не существует, — сказал полицейский.

Рик понял, что происходит.

— Вы тоже андроид, — сказал он, — как и мисс Люфт.

Подойдя к видеофону, Рик поднял трубку.

— Я вызову наше управление.

«Насколько далеко они позволят мне зайти?» — думал он.

— Номер управления, — подсказал бык полицейский.

— Я знаю номер.

И набрал номер, почти мгновенно связавшись с оператором управления.

— Дайте мне, пожалуйста, инспектора Брайанта, — сказал он.

— Кто вызывает?

— Это Рик Декард.

Он стал ждать. Тем временем бык полицейский записывал показания Любы Люфт.

Оба не обращали на него никакого внимания.

После паузы на экране показалось лицо Гарри Брайанта.

— Что такое? — спросил он. — Что происходит?

— Небольшие неприятности, — объяснил Рик. — Один из андроидов из списка Дейва вызвал сюда какого-то патрульного. Этому патрульному я не в силах доказать, кто я такой. Он говорит, что знает всех охотников, но никогда обо мне не слышал. И о вас он тоже никогда не слышал.

— Дайте мне с ним поговорить, — сказал Брайант.

— Инспектор Брайант хочет с вами поговорить.

Рик протянул трубку полицейскому. Упрямый бык подошел к видеофону.

— Сержант Грамс, — резко сказал бык полицейский.

Последовала пауза.

— Алло!

Он прислушался, еще несколько раз сказал «алло», подождал и повернулся к Рику.

— На линии никого нет.

Он показал на экран, и Рик увидел, что экран пуст.

Взяв у быка полицейского трубку, Рик с тревогой сказал:

— Мистер Брайант?

Он прислушался, подождал, потом снова набрал знакомый номер. Послышались гудки, но никто не отвечал. Гудок следовал за гудком.

— Дайте мне, — сказал сержант Грамс.

Он взял из рук Рика трубку.

— Вы, видимо, ошиблись номером.

Он начал крутить диск.

— Нужно набрать восемьсот сорок два…

— Я знаю номер, — раздраженно сказал Рик.

— Вызывает сержант Грамс, — сказал полицейский в трубку. — Имеется ли среди сотрудников управления некий инспектор Брайант?

Последовала короткая пауза.

— Так, а агент по имени Рик Декард?

Снова наступила пауза.

— Вы уверены? Может быть, он только недавно… Так, ясно. Хорошо, спасибо. Нет, все нормально, я сам.

Сержант Грамс повесил трубку и повернулся к Рику.

— Но он же был на экране, — сказал Рик. — Ведь вы видели, я говорил с ним, и он сказал, что хочет с вами поговорить. Это какая-то неполадка, произошло недоразумение. Неужели вы не видели… на экране появилось лицо Брайанта, потом пропало.

Он был совершенно сбит с толку.

— Я записывал показания мисс Люфт, Декард, — сказал сержант Грамс. — Так что мы поедем в Дом правосудия, чтобы я вас зарегистрировал.

— Ладно, — сказал Рик.

Любе Люфт он сказал:

— Я очень скоро вернусь. Я все же не провел теста.

— Он извращенец, — со страхом сказала Люба Люфт сержанту. — Один вид его вызывает у меня дрожь.

Она повела плечами.

— Какую оперу вы репетируете? — поинтересовался сержант Грамс.

— «Волшебную флейту», — ответил Рик.

— Я не вас спрашиваю. Я спросил ее.

Полицейский недружелюбно взглянул на Рика.

— Я хотел бы побыстрее добраться до Дома правосудия, —

сказал Рик. — Нужно разъяснить это недоразумение.

Он направился к двери, сжав ручку чемоданчика с приборами.

— Сначала я вас обыщу.

Сержант Грамс ловко ощупал Рика и отобрал служебный лазер и пулевой револьвер. Он внимательно осмотрел их, потом понюхал ствол револьвера.

— Из него недавно стреляли.

— Я буквально только что отправил на покой одного анди. Останки по-прежнему наверху, в моем каре.

— Ладно, — сказал Грамс. — Поднимемся на крышу и поглядим.

Они направились к двери.

Мисс Люфт проводила их до порога.

— Ведь он не вернется, не правда ли, сержант? Я его очень боюсь, честное слово. Он такой странный.

— Если у него в каре тело убитого гражданина, — сказал Грамс, — то сюда он уже не вернется.

Он подтолкнул Рика к двери, и они поднялись на крышу здания Оперы.

Открыв дверцу аэрокара Рика, Грамс в молчании осмотрел тело Полокова.

— Это андроид, — объяснил Рик. — Я на него охотился. Он едва не прикончил меня, выдав себя за…

— Показания вы дадите в Доме правосудия, — перебил его сержант Грамс.

Он подтолкнул Рика к своему аэрокару.

Уже в кабине он по радио передал кому-то указание забрать останки Полокова, затем дал отбой.

— Ладно, Декард, — сказал он. — Поехали.

Патрульный кар, в кабине которого находились только они, взвился в небо и взял курс на юг.

— Дом правосудия, — сказал Рик, — находится на севере, на Ломбард-стрит.

— Это старый Дом, — пояснил Грамс. — Новый построен на Медиссон-стрит. Старое здание начало разваливаться, теперь это руины, там больше никто не работает уже много лет. Вы что, так давно не были в полиции?

— Отвезите меня туда, — сказал Рик, — на Ломбард-стрит.

Теперь он все понял, теперь он видел, чего добились андроиды, работая сообща.

Он не доживет до конца этого полета.

Для него это конец, почти как у Дейва.

— А эта девчонка первый класс, — заметил сержант Грамс. —

Правда, из-за костюма не оценить фигуры, но я бьюсь об заклад, что с фигурой все в норме.

— Признайтесь все-таки, что вы — андроид.

— Зачем? Я не андроид. Вы что, убиваете людей, а думаете, что это андроиды? Теперь я понимаю, почему мисс Люфт испугалась. Хорошо, что она успела вызвать нас.

— Тогда отвезите меня в Дом правосудия на Ломбард-стрит.

— Как я вам уже говорил…

— Это займет всего минуты три, — взмолился Рик. — Я хочу увидеть собственными глазами. Каждое утро я приходил туда на работу, делал отметки. Я хочу собственными глазами увидеть, почему здание вдруг превратилось в руины, как вы сказали.

— Возможно, вы андроид, — сказал сержант, — и у вас встроена фальшивая память, ложная. Вы об этом не думали?

Он холодно усмехнулся и повел кар на юг.

Понимая свой провал, Рик откинулся на спинку сиденья и начал беспомощно ждать, что будет дальше. Что бы ни задумали андроиды, теперь он был в их руках.

«Но одного я все-таки отправил на покой, — подумал он, — Полокова. А Дейв прикончил двух».

Зависнув над Медиссон-стрит, полицейский аэрокар Грамса начал снижаться на посадку.

Десять

Здание Дома правосудия на Медиссон-стрит, на крышу которого спускался аэрокар, вздымалось к небу несколькими шпилями в стиле барокко. Сложная современная архитектура здания поразила Рика Декарда. Здание показалось ему красивым и приятным для глаз, кроме одного — он никогда раньше не видел его.

Полицейский аэрокар приземлился.

Несколько минут спустя он обнаружил, что с него уже снимают показания.

— 304, — сказал сержант Грамс сержанту за письменным столом, — и 612 дробь 4. Так, посмотрим. Выдавал себя за агента полиции.

— 406 дробь 7, — сказал сержант за столом.

Он заполнял бланки. Писал он лениво, как будто скучая. Рутина — так свидетельствовали выражение его лица и поза. Ничего важного.

— Сюда, — сказал Грамс.

Он направил Рика к белому столику, где сержант-техник оперировал знакомыми Рику приборами.

— Снимем вашу цефаломатрицу в целях установления личности.

— Знаю, — огрызнулся Рик.

В былые дни, когда он сам служил патрульным упряжным быком, он часто приводил подозреваемых вот к такому столу — такому, но не совсем.

После того как сняли его цефаломатрицу, Рика отвели в также знакомую комнату. Он рефлекторно начал перечислять в уме все свои ценные вещи, чтобы переслать их жене. «Но это бессмысленно, — подумал он. — Кто эти люди? Если эта организация существовала раньше, почему же мы о ней не знали? И почему они не знают о нас? Два параллельных полицейских агентства, наше и их. И они никогда не вступают в контакт, никогда не вступали, насколько мне известно, до сих пор. Или, может быть, вступали. Возможно, это не первый случай. Трудно поверить, что ничего подобного не было раньше, если это действительно аппарат Департамента полиции, если это действительно то, чем кажется».

К Рику подошел человек в штатском. Он подошел неспешным, размеренным шагом, с любопытством гладя на Рика.

— Кто этот человек? — спросил он Грамса.

— Подозрение в убийстве, — ответил Грамс. — Там, наверху,

имеется тело — мы нашли его в каре, и он утверждает, что это андроид. Сейчас в лаборатории делают анализ костного мозга, так что мы скоро это выясним. Кроме того, он выдавал себя за офицера полиции, агента по борьбе с андроидами. С помощью этого он пробрался в женскую уборную в Оперном театре и задавал певице двусмысленные вопросы. Она начала сомневаться, что он тот, за кого себя выдает, и вызвала нас.

Отойдя в сторону, Грамс сказал:

— Будете заниматься им до конца, сэр?

— Хорошо, — сказал старший чиновник в штатском, голубоглазый, с узким хищным носом и бледными невыразительными губами.

Он посмотрел на Рика, потом протянул руку к служебному чемоданчику.

— Что у вас там, мистер Декард?

— Материалы, относящиеся к тесту Войт-Кампфа, — сказал Рик. — Я тестировал подозреваемую, когда сержант Грамс арестовал меня.

Он смотрел, как полицейский роется в содержимом чемоданчика, осматривая каждый предмет.

— Я задавал мисс Люфт стандартные вопросы теста Войт-Кампфа, напечатанные на…

— Вы знаете Джорджа Глисона или Фила Реча? — спросил полицейский.

— Нет, — сказал Рик.

Оба имени он слышал впервые.

— Это агенты по выявлению и ликвидации андроидов, работающие в Северной Калифорнии. Оба закреплены за нашим управлением. Возможно, вы с ними здесь встретитесь. Вы андроид, Декард? Я спрашиваю, потому что мы уже несколько раз имели дело с бежавшими анди, которые выдавали себя за охотников из других штатов, прибывших к нам в погоне за подозреваемыми.

— Я не андроид, — сказал Рик. — Можете провести тест Войт-Кампфа. Я уже проходил его и могу пройти еще раз, но я знаю результаты. Могу я позвонить жене?

— Вы имеете право на один звонок. Вы желаете позвонить именно ей, а не своему адвокату?

— Я позвоню жене, — повторил Рик. — Она может вызвать адвоката.

Полицейский чиновник в штатском вручил Рику монету, пятьдесят центов, и указал рукой.

— Вот там есть видеофон.

Он проследил взглядом, как Рик направился через комнату к

видеофону, потом вернулся к исследованию содержимого его чемоданчика.

Опустив монету, Рик набрал домашний номер. Он долго ждал ответа.

На видеофоне появилось женское лицо.

— Алло, — отозвалась женщина.

Это была не Ирен. Он никогда раньше не видел этой женщины.

Он повесил трубку и медленно вернулся обратно к столу чиновника.

— Неудачно? — поинтересовался офицер. — Ну что ж, можете позвонить еще раз. В этом отношении мы придерживаемся довольно либеральной политики. Я не могу позволить вам вызвать поручителя, потому что под залог мы вас пока выпустить не можем, но когда вы уже будете привлечены…

— Я знаю, — оборвал его Рик. — Эта процедура мне знакома.

— Вот ваш чемоданчик, — сказал офицер и вручил его Рику. — Пойдемте в мой кабинет. Я хотел бы продолжить нашу беседу.

Он двинулся к боковому коридору, указывая путь. Рик шел следом. Потом, обернувшись, офицер сказал:

— Меня зовут Гарланд.

Они пожали друг другу руки.

Гарланд распахнул дверь кабинета и тяжело опустился на стул за большим письменным столом, заваленным бумагами.

— Садитесь.

Рик сел лицом к столу.

— По поводу теста Войт-Кампфа, — начал Гарланд, — который вы упоминали.

Он указал на чемоданчик.

— Все эти принадлежности, все это является аналитическим инструментом для опознания андроидов?

Он набил трубку, раскурил ее и выпустил облачко дыма.

— Это наш базовый тест, — сказал Рик. — В настоящее время мы пользуемся именно им. Только этот тест способен опознать андроидов с новым мозговым блоком типа «Узел-6». Вы никогда не слышали об этой методике?

— Я знаю несколько тестов психопрофиля, которые используются при обнаружении андроидов, но о таком никогда не слышал. — Он продолжал рассматривать Рика. В его лице появилось что-то чуждое. Декард не мог определить, о чем сейчас думает Гарланд. — А вот эти грязные бумажки, — продолжал Гарланд, рассматривая их, — которые лежали у вас в портфеле… Здесь Полоков, Люба Люфт — ваши подозреваемые. Следующим в

списке иду я.

Рик вздрогнул, уставился на Гарланда и схватил чемоданчик. Мгновение спустя он уже разложил перед собой папиросные листки с досье. Гарланд не проронил ни слова, только нервно прокашлялся.

— Это очень неприятное ощущение, — сказал он наконец, — обнаружить, что за тобой гонится охотник на андроидов. Это было для меня совершенно неожиданно. Если только вы действительно охотник, мистер Декард. — Он нажал кнопку настольного интеркома и сказал: — Пришлите мне сюда одного из наших охотников. Все равно которого. Хорошо, спасибо. — Он повернулся к Рику. — Через минуту здесь будет Фил Реч, а я хочу вначале взглянуть на список подозреваемых, прежде чем мы продолжим нашу беседу.

— Вы думаете, что в этом списке действительно вы? — спросил Рик.

— Возможно. Через минуту мы все узнаем. В таких вопросах лучше быть уверенным заранее. Лучше не полагаться на случай.

Он указал пальцем на копию досье:

— В этом листке я фигурирую как страховой инспектор, а не как полицейский, но все остальное сходится точно — описание внешности, привычки, домашний адрес. Да, это я, ошибки быть не может. Сами убедитесь.

Он подтолкнул страницу в сторону Рика, который схватил ее и пробежал глазами.

Дверь кабинета открылась, и в комнату вошел высокий, очень худой мужчина с резко очерченными чертами лица, в массивных роговых очках с ван-дейковской бородкой. Гарланд поднялся, протягивая руку в сторону Рика.

— Фил Реч. Рик Декард. Знакомьтесь: вы оба — агенты по борьбе с андроидами.

Когда они пожимали руки, Фил Реч спросил:

— К какому городу вы прикреплены?

За Рика ответил Гарланд:

— Сан-Франциско. Вот, взгляни сюда.

Он протянул Речу листок, который только что рассматривал Рик. Тот взглянул на него и сказал:

— Слушай, Гар, а ведь это ты.

— Это еще не все, — сообщил Гарланд. — У него есть досье на Любу Люфт, оперную певицу, и на Полокова. Помнишь Полокова? Он мертв. Его убил этот агент, или андроид, или кто он там есть на самом деле. Сейчас лаборатория делает анализ мозгового среза на предмет установления его природы…

— С Полоковым я сам разговаривал, — сказал Фил Реч. —

Это самый большой Санта Клаус из советской полиции. — Он задумался, теребя свою всклокоченную бородку. — Я думаю, это хорошая идея — проделать анализ костного мозга.

— Почему? — спросил Гарланд. Он был явно раздражен.

— Потому что это может снять с этого человека обвинение в убийстве. Это будет всего лишь отправка на покой андроида. Полоков поразил меня — он был крайне холоден, расчетлив и странен. Он был весьма необычным человеком.

— Таких полицейских, — сказал Гарланд, — сколько угодно.

— Любу Люфт я никогда не видел, — продолжал Реч, — хотя слышал ее записи.

Он повернулся к Рику:

— Вы ее тестировали?

— Я начал тест, — объяснил Рик, — но довести его до конца не смог. Она вызвала патрульного, и на этом все кончилось.

— А Полоков?

— Его мне тоже не удалось испытать.

— Насколько я понимаю, — словно самому себе сказал Реч, — инспектора Гарланда вы тоже не сумели проверить?

— Конечно, нет! — воскликнул Гарланд. Он негодующе сморщился. Слова вылетали из него, как осколки стекла.

— Каким тестом вы пользуетесь? — спросил Фил Реч.

— Шкалой Войт-Кампфа.

— Я такой шкалы не знаю.

Реч и Гарланд явно о чем-то напряженно размышляли, хотя и не в унисон. Это было тоже заметно.

— Я всегда говорил, — сказал Реч, — что андроиду лучше всего пристроиться где-то в большой полицейской организации, вроде ВПО. С первой встречи с Полоковым мне хотелось его проверить, но случай так и не представился. Да, пожалуй, он и не представился бы никогда. Это является одним из преимуществ, которые дает андроиду подобное место работы.

Медленно поднявшись на ноги, инспектор Гарланд посмотрел в лицо Речу.

— И меня вы тоже хотели бы испытать?

Губы Фила сложились в едва заметную улыбку. Он хотел что-то ответить, но лишь пожал плечами и промолчал. Он, казалось, совсем не опасался своего начальника, несмотря на явное негодование последнего.

— Я думаю, вы понимаете, какая сложилась ситуация, — сказал Гарланд. — Этот человек — или андроид — Рик Декард представляет для нас мистическую полицейскую организацию, которая якобы располагается в нашем старом здании на Ломбард-стрит. О нашем управлении он никогда не слышал, а мы, в свою

очередь, никогда не слышали о нем. Но внешне мы занимаем одну позицию. Он пользуется тестом, о котором нам ничего не известно. Список, которым он руководствуется, не список андроидов, а список живых людей. И он уже убил одного из них — по крайней мере, одного. Если бы мисс Люфт не успела позвонить в полицию, он убил бы и ее, а затем занялся бы мной.

— Гм-м, — хмыкнул Реч.

— Гм-м, — передразнил его Гарланд. Он был в ярости. Казалось, еще немного, и его хватит апоплексический удар. — Вы что, ничего больше сказать не можете?

Ожил интерком. Женский голос произнес:

— Инспектор Гарланд, лабораторный анализ трупа Макса Полокова готов.

— Думаю, нам стоит послушать результат, — сказал Реч.

Гарланд бросил на него испепеляющий взгляд и нажал кнопку интеркома.

— Сообщите результаты, мисс Френч.

— Анализ костного мозга показал, — сказал женский голос, — что мистер Полоков был гуманоидным роботом. Если вам нужен подробный…

— Нет, этого достаточно.

Гарланд опустился на стул и начал мрачно рассматривать противоположную стену.

— Что лежит в основе вашего теста? — спросил Фил Реч Декарда.

— Эмпатическая реакция в наборе социальных ситуаций. Большей частью они касаются отношения к животным.

— Наш тест проще, как мне кажется, — сказал Реч. — Реакция по рефлекторной дуге, имеющей место в верхних ганглиях спинного мозга, занимает у андроидов на несколько миллисекунд больше времени, чем у людей.

Протянув руку, он придвинул к себе блокнот Гарланда и набросал схему.

— Мы используем звуковой сигнал или световую вспышку. Испытуемый нажимает кнопку, и мы измеряем время задержки. Это время различно для людей и андроидов. После серии из десяти проб получаются вполне надежные результаты. Потом, как в случае с Полоковым, в качестве подтверждения служит анализ костного мозга.

Последовала тягостная пауза, наконец Рик произнес:

— Можете испытать меня, я готов. Конечно, я хотел бы испытать вас, если хотите.

— Естественно, — сказал Реч.

Сам он, однако, следил за инспектором Гарландом.

— Я уже сто лет говорю, — продолжал он задумчиво, — что тест с рефлекторной дугой Бонелли должен регулярно применяться среди полицейского персонала, и чем выше пост, тем чаще. Разве я не говорил этого, а, инспектор?

— Это ваше право, — сказал Гарланд. — Я возражал на том основании, что это может повредить моральному климату в нашем управлении.

— Теперь, я думаю, вы не станете особенно возражать, принимая во внимание результаты лабораторного анализа тела Полокова, — сказал Рик.

Одиннадцать

— Не стану, — сказал Гарланд, ткнув пальцем в сторону Реча. — Но вас я предупреждаю — результаты теста не будут вам по вкусу.

— А вы что, знаете, какие будут результаты? — спросил Фил Реч.

— Почти на сто процентов, — сказал Гарланд.

— Ладно, — кивнул Реч. — Пойду, принесу приборы. — Он подошел к двери кабинета. — Я буду через три-четыре минуты.

Дверь за ним закрылась.

Сунув руку в ящик стола, инспектор Гарланд извлек из него лазер и медленно направил дуло в сторону Рика.

— Это ничего не изменит, — сказал Рик. — Реч проведет посмертный анализ моего костного мозга, и он по-прежнему будет настаивать на проверке с помощью… — Как это там у вас называется? Дуга Бонелли? — рефлексного теста всех сотрудников вашего отделения, включая и вас.

Лазер остался в той же позиции. Инспектор Гарланд проговорил:

— С самого утра это был плохой день. Особенно когда я увидел, что сержант Грамс привез вас сюда. У меня появилось нехорошее предчувствие, и поэтому я вмешался.

Он медленно опустил лазер.

Затем он положил оружие в стол, запер его, а ключ убрал в карман.

— Что же должен показать этот тест применительно ко всем вам?

— Этот болван Реч… — Гарланд фыркнул. — Он не знает, что происходит в действительности, иначе он не смог бы работать как охотник на андроидов. Едва ли это подходящая для андроида работа. С этим могут справиться только люди. — Он показал на листки машинописных копий. — Все эти ваши остальные подозреваемые…

Он помолчал.

— Я знаю их всех. Мы прилетели с Марса на одном корабле. Но Реча с нами не было, он задержался на неделю, пока ему вставляли синтетическую маску памяти.

Гарланд погрузился в молчание.

— Что же он сделает, когда узнает правду? — спросил его Рик.

— Не имею ни малейшего представления, — рассеянно сказал Гарланд. — С точки зрения абстрактного мышления это

интересный вопрос. Он может убить меня, себя, даже вас. Он может начать убивать всех, кто попадется ему под руку — людей, андроидов… такие случаи бывают, когда андроид с ложной памятью считает себя человеком.

— Значит, ложная память — это рискованное предприятие?

— Это в любом случае риск, когда ты бежишь на свободу и добираешься до Земли, где клоп или червяк желаннее всех нас, вместе взятых.

Гарланд раздраженно вздохнул.

— Ваше положение было бы много легче, если бы Фил Реч мог пройти тест Бонелли, так как в этом случае результаты были бы предсказуемы: для него я стал бы еще одним анди, который пробрался в управление и его нужно отправить на покой. Поэтому вы, Декард, находитесь в столь же неприятном положении, как и я. Знаете, где я ошибся? Я не знал, что Полоков — андроид. Видимо, он прибыл сюда гораздо раньше нас и совершенно с другой группой. Это очевидно. С ними у нас не было контактов. Когда я прилетел на Землю, Полоков уже внедрился в ВПО. Я пошел на риск лабораторного анализа, а этого как раз делать не стоило. Грамс, конечно, тоже зря затеял это.

— Полоков едва не прикончил меня, — признался Рик.

— Да, в нем было что-то такое. Не думаю, что его мозг был той же серии, что и мой. Его мозг явно подвергался дополнительной доработке. Получилось что-то уникальное и очень совершенное.

— Почему я не мог связаться с женой, когда пытался дозвониться до дома? — спросил Рик.

— В этом здании все видеофонные линии замкнуты сами на себя. Любой вызов в пределах этого здания направляется в другую комнату этого же дома. Здесь, Декард, мы находимся внутри гомеостатического механизма. Мы — замкнутая область, отрезанная от остальной части Сан-Франциско. Мы знаем о вас, но вы не подозреваете, что существует еще одно управление. Иногда, конечно, сюда забредет случайный человек, его доставляют — и для самозащиты мы…

Он конвульсивно указал в сторону двери:

— А вот и наш ретивый молодец Фил Реч со своим портативным-муртативным аппаратом для маленького, скоренького теста. Правда, он славный парень? Сейчас он прикончит меня, вас, а может, и себя.

— Вы, андроиды, — сказал Рик, — не очень-то поддерживаете друг друга в стрессовой ситуации.

— Вы правы, — подтвердил сквозь сжатые зубы Гарланд, — Похоже, что нам недостает этого особого таланта, которым

обладаете вы, люди. Кажется, это называется эмпатией?

Дверь кабинета открылась. На пороге застыл силуэт Реча, который нес в руках прибор с волочащимися проводами.

— А вот и мы, — сказал он.

Он закрыл за собой дверь, сел и подключил прибор к розетке.

Вытянув правую руку, Гарланд указал на Реча. Моментально Рик и Реч скатились со своих стульев на пол. Одновременно Реч выхватил свой лазер и в падении выстрелил в Гарланда.

Луч, направленный с точностью, выработанной годами тренировок, прожег голову инспектора Гарланда. Тело его накренилось, излучатель выпал из ладони и покатился по столу. Потом труп покачнулся, подался вперед, а затем грузно упал на пол, как мешок с картошкой.

— Он забыл, что это моя работа. — сказал Реч, поднимаясь с пола. — Я могу почти точно предсказать, что будет делать андроид в той или иной ситуации. Вы, я полагаю, тоже.

Он спрятал лазер, нагнулся и с любопытством осмотрел труп своего бывшего начальника.

— Что он вам говорил, когда меня не было?

— Что он — оно — андроид. И вы… — Рик замолчал. Мысли его лихорадочно прыгали, рассчитывая варианты. Потом он решил немного изменить фразу. — И вы, в конечном счете, обнаружили бы это. Всего через несколько минут.

— И больше ничего?

— Все это здание заполнено андроидами.

Реч задумчиво сказал:

— Тогда нам будет трудновато выбраться отсюда. Практически я имею право покидать здание, когда захочу, и могу сопровождать арестованного.

Он прислушался, но в коридоре было тихо.

— Я думаю, они ничего не знают. Видимо, здесь нет «жучков», хотя это и странно. — Он с воодушевлением ткнул носком ботинка труп Гарланда. — Нет, это действительно замечательно — какая ментальная особенность вырабатывается в этом деле! Еще не открыв двери, я знал, что он собирается в меня выстрелить. Честно говоря, я был удивлен, как это он не пристрелил вас, пока я был наверху.

— Он собирался, — сказал Рик. — В столе у него лежит служебный лазер. Он взвешивал, стоит ли убивать меня, но его волновал не я, а вы.

— Куда бежит андроид, — безо всякой улыбки сказал Реч, — туда идет и охотник. Вы понимаете, что вам придется лететь в Оперу во второй раз, чтобы заняться Любой Люфт? Ее, вернее его, андроида то есть, могут предупредить. Вы как о них думаете —

через «оно» или «он — она»?

— Иногда через «оно», — признался Рик. — Мне приходится так поступать, когда тревожит память, и я защищаю ее тем, что думаю о них в среднем роде, как о неодушевленных предметах. Ладно, я полечу в Оперу, если вы поможете мне выбраться отсюда живым.

— Так. Гарланда, я думаю, мы снова посадим на стул, — предложил Реч.

Он подтащил тело андроида обратно к. столу, посадил и придал рукам и ногам естественное положение. Если не очень присматриваться, то поза Гарланда казалась вполне обычной, пока кто-нибудь не войдет в кабинет.

Нажав кнопку на интеркоме, Фил Реч сказал:

— Инспектор Гарланд просит не пропускать к нему звонки в течение ближайшего получаса. Он занят важной работой и не хотел бы, чтобы ему мешали.

— Да, мистер Реч.

Отпустив кнопку, Фил Реч сказал Рику:

— Пока мы будем находиться внутри здания, вы будете прикованы ко мне наручниками. Как только мы поднимемся в воздух, я вас освобожу.

Он извлек пару наручников, один из которых защелкнул на руке Рика, а второй — у себя на запястье.

— Пошли, пора кончать с этим.

Он расправил плечи, сделал глубокий вдох и распахнул двери кабинета.

Со всех сторон их окружали полицейские в форме, которые продолжали заниматься своими делами, не обращая никакого внимания на Фила Реча, который вел Рика через холл к лифту.

Открылись двери лифта, из них высыпала группа мужчин и женщин, спешащих по своим делам. У них были маловыразительные лица полицейских служащих. Каждый стучал подошвами по паркету, торопясь по своим делам.

Когда двери лифта закрылись, Реч сказал:

— Я опасаюсь, что у Гарланда имелся горловой аварийный детектор на случай гибели. — Он пожал плечами. — Ему бы уже давно пора сработать.

Он нажал кнопку самого верхнего этажа, и лифт начал подниматься.

— Как вы думаете, ваше управление возьмет меня на работу? — спросил Реч Декарда. — Ведь теперь я в лучшем случае безработный.

— Я думаю, причин для беспокойства нет, — осторожно сказал Рик. — Правда, у нас уже есть два охотника.

«Я должен сказать ему правду, — мучительно думал он. — Это жестоко и неэтично. Он андроид. Он вытащил меня отсюда, и вот благодарность. Он оказывается самой сердцевиной, сущностью того, что мы оба ненавидим и призваны уничтожать».

— Просто уму непостижимо, — продолжал Реч, — просто невозможно. Три года я работал под началом у андроида. Почему я ничего не замечал — то есть в такой мере, чтобы что-то предпринять?

— Возможно, это случилось недавно, и они только в последнее время стали подпадать под контроль андроидов.

— Они контролировали управление с самого начала. С самого начала моим начальником был Гарланд.

— В соответствии с тем, что оно мне рассказало, — сообщил Рик, — на Землю прибыла целая команда. Это было не три года назад, а всего несколько месяцев.

— Значит, когда-то существовал и настоящий Гарланд, — сказал Фил Реч, — и в какой-то момент его подменили. — Его лицо исказилось. Он пытался разобраться. — Или это в меня встроена система ложной памяти и мне кажется, что я работал с Гарландом уже три года. Но…

Лицо его исказилось еще больше, раздираемое внутренним волнением.

— Но только андроиды способны носить в себе ложную память. По отношению к людям эта система неэффективна.

Лифт остановился, двери открылись, и перед ними оказалась пустая крыша со стоянками аэрокаров. Это была посадочная площадка полицейского управления.

— Вот моя машина, — сказал Реч.

Он открыл дверцу стоящего неподалеку аэрокара и быстрым взмахом руки поторопил Рика войти в кабину.

Сам он сел за управление и запустил двигатель. Секунду спустя они поднялись в небо и, повернув на север, направились к старому зданию Оперы.

Фил Реч вел кар почти машинально. Его одолевали мрачные мысли.

— Послушайте, Декард, — сказал он. — После того, как мы устраним Любу Люфт, я хочу, чтобы вы… — Его хриплый голос прервался. — Вы понимаете. Чтобы вы провели меня через тест Бонелли или через ваш тест по шкале эмпатии. Я хочу знать, кто я.

— Об этом можно позаботиться и позднее, — уклончиво ответил Рик.

— Вы не хотите этого? — Он бросил взгляд на Декарда. — Я подозреваю, что вы знаете результаты. Видимо, Гарланд сказал

вам что-то, что вы не хотите мне раскрывать.

— Любу Люфт будет тяжело убрать даже вдвоем. С такими, как она, мне одному не справиться. Давайте пока не будем отклоняться от цели.

— Дело ведь не только в системе ложной памяти, — продолжал Реч. — У меня ведь есть животное, и не электрическое, а настоящее — белочка. Я очень люблю ее, Декард. Каждое утро я кормлю ее и меняю подстилку — такую бумагу, знаете, которую кладут на пол клетки. А вечером, когда я возвращаюсь с работы, я выпускаю ее на волю, и она прыгает по всей квартире. В клетке у нее есть колесо. Вы когда-нибудь видели, как белка крутится в колесе? Она бежит и бежит, колесо крутится, а она остается на месте. Баффи это, кажется, нравится.

— Я думаю, — сказал Рик, — белки не очень умные животные.

Дальше они летели в молчании.

Двенадцать

В Опере Декард и Реч узнали, что репетиция закончилась и мисс Люфт уехала.

— Она не сказала, куда собирается? — спросил Фил Реч у рабочего сцены.

Он показал свое удостоверение работника полиции.

— Вроде в музей. — Рабочий рассматривал удостоверение. — Она сказала, что хочет успеть на выставку Эдварда Мунка. Завтра она закрывается.

«А Люба Люфт „закроется“ сегодня!» — подумал Рик.

Пока они шли к зданию музея, Реч сказал:

— Как вы считаете, есть у нас шанс, что она еще в музее?

— Не знаю, — ответил Рик.

Они вошли в здание музея, выяснили, на каком этаже находится выставка, и стали подниматься. Вскоре они уже бродили среди картин и деревянных статуй. На выставке были люди, включая целый класс школьников.

Пронзительный голос учительницы разносился по всем залам выставки. Рик подумал: «Вот так должен звучать голос анди, и выглядеть он должен как эта учительница, вместо того чтобы звучать и выглядеть как, например, Люба Люфт, или Рейчел Розен, или как человек, вернее, устройство, стоящее рядом».

— Вы слышали когда-нибудь, чтобы у андроида было домашнее животное? — спросил Рика Фил Реч.

По какой-то необъяснимой причине Рик испытывал желание быть честным до жестокости и сказал:

— Мне известны два случая, когда анди владели животными, но это случается крайне редко. Могу сказать, что анди, как правило, не содержат животных. Животные требуют тепла, кроме насекомых и рептилий, конечно.

— А белка? Ей ведь тоже нужна атмосфера тепла. Баффи живется прекрасно. Я расчесываю ее каждый день.

Фил Реч остановился рядом с картиной, выполненной масляными красками, внимательно рассматривая ее.

На картине было изображено безволосое страдающее существо с головой, похожей на перевернутую грушу, с прижатыми от ужаса к ушам ладонями, с открытым в беззвучном крике ртом. Искаженные, судорожные волны мук этого существа, словно эхо крика, расходились в воздухе вокруг его головы. Мужчина этот — или женщина — казался заключенным в свой собственный вопль и зажал уши, чтобы не слышать его. Существо стояло на мосту, где больше никого не было.

Оно вопило в полной изоляции от остальных людей, оторванное от них, несмотря на крик.

— Потом он сделал еще статую, — сказал Рик. Он прочитал табличку, прикрепленную к стене ниже картины.

— Вероятно, — медленно произнес Реч, — вот так должен чувствовать себя андроид. — Он изобразил в воздухе вибрации видимого на картине крика существа. — Но я не чувствую себя подобным образом, значит, я, скорее всего, не…

Он замолчал, потому что как раз в этот момент в зал вошли несколько человек, которые подошли к картине.

— Это Люба Люфт, — сказал Рик, показав в ее сторону, и Фил Реч на время забыл о своих мучительных размышлениях.

Размеренным шагом они направились к андроиду, стараясь не выдавать спешки. Самое главное — не нарушать атмосферу будничности. Другие люди, не подозревающие о присутствии андроида, не должны подвергаться опасности, даже если ценой тому будет потеря жертвы.

Держа в руках каталог выставки, Люба Люфт стояла перед картиной, полностью поглощенная ею. На ней были блестящие брюки, суживающиеся у щиколоток, и золотистый зеркальный жилет.

На картине была изображена юная девушка, сидящая на краю кровати. Руки ее были сцеплены, а на лице застыли удивление и робость.

— Хотите, я куплю ее для вас? — спросил Рик, обращаясь к Любе Люфт.

Он остановился рядом, легко сжав ее предплечье, давая понять, что она в пределах его досягаемости. С другой стороны Фил Реч положил ей руку на плечо, и Рик заметил, как под его пиджаком проступает кобура лазерного пистолета.

Реч не собирался рисковать еще раз. С него было достаточно инспектора Гарланда.

— Она не продается.

Люба бросила на Рика беглый взгляд, но потом, когда она узнала его, ее глаза поблекли, краска схлынула с лица, превратив его в одно мгновение в лицо трупа, словно тело ее уже начало разлагаться, словно вся ее жизнь отхлынула в какой-то глубоко спрятанный внутри сосуд, превратив тело в автоматически двигающийся прах.

— Я думала, вы арестованы. Почему они вас выпустили?

— Мисс Люфт, — сказал он, — познакомьтесь, это мистер Реч. Фил, это весьма известная оперная певица Люба Люфт.

Он снова повернулся к ней.

— Тот патрульный, который арестовал меня, был андроидом,

так же как и его начальник. Вы знаете, вернее знали, инспектора Гарланда? Он сообщил мне, что вы прибыли с Марса в одном корабле с ним. Это полицейское управление, в которое вы звонили, представляет собой организованное агентство андроидов, через которое ваша группа была связана между собой. Они были настолько уверены в себе, что нанимали людей для охоты на андроидов…

— Вы… — процедила Люба Люфт. — Вы не человек. Вы больше не человек. Вы тоже андроид.

После некоторой паузы Фил Реч сказал:

— С этим, я думаю, мы разберемся чуть позже. — Он повернулся к Рику: — Отведем ее в мой кар.

Шагая по обе стороны девушки, они повели ее к лифту. Люба двигалась без желания, но сопротивления не оказывала. Она словно отключилась от внешнего мира. Рику уже приходилось сталкиваться с подобным поведением андроидов. В критических ситуациях искусственная жизненная сила, приводящая их в движение, как бы ломалась, если нагрузка была слишком велика. Это было не со всеми, но с большинством андроидов.

Но сила эта могла в любой момент обернуться неожиданной вспышкой ярости.

Но, как знал Рик, андроиды имели внутреннее стремление не выдавать себя, поэтому в музее, в окружении посетителей, Люба ничего не стала бы предпринимать. Настоящее столкновение, видимо, произойдет в каре, где их никто не видит. Оказавшись в кабине машины, она может с гневом отбросить маску отстраненности. Рик напрягся, подготавливая себя. О Рече он не думал. Как сказал сам Реч, проблема будет рассмотрена позже.

В конце коридора, рядом с лифтами, было устроено нечто вроде небольшого киоска. Там продавались репродукции и книги по искусству. Люба остановилась у прилавка.

— Послушайте… — Она повернулась к Рику. Краска частично вернулась к ее лицу, и она снова — пусть ненадолго — казалась живой. — Купите мне репродукцию картины, которую я смотрела, когда вы меня нашли. Там, где девушка сидит на кровати.

Помолчав, Рик спросил продавца:

— У вас есть репродукция «Зрелости» Мунка?

— Только в этом сборнике, — сказал продавец.

Он показал на красивый альбом в блестящем пластиковом пакете.

— Двадцать пять долларов.

— Я беру.

Рик полез за бумажником.

— Мой департаментский бюджет даже за миллион лет не

растянуть на… — начал Фил Реч.

— Это мои деньги, — отрезал Рик.

Он передал продавцу банкноты, а книгу — вручил Любе.

— Теперь вниз, — сказал он ей и Филу.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала Люба.

Они вошли в кабину лифта.

— В вас, людях, есть что-то странное и трогательное. Андроид никогда бы так не поступил. — Она бросила на Реча ледяной взгляд. — Ему бы это и в голову не пришло. Как он сказал, и за миллион лет.

Она не спускала взгляда с Реча. Теперь взгляд был полон отвращения и ненависти.

— Нет, я в самом деле не люблю андроидов. С тех пор, как я прилетела с Марса, я только и занималась тем, что имитировала человека, говорила и поступала так, как человек. Я имитировала высшую по отношению к нам форму жизни. Я так считаю.

Затем она обратилась к нему:

— Разве с тобой не было такого, Фил Реч? Подражание…

— Я больше не могу, — сказал Реч и сунул руку под пиджак.

— Нет, — сказал Рик, хватая Фила за руку. Тот подался назад, пытаясь освободиться.

— Сначала тест, — сказал Рик.

— Оно же призналось, что оно андроид, — сказал Реч. — Мы можем сделать это и сейчас.

— Не стоит делать этого только потому, что оно тебя уязвило, — сказал Рик. — Дай сюда…

Он попытался выхватить трубку лазера из пальцев Фила, но это ему не удалось. Реч сделал шаг назад, не спуская глаз с Любы Люфт.

— Ладно, — сказал Декард. — Устраняй. Убей сразу, сейчас. Докажи, что это твое право.

Но увидев, что Реч собрался так и сделать, он сказал:

— Постой…

Реч выстрелил. В то же мгновение Люба Люфт в спазме животного ужаса дернулась в сторону, пригибаясь. Луч прошел мимо, но потом Реч опустил ствол, и луч прожег узкую дыру в животе Любы. Она закричала. Она лежала, скорчившись, прижавшись спиной к стене кабины, и кричала.

«Как на той картине», — подумал Декард. Он вытащил свой лазер и добил ее.

Тело перевернулось лицом вниз и замерло.

Рик тщательно сжег лучом альбом репродукций Мунка, который купил несколько минут назад. Он сжигал старательно и молча, пока альбом не превратился в пепел. Фил Реч пораженно

смотрел на него.

— Вы ведь могли оставить его себе, — сказал Реч. — Он ведь стоил…

— Как вы думаете, у андроидов есть душа? — перебил его Рик.

Наклонив голову, Реч недоуменно посмотрел на него.

— Я могу позволить себе потратиться на эту книгу, — сказал Рик. — Я уже заработал сегодня три тысячи долларов, а еще не закончил и половины дела.

— Вы имеете в виду Гарланда? — спросил Реч. — Но его убил я, а не вы. Вы просто лежали на полу. И Любу Люфт тоже убил я.

— Но вы не можете получить этих денег, — сказал Рик. — Ни в своем управлении, ни в нашем. Когда мы доберемся до вашей машины, я проведу тест, тогда и посмотрим. Хотя в моем списке вас нет.

Трясущимися руками он открыл чемоданчик, ища бумаги.

— Нет, вас здесь действительно нет. Следовательно, по закону я не могу подозревать вас.

— Вы уверены, что я — андроид? Это вам сказал Гарланд? Верно?

— Да, это сказал Гарланд.

— Возможно, он просто соврал, — сказал Реч, — чтобы посеять между нами недоверие, как сейчас. Мы просто болваны, если позволим ему разделить нас. Вы были совершенно правы относительно Любы Люфт. Мне следовало держать себя в руках. Но ведь мы все равно должны были устранить ее, так что полчаса роли не играют. Она не успела бы даже посмотреть купленный вами для нее альбом. И я по-прежнему считаю, что вы зря его сожгли. Это глупо и нерационально. Я не могу понять ваших мотивов.

— Я бросаю это дело, — сказал Рик.

— И чем же вы станете заниматься?

— Чем угодно. Страхованием, чем предположительно занимался Гарланд, может, эмигрирую. Да.

Он кивнул.

— Улечу на Марс.

— Но кто-то же должен этим заниматься, — заметил Фил.

— Пусть используют андроидов. Так будет лучше. Я больше не могу. С меня хватит. Она была замечательной певицей, и она была нужна планете. Все это просто безумие.

— Это необходимость. Не забывайте — чтобы бежать на свободу, каждый из них убил человека! И, если бы я не вывел вас из здания на Медиссон-стрит, они убили бы вас. Этого и хотел от меня Гарланд, за этим он и вызвал меня в кабинет. А Полоков?

Разве он едва не покончил с вами? А Люба Люфт? Мы просто защищаемся. Они явились на нашу планету, эти чужаки, маскирующиеся под…

— Полицейских, — сказал Рик. — Под агентов по борьбе с андроидами.

— Ладно, валяйте, проверяйте меня. Гарланд мог и соврать. Я уверен, что он так и сделал. Таких хороших систем ложной памяти не бывает. Ну, а как насчет моей белки?

— Да, ваша белка, я и забыл…

— Если я андроид, — сказал Реч, — и вы убьете меня, то можете взять се себе. Я напишу завещание, в котором передам ее вам.

— Андроиды не имеют права писать завещание. У них нет собственности, которую они могли бы завещать.

— Тогда просто заберите ее, — сказал Реч.

— Возможно, так и будет, — сказал Декард. Лифт достиг первого этажа, двери открылись. — Оставайтесь с ней. Я вызову патрульную машину, чтобы доставить тело в Дом правосудия для экспертизы костного мозга.

Он увидел телефонную кабину, вошел, бросил монету и дрожащими пальцами набрал номер. Тем временем группа людей, ожидавших лифта, окружила Фила Реча и тело Любы.

«Она действительно была выдающейся певицей, — сказал себе Рик, закончив разговор и вешая трубку. — Я не понимаю, как такой талант мог быть помехой для общества! Но дело не в таланте, дело в ней самой. Фил Реч тоже представляет угрозу сам по себе точно в такой же мере, и, значит, я не могу уйти прямо сейчас».

Он вышел из кабинки, пробрался через толпу к лифту. Кто-то уже накрыл тело пиджаком, но это не был Фил Реч.

Подойдя к Речу — тот жадно курил маленькую серую сигару, — Рик сказал:

— Я молю бога, чтобы вы оказались андроидом.

— Вы действительно ненавидите меня, — удивленно сказал Реч. — Но там, на Медиссон-стрит, когда я спас вам жизнь, вы относились ко мне совсем по-другому.

— Просто теперь я понял систему! То, что вы убили Гарланда, а потом Любу… Вы даже убиваете не так, как я, вы даже не пытаетесь… Проклятье! — воскликнул Рик. — Я понял, в чем дело. Вам просто нравится убивать, и вам нужен только повод. Если бы у вас был повод, вы бы и меня убили. Вот почему вы ухватились за вероятность, что Гарланд был андроидом. Это давало вам повод убить его. Интересно, что вы будете делать,

если не пройдете тестов? Застрелитесь? Иногда андроиды делают это, хотя и нечасто.

— Не волнуйтесь, я сам о себе позабочусь, — сказал Фил Реч. — Вам ничего не придется делать, кроме теста.

Прибыл полицейский аэрокар, из кабины выпрыгнули двое полицейских и немедленно проложили себе путь через скопление людей. Один из них узнал Декарда и кивнул ему. «Значит, теперь мы можем уйти. Наше дело сделано», — вдруг понял Рик.

Когда они шли к зданию Оперы, на крыше которого стоял кар Реча, тот сказал:

— Я отдам вам свой лазер, чтобы вас не беспокоила моя реакция и степень вашей личной безопасности.

Он протянул Рику свое оружие, и Рик взвесил его на ладони.

— А как же вы покончите с собой без лазера? — поинтересовался Рик. — Если не пройдете тест?

— Я задержу дыхание.

— Боже праведный! Это невозможно.

— В нервной системе андроидов есть автоматическое устройство для остановки дыхания, — сказал Реч, — в отличие от людей. Разве вас этому не учили? Меня научили этому много лет назад.

— Но умереть таким образом… — запротестовал Рик.

— Это не больно. А что тут такого?

— Это… — Рик пошевелил пальцами, силясь найти нужные слова.

— Я не думаю, что придется это делать, — сказал Реч.

Они поднялись на крышу и сели в машину. Закрывая дверцу, Реч сказал:

— Я хотел бы, чтобы вы провели тест именно по Бонелли.

— Я не могу — я не знаю, как считывать показания.

«Ведь мне пришлось бы полагаться на его интерпретацию показаний приборов, — вдруг подумал Рик, — а это отпадает».

— Но вы скажете мне правду, хорошо? — спросил Реч. — Если я андроид, вы ведь скажете мне это, да?

— Конечно.

— Я должен твердо знать это. Я хочу знать это.

Фил Реч снова зажег свою сигару, устраиваясь поудобнее. Это ему явно не удавалось.

— Вам понравилась та картина, которую смотрела Люба Люфт? — спросил он Рика. — Мне не очень. Я не люблю реализма, я предпочитаю Пикассо.

— «Зрелость» датируется 1892 годом, — коротко ответил Рик. — Тогда ничего, кроме реализма, не существовало.

— Но та, вторая, где человек зажимает уши и кричит, не

слишком типична для реализма.

Открыв чемоданчик, Рик вынул приборы для теста.

— Тонкая работа, — заметил Реч. Он наблюдал за сборкой аппарата. — Сколько вопросов нужно задать, чтобы знать точный ответ?

— Шесть-семь.

Он протянул Речу диск-сетку датчиков с липкой поверхностью.

— Приложите к щеке. Теперь свет… — Он нацелил луч. — Он сфокусирован на вашем зрачке. Не шевелитесь, старайтесь, чтобы глаз был как можно более неподвижен.

— Флуктуация рефлекса, — определил Реч. — Но стимул не имеет физической природы. Это всего лишь вопрос. То, что мы называем реакцией на вздрагивание.

— Думаете, вы сможете ею управлять?

— Нет, только не начальной амплитудой. Это не поддается контролю. Если бы не… — Он замолчал. — Начинайте, пожалуйста. Я волнуюсь и поэтому слишком много болтаю.

— Можете говорить сколько угодно.

«Говори, говори всю дорогу к могиле, — подумал Рик. — Если тебе это нравится». Рику было все равно.

— Если тест покажет, что я андроид, — пробормотал Реч, — то ваша вера в человека будет возрождена, но, поскольку такого результата не предполагается, советую вам начать формулировать идеологический принцип, внутри которого я буду…

— Первый вопрос, — сказал Декард.

Все было готово, и стрелки на шкалах подрагивали.

— Главное — время реакции, поэтому постарайтесь отвечать как можно быстрее.

По памяти он прочитал первый вопрос, и тест начался.

Когда тест был закончен, Рик некоторое время сидел в молчании, а потом начал собирать приборы, укладывая их в чемодан.

— Ответ я уже знаю по вашему выражению лица, — сказал Реч. Он вздохнул с облегчением. — Ладно, можете отдать мне мой лазер.

Он стоял, протянув руку.

— По-видимому, вы правы насчет мотивов Гарланда, — признал Рик. — Он хотел посеять между нами вражду и поэтому солгал.

Он чувствовал себя физически и морально усталым.

— Вы уже сформулировали какие-то соответствующие принципы, — поинтересовался Реч, — которые объясняли бы мое

существование как части человеческого рода?

— В вашей эмпатической способности, — сказал Рик, — должен быть какой-то дефект. Дефект, который не регистрируется нашим тестом, — ваши чувства по отношению к андроидам.

— Естественно, этот параметр не испытывается.

— Я думаю, его следовало бы ввести.

Раньше это не приходило Рику в голову. Он не ощущал никакого сочувствия к уничтожаемым андроидам. Он всегда был убежден, что андроиды — это всего лишь умные машины, но в сравнении с Филом Речем чувствовалась заметная разница. Инстинктивно Декард ощущал его правоту. «Сопереживание относительно искусственной структуры, которая только делает вид, что живет? — спросил он себя. — Но Люба Люфт казалась живой. Симуляцией здесь и не пахло».

— Но вы сознаете, — тихо сказал Фил, — что произойдет, когда вы включите андроидов в ваш спектр эмпатической способности наравне с животными?

— Мы не сможем защищаться.

— Совершенно верно. Этот новый тип, «Узел-6», — они затопят и раздавят нас. Между ними и человечеством стоим мы: вы и я — агенты по борьбе с андроидами. Мы — барьер, который сохраняет разницу видимой и четкой. Тем более… — Он замолчал, заметив, что Рик снова начал расставлять приборы. — Я думал, тест уже кончился.

— Я хочу задать вопрос самому себе, — сказал Рик, — и я хочу, чтобы вы сказали мне показания стрелок. Я сам вычислю результаты, только скажите мне показания.

Он приклеил к щеке диск и настроил излучатель света.

— Вы готовы? Следите за циферблатами. Временной интервал значения не имеет, только величина отклонения стрелки.

— Конечно, Рик, — с готовностью сказал Реч.

Рик громко сказал:

— Я спускаюсь в лифте вместе с пойманным андроидом, и кто-то посторонний убивает его без предупреждения.

— Никакой особой реакции, — сообщил Реч.

— Что показали стрелки?

— Левая — 2,8, правая — 3,3.

— Андроид — женщина, — сказал Рик.

— Теперь 4,0 и 6,0 соответственно.

— Довольно много, — сказал Рик, снимая со щеки диск и отклеивая его. Он выключил световой карандаш. — Это — эмпатическая реакция. Такие результаты во многих случаях показывает испытуемый человек, кроме самых экстремальных,

тех, которые касаются использования человеческой кожи для обивки и так далее, чисто патологических вопросов.

— И что из этого следует?

— Что я способен сопереживать, по крайней мере, с некоторыми андроидами. Не со всеми, но с одним-двумя могу.

«Например, с Любой Люфт, — сказал он себе. — Значит, я ошибался. В реакции Фила Реча нет ничего нечеловеческого. Нестандартна моя реакция.

Интересно, кто-нибудь из людей ощущал что-то подобное по отношению к андроидам? Конечно, на моей работе это может и не сказаться, это может быть просто аномалией, чем-то минутным, связанным с моими чувствами относительно «Волшебной флейты» и голоса Любы, вообще оперы. Конечно, раньше я ничего подобного не испытывал ни по отношению к Полокову, ни к Гарланду. Если бы Фил Реч оказался андроидом, я убил бы его без особых затруднений, особенно после смерти Любы. Вот и все, что касается различия между истинными людьми и человекоподобными, движущимися конструкциями. В лифте и музее я спускался вместе с двумя существами — человеком и андроидом, и чувства мои были определенно противоположны естественно ожидаемым, тем, к которым я привык, которые я должен был бы испытывать».

— Ты в беде, Декард, — тихо сказал Реч.

Казалось, это его забавляло.

— Что я должен сделать? — спросил Рик.

— Секс, — сказал Реч. — В этом все дело.

— Секс?

— Да, половая любовь. Она, или оно, была привлекательна для тебя. С тобой этого никогда не было? — Фил рассмеялся. — Нас учили, что это проблема номер один при борьбе с анди. Разве ты не знаешь, Декард, что колонисты имеют даже любовниц-андроидов?

— Это незаконно, — сказал Рик.

— Конечно, это запрещено законом. Но закон запрещает и большинство извращений, но тем не менее люди ими занимаются.

— Но если это не секс, а любовь?

— Любовь — второе название секса.

— Любовь к Родине? К музыке?

— Если это любовь к женщине, это неотделимо от секса, так что это то же самое. К женщине или ее имитации. Проснись и посмотри в лицо действительности, Декард. Ты хотел лечь в постель с женщиной-андроидом — ни больше ни меньше. Когда-то я тоже испытал подобное, когда только начал заниматься

охотой. Не позволяй себе расслабляться, и это пройдет. Все дело в том, что была нарушена обычная последовательность событий. Ты убил ее — и почувствовал влечение. Надо делать наоборот.

Рик пристально посмотрел на него.

— Сначала лечь в постель, а потом…

— А потом убить ее, — отрезал Реч. На губах у него играла жуткая улыбка.

«Ты хороший охотник, Реч, — подумал Рик, — и твое отношение к ним показывает это. Ну, а я?»

Внезапно, первый раз в жизни, он почувствовал сомнение.

Тринадцать

Словно по дуге из чистейшего огня Исидор мчался в небесах после трудового дня. «Не ушла ли она из квартиры? — думал он. — Все ли по-прежнему она в этой старой, замусоренной квартире и смотрит Бастера Джруби и вздрагивает от страха каждый раз, когда ей мерещится, что кто-то ходит по коридору?»

Он уже успел остановиться по дороге у бакалейного магазина, где был «черный рынок». На сиденье у него лежали такие деликатесы, как банка соевого творога, спелые персики, мягкий сыр, зрелый и отвратительно пахнущий. Все это двигалось, когда он разгонялся или тормозил.

Сегодня он чувствовал волнение и поэтому вел машину рывками. Весь его кар сотрясался и фыркал. «Проклятье!» — думал он.

По кабине распространялся запах персиков и сыра и приятно щекотал ноздри. Все эти редкости, на которые он угрохал двухнедельную зарплату, взятую авансом у мистера Слоута, дополнялись спрятанной под сиденьем бутылкой «Шабли». Это была величайшая редкость. Он держал ее в сейфе в «Бэнк оф Америка», не желая продавать, сколько ему ни предлагали, на случай, если в его жизни в последний момент появится девушка. Это сейчас и произошло.

Замусоренная, безжизненная крыша дома, как всегда, угнетающе подействовала на него. По пути от кара до лифта он полностью подавил свое периферийное зрение, сосредоточив внимание на драгоценном пакете и бутылке, которые нес в руках, и на том, чтобы не споткнуться и не упасть в яму экономического разорения.

Когда приехал скрипучий лифт, он опустился не на свой этаж, а на уровень ниже, где теперь жила Прис Страттон. Вскоре он стоял перед ее дверью, барабаня в створку краем бутылки, чувствуя, как колотится сердце.

— Кто там? — Голос девушки был приглушен дверью, но все равно звучал четко, остро и испуганно.

— Говорит Джон Р. Исидор, — быстро сказал он. Он применил новое ощущение авторитетности, полученное при помощи видеофона мистера Слоута. — Здесь у меня кое-что весьма вкусное, и я думаю, что можно было бы соорудить отличный обед.

Дверь приоткрылась. Из прихожей на него смотрела Прис.

— Ваш голос изменился, — сказала она. — Он повзрослел.

— Да, сегодня во время работы мне удалось уладить

несколько дел. Вполне обычных. Если бы вы меня впустили…

— Вы бы рассказали мне о ваших делах.

Тем не менее она открыла дверь, чтобы он мог войти. Потом, рассмотрев его ношу, она не смогла сдержать восклицания, но почти в тот же миг радость ее погасла, и на лицо наползла черная горечь. Лицо ее затвердело, словно сохнущий цемент.

— Что случилось? — спросил он.

Он отнес пакет и бутылку на кухню и поспешил обратно.

— Вы напрасно потратились, — бесцветно сказала Прис.

— Почему? — О…

Она пожала плечами и медленно пошла прочь, сунув руки в карманы своей плотной, несколько старомодной юбки.

— Когда-нибудь я скажу вам. — Она подняла глаза. — Но все это очень мило с вашей стороны. Теперь я хотела бы, чтобы вы ушли. У меня такое настроение, что мне никого не хочется видеть.

Она пошла к двери в холл, приоткрыла ее, еще глубже погружаясь в пучину безысходности, пустоты и одиночества.

— Я знаю в чем дело.

— Да?

— У вас нет друзей. Сейчас вам гораздо хуже, чем утром, когда я видел вас первый раз. Это потому, что…

— У меня есть друзья. — В ее голосе появилась внезапная твердость, она ощутимо вернула себе былую живость. — Или были. Семеро. Сначала их было семеро, но у охотников было время для работы, поэтому, быть может, все они уже умерли.

Она побрела к окну и выглянула в темноту, где светилось несколько огоньков.

— Возможно, из нас восьми осталась я одна. Возможно, вы и правы.

— О каких охотниках вы говорите?

— Все правильно, вы не должны знать, кто они. Охотник — это профессиональный убийца, которому выдают список тех, кого он должен убить. За каждое убийство ему платят тысячу долларов. Обычно он заключает с городом контракт, поэтому получает еще и жалованье, но оно маленькое, так что ему приходится проявлять активность.

— Вы уверены? — спросил Исидор.

— Да. — Она кивнула. — Вы спрашиваете, уверена ли я, что он проявляет активность? Да, он активен, и он обожает это занятие.

— Я думаю, — сказал Исидор, — что вы ошибаетесь.

Он ни разу не слышал ни о чем подобном. Бастер Джруби, например, никогда не упоминал об этом.

— Это не соответствует сострадающей этике сегодняшнего дня, — сказала она. — Вся жизнь едина. «Человек — это не остров», как говорил в старину Шекспир.

Джон Исидор возбужденно махнул рукой.

— Я ничего подобного в жизни не слышал. Разве вы не можете вызвать полицию?

— Нет.

— И они охотятся за *вами*? Они придут сюда, чтобы убить *вас*? — Теперь он понимал, почему она так напугана. — Не мудрено, что вам никого не хочется видеть.

«Все это — заблуждение, — подумал он. — У нее, вероятно, психоз, мания преследования, возможно, из-за воздействия на мозг пыли. Тогда она тоже специал».

— Я покончу с ними раньше, чем они успеют причинить вам вред, — пообещал он.

— Каким образом?

Она слабо улыбнулась, показав свои маленькие белые ровные зубы.

— Я куплю лицензию на лазерный пистолет. Здесь в заброшенных районах ее получить легко. Полиция этот район не патрулирует, мы должны сами заботиться о своей безопасности.

— А когда вы будете на работе?

— Я возьму отпуск за свой счет.

— Это очень мило с вашей стороны, Джон Р. Исидор, — сказала Прис, — но только, если охотники покончили с остальными: с Максом Полоковым, Гарландом, Любой Люфт, Гаскинсом и Роем Бейти…

Она вдруг замолчала.

— Рой и Имград Бейти. Если они мертвы, тогда все это уже не имеет значения. Они мои лучшие друзья. Черт побери, почему от них нет никаких известий?

Она сердито чертыхнулась.

Вернувшись на кухню, он снял с полок покрытые пылью, давно не использовавшиеся стаканы, тарелки и чашки.

Он начал мыть их в раковине, подождав, пока ржавая горячая вода не сменится чистой. Вскоре появилась Прис и села у стола. Он откупорил бутылку «Шабли» и разделил поровну персики, сыр и соевый творог.

— Что это за белая масса? Это не сыр. — Она показала на творог.

— Это приготавливают из соевых бобов. Если бы у меня было немного…

Он запнулся и покраснел. Обычно его ели с говяжьим бульоном.

— Андроид, — пробормотала Прис. — Такие оплошности допускает обычно андроид. Это его и выдает.

Она подошла к Исидору, потом, к большому его удивлению, на секунду обняла его за талию и прижалась.

— Я попробую ломтик персика, — сказала она.

Она весело схватила длинный, сочный, оранжевый ломтик длинными пальцами. Потом, когда она ела этот ломтик, она заплакала. Холодные слезы покатились по ее щекам и закапали на грудь, на платье. Он не знал, что делать, и продолжал делить еду.

— Проклятье, — сказала она. — Ладно…

Она отодвинулась от него и начала медленно, короткими шажками ходить по комнате.

— Понимаете, мы жили на Марсе. Вот почему я знаю об андроидах.

Голос дрогнул, но ей удалось сдержаться, потом она продолжила — ей явно было необходимо поговорить с кем-то.

— И на Земле вы знаете только своих друзей, бывших эмигрантов, — догадался Исидор.

— Мы были знакомы еще до отлета. Мы жили в поселке неподалеку от Нью-Йорка. Рой и Имград Бейти держали аптеку. Он был фармацевтом, а она занималась рекламой косметических средств, кремами и лосьонами. На Марсе люди пользуются большим количеством этих средств. Я…

Она колебалась.

— У Роя я доставала разные лекарства, они были необходимы мне, потому что, во-первых, это жуткое место. Все это чепуха.

Она обвела рукой вокруг, указывая на заброшенную квартиру.

— Вы думаете, я страдаю от одиночества? Марс — вот одиночество, гораздо хуже, чем здесь.

— А разве с вами не было андроидов? Я слышал коммерческую рекламу…

Он сел за стол и начал есть.

Она тоже взяла стакан и равнодушно отпила глоток.

— Я понял, что андроиды должны были помогать вам там.

— Андроидам, — сказала она, — тоже одиноко.

— Вам нравится это вино?

Она поставила стакан на стол.

— Превосходное.

— Это единственная бутылка, которую я вижу за последние три года.

— Мы вернулись сюда, — продолжала Прис, — потому что туда нам и не следовало соваться. Марс не рассчитан на

обитание, по крайней мере, в ближайший миллиард лет. Он такой старый. Это чувствуется через камни. Жуткий возраст. Во всяком случае, сначала я брала у Роя наркотики. Жила благодаря этому новому обезболивающему средству, силенизину. Потом я встретила Хорста Хартмана, который в то время держал лавку почтовых марок. Там продавались редкие почтовые марки. Там столько времени, что просто необходимо иметь какое-то хобби, что-то такое, чем можно заниматься без конца. Хорст заинтересовал меня беллетристикой доколониального периода.

— В смысле, старыми книжками?

— Да, рассказами о космических полетах, написанными до начала космических полетов.

— Но как могли быть рассказы о космосе до…

— Писатели, — объяснила Прис, — просто все это выдумывали.

— На чем же они основывались?

— На воображении. Очень часто они ошибались. Например, они изображали Венеру в виде лесного рая джунглей с огромными чудовищами и женщинами-воинами в металлических нагрудниках, блестящих, как зеркало.

Она посмотрела на него.

— Вам это интересно? Большие женщины с длинными волосами, блондинки с блестящими грудями величиной с дыню.

— Нет, — сказал он.

— Имград блондинка, — сказала Прис, — но она маленькая. Во всяком случае, на контрабанде доколониальной беллетристики, серьезных книг, журналов и фильмов о Марсе можно было сколотить состояние. Не было ничего более увлекательного, чем читать о городах и гигантских индустриальных предприятиях, о действительно удавшейся колонизации, воображать, как все это могло бы быть на самом деле, как должен был выглядеть Марс. Каналы…

— Каналы?

Он смутно помнил, что читал что-то об этом. В прошлом люди верили в марсианские каналы.

— Да, пересекающие планету, — сказала Прис. — И существа с других звезд, обладающие бесконечной мудростью. И рассказы о Земле, действие которых происходит в наше время и даже позже, о Земле без радиоактивной пыли.

— Наверное, от таких рассказов становится еще хуже.

— Нет, — коротко ответила Прис.

— А вы не привезли с собой ничего из этих доколониальных материалов? — спросил он.

— Здесь они ни к чему, потому что на Земле интерес к ним

никогда не возникал. Кроме того, их здесь очень много в библиотеках. Оттуда мы и получали наше чтиво. Оно было выкрадено из библиотек на Земле и авторакетами запущено на Марс. Вы ночью выходите в пустыню и вдруг видите вспышку, и вот уже упала ракета, расколовшись, как яйцо, и из нее высыпались старинные фантастические журналы, целое состояние. Но, конечно, прежде чем продать их, вы их читаете.

Во входную дверь постучали.

Лицо Прис стало пепельным, и она прошептала:

— Я не могу. Не шумите, сидите неподвижно.

Она напряглась, прислушиваясь.

— Вы заперли дверь? — спросила она едва слышно. — Боже, надеюсь, что…

Ее расширившиеся глаза замерли на Исидоре, словно умоляя ответить утвердительно.

Из холла послышался голос:

— Прис, ты здесь?

Голос был мужской.

— Это Рой и «Имград. Мы получили твою открытку.

Прис встала, вышла в спальню, потом вернулась, неся карандаш и клочок бумаги. Снова сев за стол, она поспешно набросала: «ПОДОЙДИТЕ К ДВЕРИ».

Исидор нервно взял у нее карандаш и тоже написал: «ЧТО Я СКАЖУ?»

Прис со злостью нацарапала: «ПОСМОТРИТЕ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ ЭТО ОНИ?»

Встав, он с мрачным видом вышел в прихожую. «Как же я определю, кто они?» — спросил он себя. И открыл дверь.

В тускло освещенном холле стояли двое: невысокая женщина, симпатичная, на манер Греты Гарбо, с голубыми глазами и желто-русыми волосами, и мужчина, который был более плотного сложения и выше ростом, с умным взглядом голубых глаз, но с плоскими монголоидными чертами лица, что придавало ему жесткое выражение.

Женщина была одета модно: в высокие блестящие сапоги и брюки. На мужчине была помятая рубашка и покрытые пятнами брюки, что создавало впечатление почти намеренной вульгарности. Он улыбнулся Исидору, но его маленькие глаза остались непроницаемыми.

— Мы ищем… — начала маленькая блондинка.

Потом взгляд ее устремился за спину Исидора. Лицо ее расцвело в улыбке, и она ловко метнулась в промежуток между Исидором и дверью, воскликнув:

— Прис! Как ты?

Исидор обернулся. Женщины обнимались.

Он отошел в сторону, и в прихожую вступил Рой Бейти, строгий и большой, улыбаясь кривой, бесцветной улыбкой.

Четырнадцать

— Мы можем говорить? — спросил Рой, указывая на Исидора.

Прис, которая вся светилась радостью, сказала:

— Да, тут все в порядке, до определенной степени.

Исидору она сказала:

— Извините нас.

Она отвела в сторону Бейти, и некоторое время они о чем-то шептались, потом все трое встали перед Исидором, который чувствовал себя не в своей тарелке.

— Познакомьтесь, это мистер Исидор, — сказала Прис. — Он обо мне заботится.

В ее словах был злобный сарказм. Исидор заморгал.

— Видите? Он принес мне немного натуральной еды.

— Еды? — эхом повторила Имград Бейти.

Легкими шагами она прошла на кухню.

— О, персики! — воскликнула она.

Немедленно схватив чашку и ложку, она стала есть, глядя на Исидора. Она улыбалась, делая маленькие быстрые глотки, словно животное. Улыбка ее отличалась от улыбки Прис, в ней чувствовалось просто тепло, никакого замаскированного второго дна. Она сразу понравилась Исидору.

Войдя вслед за ней, он сказал:

— Вы с Марса?

— Да, мы бросили это дело.

Голос у нее был высокий, какой-то птичий, глаза искрились.

— Какой ужасный у вас дом. Здесь больше никто не живет, да? Мы не заметили больше освещенных окон.

— Я живу наверху, — сказал он.

— О, я думала, что вы с Прис живете вместе.

В ее тоне не было ничего неодобрительного. Просто она констатировала факт.

Продолжая улыбаться своей неприятной улыбкой, Рой произнес:

— Они прикончили Полокова.

Радость, появившаяся было на лице Прис при виде друзей, сразу растаяла.

— Кого еще?

— Убили Гарланда, — сказал Рой, — Андерса и Гитчела. А сегодня и Любу Люфт.

Он говорил так, как будто в силу какой-то извращенности ему было приятно сообщать все эти новости. Словно потрясение Прис доставляло ему удовольствие.

— Я думал, что Любу им не накрыть. Помните, я всегда говорил, что до нее они не доберутся.

— Тогда остается… — сказала Прис.

— Нас трое, — с мрачным предчувствием сказала Имград.

— Вот почему мы здесь. — В голосе Роя гудело неожиданно возникшее тепло. Чем хуже ситуация, тем приятнее, казалось, становилось ему. Исидор абсолютно не понимал его.

— Боже! — прошептала Прис.

— У них есть следователь, охотник, как они его называют, — сказала Имград, — по имени Дейв Холден.

Это имя, казалось, каплей яда упало с ее губ.

— Полоков едва не убил его.

— *Едва* не убил, — повторил Рой.

Улыбка расплылась по его лицу.

— Теперь этот Холден в больнице, — продолжала Имград. — Очевидно, список они передали другому охотнику, которого Полоков тоже едва не достал. Но в конце концов охотнику удалось убрать Полокова, и сейчас он добрался до Любы Люфт. Нам это известно, поскольку ей удалось связаться с Гарландом, и он послал кого-то поймать этого охотника привезти в здание на Медиссон-стрит. Люба вызвала нас сразу же после того, как агент Гарланда и охотник ушли. Она была уверена, что все обойдется и Гарланд убьет его, но, видимо, что-то не сработало. Мы не знаем, что именно, и, скорее всего, никогда не узнаем этого.

— У этого охотника есть список наших имен? — спросила Прис.

— Да, дорогая, думаю, что есть, — ответила Имград. — Но он не знает нашего местонахождения. Мы с Роем не вернемся в нашу квартиру. Мы набили кар вещами и решили, что найдем квартиру в одном из брошенных домов.

Исидор набрался храбрости.

— Благоразумно ли это — всем вам находиться в одном месте? — спросил он.

— Ну, со всеми остальными они уже покончили, — деловито сказала Имград. Она, как и ее муж, тоже казалась теперь странно отстраненной, несмотря на внешнюю возбужденность.

«Все они, — думал Исидор, — очень странные». Он чувствовал это, но был не в силах четко сформулировать, что именно это означало. Словно какая-то необычная и пагубная абстрактность пронизывала их мышление и психику. Кроме, может быть, Прис. Она явно была искренне напугана. Она казалась почти естественной, но…

— Почему бы тебе не переехать к нему? — спросил Рой.

Он указал на Исидора. — Он мог бы в какой-то степени

охранять тебя.

— Недоумок? — удивилась Прис. — Я не намерена жить с недоумком.

Ее ноздри нервно подрагивали.

— Мне кажется, что в такой момент просто глупо быть снобом, Прис, — быстро сказала Имград. — Охотники не медлят. Он может попытаться покончить с нами еще сегодня вечером. Возможно, за скорость они получают дополнительную премию…

— Надо закрыть дверь в холл, — сказал Рой.

Он быстро подошел к двери и одним ударом ладони захлопнул ее, защелкнув замок.

— Я думаю, Прис, тебе стоило бы поселиться с мистером Исидором. И мне кажется, что нам с Имград следует находиться неподалеку. Тогда мы могли бы помогать друг другу. У меня в каре есть кое-какое электронное оборудование — всякий хлам, который я снял с корабля. Я установлю потайной интерком, так что мы сможем слышать друг друга. Кроме того, я могу установить систему сигнализации. Ее сможет включать и выключать любой из нас. Совершенно очевидно, что синтетические маски личности не удались даже Гарланду. Конечно, он сам сунул голову в петлю, приведя этого охотника на Медиссон-стрит. И Полоков, вместо того чтобы держаться от полиции подальше, полез на рожон. Мы не станем этого делать, а будем жить здесь.

В голосе Роя не чувствовалось ни малейшего беспокойства. Ситуация, казалось, порождала в нем маниакальную уверенность и энергию.

— Я думаю…

Он громко втянул в себя воздух, привлекая внимание всех присутствующих.

— Я думаю, что мы трое все еще живы неспроста. Я думаю, если бы он предполагал, где мы находимся, то был бы уже здесь. Основной принцип охоты — действовать как можно быстрее. Вот в чем все дело.

— Если он станет ждать, — согласилась Имград, — мы можем ускользнуть от него еще раз. Да, Рой абсолютно прав — у него есть наши имена, но нет никаких данных о нашем местонахождении. Бедняжка Люба — работать в старой Опере, на самом виду… Ее нетрудно было найти.

— Что ж, — высокопарно заметил Рой, — она сама того хотела. Она считала, что так будет безопаснее — работать на виду у всех в качестве известной певицы.

— Но ты же предупреждал ее, — сказала Имград.

— Да, — согласился Рой. — Я говорил ей и Полокову,

который вздумал выдавать себя за агента ВПО. И Гарланда я предупреждал, что один из его охотников когда-нибудь доберется и до него самого. Что, видимо, и произошло.

Рой покачивался на каблуках с умным видом.

— Как я понял из того, что услышал, мистер Бейти является вашим неформальным лидером, — сказал Исидор.

— Он организовал наше путешествие с Марса на Землю, — сказала Прис.

— О да, Рой — наш руководитель, — подтвердила Имград.

— Тогда, — сказал Исидор, — вы должны поступать так, как он предлагает. — Голос его прервался, не выдержав внутреннего напряжения и надежды. — Думаю, было бы здорово, Прис, если бы ты действительно поселилась у меня. Я мог бы пару дней не ходить на работу — у меня скоро отпуск. Я проследил бы, чтобы все было в порядке.

«Возможно, Милт, который очень изобретателен, — подумал Исидор, — мог бы сделать для меня кое-что из оружия, что-то невообразимое, с помощью которого я уничтожил бы всех охотников, кем бы они ни были».

На секунду ему почудилось нечто безжалостное, с лазером и напечатанным на листке списком жертв, движущееся с машинной точностью к своей цели — бюрократическому убийству за зарплату. Существо, лишенное эмоций, и даже самого лица, существо, которое в случае гибели немедленно заменяется другим, и так далее, пока не будут убиты все живые и настоящие.

«Невообразимо, невероятно, — думал он. — И полиция ничего не может поделать, я не могу поверить в такое. Эти люди, вероятно, совершили что-то незаконное, возможно, эмигрировали обратно на Землю нелегальным путем. Нам велено — так говорят каждый день по телевизору — сообщать о всякой посадке космического корабля вне правительственных космопортов. Очевидно, полиция старается воспрепятствовать незаконной эмиграции. Но даже если это и так, то теперь ведь за преступление не наказывают преднамеренным убийством. Это противоречит самой идее сострадания».

— Я нравлюсь этому недоумку, — сказала Прис.

— Не называй его так, — сказала Имград и послала Исидору теплый, сочувственный взгляд. — Только подумай, как он мог бы тебя назвать.

Прис промолчала. На ее лице появилось загадочное выражение.

— Я установлю переговорную цепь, — сказал Рой. — В этой квартире останемся мы с Имград. Ты, Прис, идешь вместе с мистером Исидором.

Рой направился к двери, делая шаги с поразительной для человека с таким весом легкостью. Секунду спустя он исчез за дверью, которая с грохотом захлопнулась.

У Исидора перед глазами вдруг возник образ металлического корпуса, платформы с рычагами и электронными контурами. Потом перед ним вновь возникла неряшливая фигура Роя Бейти, как изображение на постепенно проявляющемся фотографическом отпечатке. Исидор почувствовал желание расхохотаться. Он нервно подавил смех.

— Человек действия, — сказал голос Прис. — Очень плохо. Тем более что он не умеет обращаться с инструментами и механизмами.

— Если мы и спасемся, — сурово сказала Имград, — то только благодаря Рою.

— Не знаю, стоит ли пытаться спастись, — сказала Прис как бы сама себе. Она пожала плечами, а потом кивнула Исидору: — Итак, мистер Джон Р. Исидор, я переезжаю к вам. Можете меня охранять.

— Всех вас, — поправил ее Исидор.

Имград Бейти торжественным тоном изрекла:

— Я хочу, чтобы вы знали, мистер Исидор, как мы ценим вашу помощь. Кажется, вы первый человек на Земле, которого мы можем назвать другом. Мы очень вам благодарны. Быть может, мы сможем отплатить вам тем же. — Она подплыла к Исидору и погладила его по руке. — У вас не осталось доколониальной беллетристики? Мне хотелось бы почитать что-нибудь.

— Старые журналы, — сказала Прис.

Она уже собрала вещи, Исидор взял у нее из рук узел, чувствуя внутри какое-то сияние, происходящее от сознания достигнутой цели.

Он вышел в холл и сказал:

— Завтра я пойду в библиотеку и возьму несколько книг, чтобы вы могли почитать, а не сидеть, скучая.

Он провел Прис в свою квартиру — темную, душную и какую-то странную. Отнеся ее вещи в спальню, Исидор включил свет и телевизор с его единственным работающим каналом.

— Мне здесь нравится, — сказала Прис все тем же холодным и отстраненным тоном. Она прошлась по комнатам, сунув руки в карманы юбки. На ее лице было выражение отвращения.

— Что случилось? — спросил он, выкладывая ее вещи на кровать.

— Ничего.

Она остановилась у окна-картины и отодвинула занавески, уставившись на изображение.

— Если вы считаете, что они выслеживают вас… — начал Исидор.

— Это все галлюцинации, — перебила Прис, — вызванные наркотиками, которые дал мне Рой.

— Простите?

— Вы действительно думаете, что эти охотники существуют?

— Мистер Бейти сказал, что они убили ваших друзей.

— Рой Бейти такой же ненормальный, как и я. Наше путешествие заключалось в побеге из психиатрической лечебницы на восточном побережье. Мы все — шизофреники с дефектами в эмоциях… Сглаживание аффекта, вот как это называется. И у нас случаются групповые галлюцинации.

— Мне кажется, что это неправда, — сказал он с облегчением.

— Почему?

Она резко повернулась и пристально посмотрела на него. Так пристально, что Исидор вспыхнул.

— Потому что такие вещи, как вы рассказываете, не бывают. Правительство никогда не убивает людей. И сострадание…

— Но понимаете, — сказала она, — если вы — человек, тогда это меняет дело.

— Неправда. Даже животные, даже угри, суслики и змеи, пауки — даже они священны.

Прис, все еще не отрывая от него напряженного взгляда, спросила:

— Значит, это неправда? Как вы говорите, даже животные священны? Всякая жизнь, все органическое, все, что прыгает, летает, ползает, откладывает яйца…

Она замолчала, заметив вошедшего Роя Бейти, который тащил за собой провода.

— И в особенности — насекомые, — сказал Рой. — Это вообще святая святых.

Он не был смущен, хотя и подслушал их разговор.

Сняв со стены картину, он прикрепил к гвоздю небольшое электронное устройство, потом сделал шаг назад, осмотрел его, и повесил картину на место.

— Теперь сигнализация.

Собрав волочившиеся по полу провода, он присоединил их к сложному прибору, который поднес к Исидору и Прис. И все время улыбался своей странной улыбкой.

— Это сигнализация. Эти провода идут под ковром. Они являются нашей антенной, которая улавливает присутствие… — Он колебался. — …ментального единства, — туманно пояснил он, — отличающегося от нас четверых.

— Ну, понятно, и при этом звонит звонок, — сказала Прис. — И что тогда? У него ведь пистолет, а напасть на него и искусать до смерти мы не можем.

— Это устройство, — продолжал Рой, — имеет вмонтированный стимулятор Пенфилда. Когда сигнализация сработает, он начнет излучать волну паники по направлению к нападающему, если только тот не будет действовать чересчур быстро, что, впрочем, маловероятно. Никакой человек не вынесет и секунды рядом с этим излучателем. Природа паники такова, что она вызывает беспорядочное движение и желание бежать без оглядки. Это даст нам возможность прикончить его. Конечно, в зависимости от его ловкости.

— А на нас излучение не подействует? — спросил Исидор.

— Верно, — сказала Прис. — Оно подействует и на Исидора.

— Ну и что? — отозвался Рой и снова занялся своими проводами.

— Они оба выбегут отсюда. Это даст нам время среагировать. Исидора убивать не станут — его нет в списке охотника. Вот почему он полезен нам как прикрытие…

— А получше ты ничего не можешь придумать, Рой? — резко спросила Прис.

— Нет, — сказал он, — не могу.

— Завтра я смогу достать оружие, — сказал Исидор.

— А ты уверен, что присутствие Исидора не включит сигнализацию? — спросила Прис. — Ведь он… Ты понимаешь…

— Я ввел компенсацию на его энцефалографическое излучение, — объяснил Рой. — Чтобы вывести систему из равновесия, необходимо появление еще одного *человека*!

Он нахмурился и бросил косой взгляд на Исидора, соображая, что сказал что-то не то.

— Вы — андроиды, — сказал Исидор. Но ему было все равно. Для него это было совершенно безразлично. — Теперь я понимаю, почему они хотят вас убить. Вы ведь действительно неживые.

Теперь он все понял. Теперь все сходилось: охотники, убийство их друзей, перелет на Землю, все эти предосторожности.

— Да, когда я сказал «человека», я совершил ошибку, — сказал Рой Бейти.

— Совершенно верно, мистер Бейти, — сказал Исидор. — Но какая, собственно, разница? То есть ведь я специал, и со мной они тоже не очень-то церемонятся. Например, я не имею права на эмиграцию.

Он почувствовал, что его понесло.

— Вы не можете вернуться на Землю, а я…

После некоторого молчания Рой Бейти лаконично ответил:

— На Марсе вам не очень-то понравилось бы. Так что вы ничего не потеряли.

— Мне было очень интересно узнать, — сказала Прис Исидору, — сколько тебе понадобится времени, чтобы догадаться. Мы не такие, как люди, да?

— На этом, видимо, как раз и споткнулись Гарланд и Полоков. Они были так чертовски уверены в себе, что пытались выдавать себя за людей, — сказал Рой. — И Люба тоже.

— Вы интеллектуальны. — Исидор почувствовал подъем и радость от того, что смог понять и сделать выводы. — Вы мыслите абстрактно, и вы не…

Он пошевелил пальцами, не в силах подобрать слова, которые опять стали цепляться друг за друга.

Если бы у меня был такой же коэффициент умственного развития, тогда я прошел бы тест и перестал бы быть недоумком. Мне кажется, что вы выше меня и я мог бы у вас поучиться.

Рой Бейти помолчал и сказал, возобновив работу:

— Сейчас закончу настройку сигнализации.

— Он еще не понимает… — резко заметила Прис. В ее тоне чувствовалась какая-то ломкость, но слова прозвучали как удар грома: —…не понимает, каким образом мы бежали с Марса и почему нам пришлось это сделать.

— Да, — простонал Рой. В проеме открытой двери он заметил Имград.

— Я думаю, нам не стоит беспокоиться относительно мистера Исидора, — искренне сказала та.

Потом подошла к нему и заглянула в лицо.

— Они тоже с ним плохо обращались, как он сказал, и его не интересует то, что мы совершили на Марсе. Он нас уже знает, мы ему нравимся, а эмоциональное восприятие для него — самое главное. Нам трудно понять это, но это именно так.

Исидору она сказала:

— Вы могли бы заработать кучу денег, если бы выдали нас полиции. Вы понимаете?

Она снова стояла очень близко и смотрела в лицо Исидора, потом повернулась и сказала мужу:

— Видишь, он понимает но все равно ничего не скажет.

— Вы выдающийся человек, Исидор, — сказала Прис. — Вы делаете честь вашей расе.

— Если бы он был андроидом, — с жаром продолжил Рой, — он донес бы на нас уже завтра утром, еще до полудня, и с нами было бы покончено. Я не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение.

Тон его невозможно было определить. Исидор, во всяком

случае, не был на это способен.

— И вы воображали, что в этом мире у нас не найдется ни одного друга, что это будет планета врагов! — Он засмеялся, словно залаял.

— Я совершенно спокойна, — сказала Имград.

— Твоей душе следовало бы поискать уголок в пятках.

— Давайте голосовать, — предложила Прис. — Как на корабле, когда возникали разногласия.

— Что ж, — сказала Имград, — если мы откажемся от этой возможности, то не думаю, что нам удастся найти другого человека, который стал бы нам помогать. Мистер Исидор… — она пыталась найти слова.

— Экстраординарный случай, — подсказала Прис.

Пятнадцать

Голосование было проведено в торжественной обстановке.

— Мы остаемся здесь, — твердо сказала Имград, — в этой квартире, в этом здании.

— Я голосую за то, чтобы мы убили мистера Исидора и спрятались в другом месте.

Рой обернулся к Прис. Исидор сделал то же самое.

— Пожалуй, нам следует остаться здесь, — приглушенно сказала Прис. — Думаю, ценность помощи мистера Исидора больше той опасности, которую он представляет. Мы явно не в состоянии жить среди людей необнаруженными. Это уже погубило Полокова, Любу, Андерса и Гарланда.

— Возможно, они тоже сделали то, что сейчас собираемся сделать мы, — сказал Рой Бейти — доверились кому-то, поверили какому-то человеческому существу, которое, как и мы, казалось, отличалось от остальных, было, как вы выразились, экстраординарным случаем.

— Нам это не известно, — сказала Имград. — Все это — не более чем предположения. Я думаю, все дело в том, что они…

Она взмахнула рукой.

— Что они не пытались держаться подальше от посторонних глаз. Особенно Люба. Мы доверяем… Я скажу тебе, Рой, чему мы доверяем, что нас губит, — вера в превосходство нашего разума!

Она гневно посмотрела на мужа, ее маленькие высокие груди быстро поднимались и опускались.

— Мы все такие *умные*, Рой. Ведь ты и сейчас делаешь ту же ошибку.

— Кажется, Имград права, — сказала Прис.

— Таким образом, мы вверим наши жизни нестандартному, деградирующему… — начал Рой.

Потом он сдался.

— Я устал. Трудный это был путь, Исидор, и долгий. А здесь мы, к сожалению, совсем недавно.

— Я надеюсь, — радостно сказал Исидор, — что могу хоть частично сделать ваше пребывание на Земле приятным.

Он был уверен, что сможет. Это казалось кульминацией всей его жизни и той новой энергии, способной создать ему авторитет, которую он приобрел сегодня после разговора по видеофону.

После окончания официального рабочего дня Рик Декард отправился через весь город в район зоомагазинов.

Магазины крупных дельцов, занимающихся продажей

настоящих животных, своими огромными зеркальными витринами и манящими вывесками занимали несколько кварталов.

Незнакомая и ужасная депрессия, которая придавила его несколькими часами раньше, не прошла, и посещение зоомагазина казалось ему единственным светлым событием в окружающем его сером тумане. Он пытался изгнать депрессию из своего сознания запахом животных и крупными денежными сделками. Во всяком случае, это всегда оказывало на него положительное воздействие. Возможно, и теперь ему удастся добиться этого снова.

— Слушаю, сэр, — приветствовал его молодой продавец.

Рик с несколько простоватым видом рассматривал поразительные витрины.

— Вы подобрали что-нибудь подходящее?

— Я многое хотел бы купить, — сказал Рик, — но меня беспокоит цена.

— Сэр, скажите мне только, какого уровня покупку вы хотели бы сделать и что вам хотелось бы приобрести. Я справлюсь у нашего управляющего и получу «добро».

— У меня есть три тысячи наличными, — сказал Рик. Управление в конце дня выплатило ему премию. — Сколько стоит вон та семья кроликов?

— Сэр, если у вас есть три тысячи наличными, вы могли бы стать владельцем чего-либо более существенного, чем кролики. Как насчет козла?

— Никогда не испытывал к ним особого интереса.

— Простите, не могу я узнать: является ли покупка такого уровня обычной для вас?

— Обычно я не хожу каждый день с тремя тысячами в кармане.

— Я так и подумал, когда вы спросили о кроликах, сэр. Дело в том, что кролики очень распространены. Я хотел бы, чтобы вы перешли в более почетный класс владельцев козлов, где, как мне кажется, ваше настоящее место. Честное слово, для меня вы — истинный владелец козла.

— В чем же их преимущество?

— В том, что его можно научить бодать всякого, кто попытается его украсть.

— Но только не в том случае, когда в него выстрелят наркотиком, а потом поднимут на канате в парящий аэрокар.

Продавец невозмутимо продолжал:

— Козел лоялен по отношению к своему хозяину. Это свободная душа, которую не способны смять никакие клетки. И

еще одно. Очень часто, вложив в животное деньги и привезя покупку домой, вы обнаруживаете в один прекрасный день, что животное съело какую-нибудь радиоактивную дрянь и умерло. Козлу не страшна зараженная субпища, он способен потреблять такие дозы, которые свалили бы корову, лошадь и тем более кота. В качестве долгосрочного вложения козлы, а в особенности козы, имеют особые преимущества.

— А это коза?

Рик заметил большое черное животное козлиного рода, стоящее в центре клетки. Рик двинулся в том направлении, сопровождаемый продавцом. Животное показалось Рику просто прекрасным.

— Да, это самка. Черная нубийская порода, отличный образец для рынка этого года. И мы предлагаем ее по очень низкой цене.

Вытащив потертый экземпляр каталога, Рик посмотрел цену на черную нубийскую козу.

— Целиком наличными? — спросил продавец. — Или часть платы внесете в виде использованного животного?

— Наличными, — сказал Рик.

На бумажном листке продавец нацарапал цену и быстро, почти украдкой, показал ее Рику.

— Слишком дорого, — сказал тот.

Он взял листок и написал свою цену.

— Мы не можем отдать козу за такую сумму, сэр, — запротестовал продавец. И начертал новую цифру. — Этой козе нет еще и года. У нее очень высокая продолжительность жизни.

И еще раз показал бумажку Рику.

— Идет, — сказал тот.

Он подписал контракт на рассрочку, заплатил три тысячи долларов в качестве первого взноса — всю свою премию — и вскоре уже стоял рядом со своим аэрокаром, наблюдая, как служащие магазина грузят в него клетку с козой. «Я владею настоящим животным, — сказал он себе, — *живым* животным, а не электрической подделкой. Второй раз в жизни».

Цена и долговое рабство контракта пугали его, он чувствовал, что дрожит. «Но я должен был это сделать, — думал он. — После столкновения с Филом Речем я должен был вернуть веру в свои силы, иначе я не смогу продолжать работу».

Немеющими руками он направил кар в небо, направляясь домой. «Ирен будет рассержена, — подумалось ему, — потому что ее испугает ответственность».

И снова расстроился. «На ее долю придется много работы по уходу за животным, потому что она целый день дома».

Рик посадил аэрокар на крышу и некоторое время сидел

неподвижно. В уме он уже сочинял живописную версию. «Этого требует мой разум, моя работа, — сказал он, пытаясь убедить себя, — и, в конце концов, престиж. С электрической овцой жить уже невозможно, это угнетает меня. Вероятно, этот вариант все же удовлетворит ее».

Выбравшись из кара, он вытащил клетку с козой и с пыхтением поставил на крышу. Коза, всю дорогу скользившая по дну клетки, проницательно взглянула на него большими глазами, но не издала ни звука.

Он спустился на свой этаж и подошел к двери квартиры.

— Привет, — сказала Ирен. Она была занята на кухне. — Ты сегодня поздно.

— Поднимись на крышу, — сказал он. — Я хочу тебе кое-что показать.

— Ты купил животное!

Она сняла фартук, машинально пригладила волосы и последовала за ним к лифту.

— Не нужно было покупать без меня, — выдохнула Ирен. — Я тоже имею право участвовать в этом, тем более что речь идет о самом важном приобретении, которое…

— Я хотел сделать тебе сюрприз.

— Ты сегодня заработал неплохую премию, — обвинительно сказала она.

— Да, — сказал Рик. — Я убрал трех анди.

Он вошел в кабину лифта, подождал жену, и они поднялись на крышу.

— Мне необходимо было это сделать, — сказал он. — Со мной сегодня что-то произошло. Если бы я не купил животное, я не смог бы больше работать охотником.

Лифт остановился. Вместе с Ирен Рик вышел в вечерние сумерки, подошел к клетке, включил лампы, установленные обитателями дома, и указал на козу, молча ожидая реакции жены.

— Боже мой! — воскликнула она.

Ирен подошла к клетке, заглянула в нее, потом обошла, рассматривая козу со всех сторон.

— Она действительно настоящая? Не электрическая?

— Абсолютно настоящая, — сказал он, — если только меня не надули.

Это случалось крайне редко, поскольку штраф за подделку достигал астрономических величин: две с половиной рыночной цены животного.

— Нет, меня не надули.

— Коза, — сказала Ирен. — Черная нубийская порода.

— Да, коза, — подтвердил Рик. — Возможно, в будущем нам

удастся свести ее с самцом, тогда у нас будет молоко, из которого можно делать сыр.

— А ее можно выпустить? Куда мы ее поселим? К овце?

— Сначала нужно ее привязать, — сказал Рик. — По крайней мере, на первое время.

— «Жизнь моя — любовь и наслаждение», — вдруг пропела Ирен.

У нее странно изменился голос.

— Это старая-старая песня Иоганна Штрауса. Помнишь, когда мы в первый раз встретились? — Она положила руку ему на плечо, прижалась к нему и поцеловала. — Много любви и очень много наслаждения.

— Спасибо, — сказал он, обняв ее.

— Давай спустимся скорее вниз и поблагодарим Сострадающего, потом вернемся наверх и дадим ей имя. Ей необходимо какое-то имя. И ты, может быть, отыщешь какую-нибудь веревку, чтобы привязать ее.

Ирен направилась к лифту. Их сосед, Билл Барбур, стоявший рядом со своей лошадью Джуди, окликнул Рика:

— Эй, мистер Декард, у вас отличная коза. Поздравляю! Добрый вечер, миссис Декард. Возможно, у вас появятся козлята. Я мог бы обменять жеребенка на пару козлят.

— Спасибо, — сказал Рик, направляясь следом за женой. — Твоя депрессия прошла? — спросил он у Ирен. — Я, кажется, вылечился.

— Да, эта покупка меня вылечит. Теперь мы больше можем не скрывать, что наша овца — поддельная.

— Какая разница? — осторожно спросил он.

— Но теперь ведь все равно, — настаивала Ирен. — Теперь нам нечего скрывать. Теперь у нас есть настоящее животное. Это просто сон!

Она снова поднялась на цыпочки и поцеловала мужа. Нервное, возбужденное дыхание жены коснулось шеи Рика. Потом она протянула руку и нажала кнопку.

Что-то внутри Рика вдруг тревожно прошептало предупреждение, и он произнес:

— Давай не будем пока спускаться. Я хочу посидеть наверху. Просто посидеть и посмотреть на козу. А может быть, нужно покормить ее? В магазине мне дали для начала мешок овса. И мы могли бы посмотреть руководство по уходу за козой. Это мне тоже вручили, бесплатно. Мы назовем ее Эуфемией.

Но лифт уже подошел, и Ирен зашла в кабину.

— Ирен, погоди! — позвал он.

— Это было бы просто аморально, — строго сказала она, —

если бы мы сейчас не слились с Сострадающим. Сегодня я уже подключалась к генератору, и это немного облегчило меня, но только чуть-чуть, совсем не так, как твоя покупка. Но все равно в меня каким-то образом попал камень.

Она продемонстрировала ему запястье с маленьким синяком.

— Я постоянно думала о том, насколько было бы лучше, несмотря на боль, когда с нами Сострадающий, и как плохо без него. Мы испытываем физическую боль, но духом мы едины с ним. Я чувствовала их присутствие — их всех, по всему миру, которые были слиты вместе с ним в этот момент.

Ирен придерживала двери лифта, не давая им скользнуть на место.

— Заходи, Рик. Это всего лишь минута. Ты ведь почти никогда не участвуешь в слиянии. Я хочу, чтобы ты передал то настроение, в котором находишься, всем остальным. Оставлять это себе одному — аморально.

Ирен, конечно, была права. Он вошел в лифт, и они вернулись в квартиру.

Войдя в гостиную, Ирен быстро щелкнула выключателем эмпатического генератора. Лицо ее осветилось живой радостью.

— Я хочу, чтобы все знали, — сказала она ему. — Со мной это уже случалось — я вошла в слияние и поймала эмоции какого-то человека, только что купившего животное. А в другой раз…

Лицо ее на секунду потемнело, удовольствие исчезло.

— Однажды я обнаружила чувства человека, потерявшего свое животное. Но мы делили с ним все наши радости — хотя у меня лично их не было совсем. И ты знаешь, это его немного ободрило. Мы даже могли бы предотвратить потенциальное самоубийство — то, что мы испытываем, чувствуем…

— Они получат нашу радость, — сказал Рик, — но сами мы ее потеряем, обменяем на то, что чувствуют они. Наша радость исчезнет.

На экране генератора проносились потоком какие-то бесформенные сочетания цветов. Затаив дыхание, Ирен сжимала рукоятки.

— Нет, мы не потеряем ничего из того, что чувствуем, если только будем удерживать эти ощущения в себе. У тебя разве нет навыка слияния, Рик?

— Кажется, нет, — сказал он.

Сейчас он впервые начал понимать, какое значение для Ирен имеет сострадание. Возможно, общение с Речем и их совместная охота произвели трансформацию какого-то незначительного ответвления в его мозгу, переключили нейтронный тумблер, и,

возможно, началась цепная реакция изменений.

— Ирен! — настойчиво позвал он.

Он оттащил жену от генератора эмпатии.

— Послушай! Я хочу рассказать тебе о том, что случилось со мной сегодня.

Рик отвел ее к дивану, усадил и сам сел рядом.

— Я познакомился с другим охотником, которого раньше никогда не видел и даже ничего не слышал о нем. Ему нравится уничтожать андроидов. И вот, после того как я провел охоту вместе с ним, я по-другому взглянул на анди. То есть раньше я относился к ним примерно так же, как и он, только по-своему.

— Разве с этим нельзя подождать? — спросила Ирен.

— Я выбрал один из вопросов теста и провел эксперимент, — сказал Рик. — Все сошлось — я действительно начал сопереживать андроиду. Сегодня утром ты сказала — «бедные анди». Поэтому ты понимаешь, о чем я говорю. Из-за этого я и купил козу. Я никогда еще не чувствовал ничего подобного. Возможно, это было что-то вроде депрессии, как у тебя. Теперь я понимаю, как ты страдаешь. Я всегда был уверен, что тебе просто нравится твоя депрессия и что ты можешь вырваться из нее в любой момент, если только захочешь, если не сама, то хотя бы с помощью стимулятора Пенфилда. Но дело в том — и я понял это, — что в таком состоянии тебе уже все равно. Апатия, потому что потеряно чувство цены. Ничто ничего не стоит, и не надо чувствовать себя лучше, потому что, если потерять это ощущение…

— А как же с твоей работой?

Рика словно ударили. Он промолчал.

— *Работа*, — повторила она. — Сколько мы должны вносить в месяц за козу?

Она протянула руку. Он машинально вытащил контракт зоомагазина и протянул ей.

— Сколько?! — протянула она тонким голоском. — А проценты… Боже, одни только проценты!.. И ты сделал это только потому, что почувствовал себя подавленно, а вовсе не потому, что хотел сделать мне сюрприз.

Она вернула ему документы.

— Что ж, это не важно. Все равно я очень рада, что ты купил ее. Я уже люблю эту козу. Но это такое бремя!

Она помрачнела.

— Я могу перейти в другой отдел, — сказал Рик. — У Департамента десять или одиннадцать отделов. Заняться, например, похищением животных. Меня бы взяли.

— Но твои премии! Они необходимы нам, иначе магазин

просто заберет козу.

— Я перепишу контракт с тридцати шести месяцев на сорок восемь.

Он стремительно извлек шариковую ручку и начал писать на обратной стороне листа.

— Это получится на пятьдесят два доллара пятьдесят центов меньше в каждом месяце.

Зазвонил видеофон.

— Если бы мы остались на крыше, а не спустились сюда, — сказал Рик, — то мы бы не услышали этого звонка.

Он чувствовал сожаление.

— Чего ты боишься? Они же еще не собираются отобрать у тебя козу.

Ирен подошла к аппарату и протянула руку к трубке.

— Это из Департамента, — сказал он, направляясь в спальню. — Скажи, что меня нет дома.

— Алло! — отозвалась Ирен.

«Еще три андроида, — подумал Рик, — которых мне следовало выследить, а не отправляться домой». На экране появилось лицо Гарри Брайанта, и теперь уходить было уже поздно. На негнущихся ногах Рик вернулся к экрану.

— Да, он здесь, — говорила Ирен. — Мы купили козу. Заходите к нам, мистер Брайант, посмотрите на нее.

Последовала пауза. Потом она протянула трубку Рику.

— Он хочет что-то тебе сказать.

Быстро вернувшись в кресло, она снова схватилась за ручки генератора эмпатии. Почти мгновенно она была поглощена слиянием. Рик ясно осознал ее ментальное отсутствие в комнате, ощутив собственное одиночество.

— Алло, — сказал он в трубку.

— Мы посадили хвост на двух оставшихся андроидов.

Он звонил из своего кабинета. Рик видел хорошо знакомый ему стол, завал бумаг и прочего мусора.

— Они явно встревожены. Съехали с того старого адреса, который дал тебе Холден. Теперь их можно найти… минутку…

Брайант принялся перебирать бумаги, отыскивая нужные сведения. Рик машинально нащупал ручку. Он разгладил на колене контракт и приготовился писать на обратной стороне.

— Жилой блок 3967-Ц, — продиктовал инспектор. — Отправляйся туда как можно быстрее. Мы предполагаем, что они узнали о том, что мы убрали Гарланда и Любу Люфт. Поэтому и сбежали.

— Незаконное бегство, чтобы спасти свои жизни.

— Ирен сказала, что вы купили козу. Сегодня, после того, как

ты уехал из управления?

— Да, по дороге домой.

— Когда ты покончишь с остальными андроидами, я приеду взглянуть на нее. Кстати, я только что говорил с Дейвом Холденом. Я рассказал, как трудно тебе пришлось с этими андроидами. Он поздравил тебя и советует удвоить осторожность. Он говорит, что «Узел-6» оказался более сообразительным, чем он предполагал. Он вообще с трудом поверил в то, что ты отправил на покой троих анди за один день.

— Троих достаточно, — сказал Рик. — Я больше не могу. Мне нужно отдохнуть.

— Но завтра их может уже не быть здесь, — настаивал Брайант. — И они окажутся вне зоны нашей юрисдикции.

— Не так быстро. Они все еще будут поблизости.

— Ты поедешь туда *сегодня*, — твердо сказал Брайант, — пока они еще не окопались. Они не ожидают, что ты среагируешь так быстро.

— Наоборот, они будут ждать меня.

— Поджилки трясутся? Из-за Полокова, который…

— Ничего у меня не трясется. Ладно, я полечу туда. — Он хотел положить трубку, но Гарри проговорил:

— Дай мне знать, как только будут результаты. Я буду у себя в кабинете.

— Если я устраню их, я куплю овцу.

— У тебя ведь есть овца, насколько я знаю, — уточнил Брайант.

— Она электрическая.

И сразу же повесил трубку. «На этот раз овца будет настоящая. Она мне необходима для компенсации».

У черного ящика генератора эмпатии скорчилась его жена с восхищенно отсутствующим лицом. Некоторое время Рик стоял рядом с ней, рука его покоилась на ее груди. Он чувствовал, как грудь поднимается и опускается в такт приливам и отливам жизни внутри Ирен. Она не замечала его, как и всегда, поглощенная слиянием с Сострадающим.

На экране видно было облаченную в балахон фигуру Сострадающего, который взбирался вверх по склону. Мимо пронесся кусок скалы. Глядя на него, Рик вдруг подумал: «Боже мой, ведь в моей ситуации есть что-то худшее, чем в его положении. Сострадающему не приходится совершать что-то чуждое своей природе. Он страдает, но, по крайней мере, может не насиловать собственную сущность».

Нагнувшись, Рик осторожно убрал пальцы Ирен с черных клавиш и занял ее место. Первый раз за несколько недель.

Это было сделано импульсивно. Он не хотел этого. Все произошло внезапно и неожиданно. Перед ним простирался пустынный пейзаж, пустырь, покрытый сорняками. В воздухе пахло цветами. Это была пустыня, где не бывает дождя, и цветы сорняков пахли как пыль.

Перед ним стоял человек. В его глазах светился свет жалости. Глаза были усталыми и полными боли.

— Сострадающий, — произнес Рик.

— Я друг твой, — ответил старик. — Но продолжай свой путь, словно меня не существует. Таков твой долг. Ты понимаешь меня?

— Нет, не понимаю. Мне нужна помощь.

— Но как я могу спасти тебя, — возразил старик, — если я не в состоянии спасти себя? — Он улыбнулся. — Разве ты не видишь? Это не воскресение, спасения нет.

— Тогда зачем все это? — зло спросил Рик. — Зачем тогда ты нужен?

— Чтобы показать тебе, — сказал Вилбур Сострадающий, — что ты не одинок, что с тобой — я, и я всегда буду с тобой. Продолжай исполнять свой долг; хотя ты знаешь, что поступаешь плохо.

— Почему я должен исполнять его? Я брошу эту работу и эмигрирую.

— Куда бы ты ни отправился, везде от тебя потребуют поступать плохо. Таково фундаментальное условие жизни — насиловать собственную сущность. В какой-то момент любому живому существу приходится так поступать. Это неизбежная тень, проигрыш эксперимента творения, проклятие, наложенное на него, проклятие, которое питает жизнь во всей Вселенной.

— И это все, что ты можешь мне сказать? — спросил Рик.

Мимо просвистел камень. Он пригнулся, но другой камень ударил его в ухо. Он тут же выпустил рукоятки генератора и снова оказался в собственной гостиной, рядом с женой и ящиком генератора. Голова раскалывалась от удара. Протянув руку, он обнаружил, что по щеке стекает струйка крови.

Ирен прижала к его уху носовой платок.

— Наверное, мне нужно поблагодарить тебя за то, что ты меня освободил. Я не переношу, когда в меня попадает камень. Ты принял удар на себя.

— Мне нужно идти.

— Работа?

— Целых три.

Он взял у нее платок и пошел, к выходу. Голова немного кружилась. Теперь он чувствовал и тошноту.

— Удачи, — сказала Ирен.

— Ничего мне этот черный ящик не сделал, — сказал Рик. — Со мной говорил Сострадающий, но это не помогло. Он знает не больше моего. Это просто старик, взбирающийся на гору навстречу своей смерти.

— Но разве это не откровение?

— Это откровение уже у меня было.

Рик открыл дверь в холл. «Жилой блок 3967-Ц, — прочитал он пометки на обороте контракта. — Это в пригороде, в покинутом районе. Там легко спрятаться. Не считая огней вечером. Вот на что я буду ориентироваться. Окна. Как бабочка. Эти трое будут последними. Сострадающий прав: нужно исполнять свой долг. Но едва ли я смогу. Сразу трое — это уже вопрос не морали, а практики. Вероятно, я *не смогу* отправить их на покой. Я слишком устал, за этот день случилось слишком много веселенького. Возможно, Вилбур знал это и предвидел все, что должно произойти. Но я знаю, где мне найти помощь, которую мне уже предлагали и которую я отверг».

Он вышел из лифта на крышу и минуту спустя сидел в темноте кабины аэрокара, набирая номер на диске видеофона.

— Компания «Розен Ассосиэйшн», — ответила дежурная.

— Рейчел Розен, — произнес он.

— Простите, сэр?

— Позовите мне Рейчел Розен.

— Если мисс Розен ожидает…

— Я уверен, что да, — сказал он и стал ждать.

Десять минут спустя на экране появилось миниатюрное смуглое лицо Рейчел Розен.

— Здравствуйте, мистер Декард.

— Вы сейчас заняты, или мы можем поговорить? — спросил он. — О том, что вы мне предлагали.

Казалось, это произошло не сегодня, а многие поколения тому назад. Многие поколения родились и превратились в прах с тех пор, как он последний раз говорил с Рейчел Розен.

Вся тяжесть этого времени навалилась на него. Он чувствовал физический вес его. «Это, наверное, из-за камня», — подумал он, прижимая платок к кровоточащему уху.

— У вас ухо порезано, — заметила Рейчел. — Как вам не стыдно.

— Вы действительно были уверены, что я вызову вас? — спросил Рик.

— Я уже говорила вам, — объяснила Рейчел, — что без моей помощи один из новых андроидов прикончит вас раньше, чем вы успеете отправить его на покой.

— Вы ошиблись.

— Но вы звоните мне. Вы хотите, чтобы я прилетела в Сан-Франциско?

— Да, сегодня.

— О нет, уже слишком поздно. Лететь нужно целый час, так что я буду только завтра.

— Мне приказано покончить со всеми делами еще сегодня вечером, — уныло проговорил Рик. Помолчав, он добавил: — Из всех осталось только трое.

— Судя по вашему голосу, вам здорово досталось.

— Если вы не прилетите сегодня вечером, то я отправлюсь искать их в одиночку и мне не удастся с ними справиться. Я буквально только что купил на премию за трех первых анди козу.

— Эх, вы, хомо, — сказала Рейчел. — Козлы воняют.

— Это только самцы. Об этом написано в руководстве, которое мне дали в магазине.

— Вы действительно выглядите усталым, — сказала она, помедлив. — У вас голова не кружится? Вы уверены, что сознаете, на что идете, пытаясь убрать еще троих андроидов типа «Узел-6»? Еще никому не удавалось устранить столько андроидов за один день.

— Франклин Пауэрс прикончил в прошлом году в Чикаго примерно семерых.

— Это были устаревшие модели типа У-4, — напомнила ему Рейчел. — Это совсем другое дело. — Она задумалась. — Рик, я не могу. Я еще не ужинала.

— Но вы мне необходимы. — «Иначе я погибну, — сказал он себе. — Я знаю это. И Сострадающий знал. Думаю, Рейчел Розен тоже это знает. Я зря трачу время. Нет смысла просить сострадания у андроида. У него просто нет такого органа».

— Извини, Рик, но сегодня это невозможно. Завтра.

— Месть андроида?

— Что?

— Потому что я раскусил вас во время теста.

— Вы так думаете? В самом деле?

— До свидания, — сказал он.

— Послушайте, — быстро проговорила Рейчел. — Подождите немного, подумайте.

— Вы так говорите, потому что андроиды вашего типа умнее людей.

— Но я действительно не понимаю!

Она вздохнула.

— Я ясно вижу, что вы не хотели бы заниматься этим сегодня. Точнее, вы вообще не хотите браться за это. Вы уверены, что вам

нужна моя помощь при устранении трех оставшихся андроидов? Или же вы хотите, чтобы я убедила вас не начинать этого дела?

— Прилетайте. Я сниму комнату в отеле для двоих.

— Зачем?

— Сегодня я кое-что услышал, — хрипло сказал он, — касающееся отношений между человеком-мужчиной и андроидом-женщиной. Прилетайте в Сан-Франциско, и я оставлю в покое трех остальных. Мы займемся другим делом.

Рейчел посмотрела на него, потом решительно сказала:

— Хорошо, я прилечу. Где мы встретимся?

— У «Сент-Френсиса». Это единственный приличный отель в зоне Залива.

— И пока я не прилечу, вы ничего не предпримете?

— Я буду сидеть в отеле и смотреть по телевизору Бастера Джруби. В последние три дня его гостьей была Аманда Вернер, а она мне нравится. Я мог бы смотреть на нее до конца жизни. У нее такие груди, что кажется, они улыбаются.

Рик повесил трубку и некоторое время сидел неподвижно, ни о чем не думая.

Наконец холод в кабине заставил его встрепенуться. Он повернул ключ зажигания и секунду спустя летел в сторону центра города, направляясь к отелю «Сент-Френсис».

Шестнадцать

В огромном и чрезмерно роскошном номере отеля Рик Декард принялся изучать досье на трех оставшихся андроидов, в частности на Роя и Имград Бейти. К двум листам досье были приложены стереоснимки, сделанные с помощью телескопических объективов. Снимки были крайне нерезкие.

Он решил, что женщина очень хороша, в то время как ее муж — довольно неприятен.

Рик прочитал, что на Марсе Бейти выдавал себя за фармацевта и использовал это как прикрытие.

На самом деле Рой, видимо, был чернорабочим, но мечтал о чем-то большем. «Разве андроиды мечтают? — подумал он. — Очевидно, да. Вот почему они иногда убивают своих хозяев и бегут на Землю — чтобы жить без рабского труда в поле, чтобы петь, как Люба Люфт, в „Волшебной флейте“, а не трудиться сутками в каменистом поле на необитаемом Марсе».

«Рой Бейти, — информировало досье, — умеет создавать впечатление агрессивной, напористой и авторитетной натуры. Именно этот андроид, предававшийся мистическим видам деятельности, предложил группе совершить побег, подведя под это идеологическую базу о якобы священном характере жизни андроида. Вдобавок он похитил ряд наркотических средств для воздействия на мозг и проводил с ними опыты, утверждая, когда был пойман с поличным, что надеялся вызвать у группы андроидов ощущения, аналогичные тем, которые испытывают приверженцы сострадания во время слияния. Он утверждал, что подобные ощущения все еще продолжают оставаться недоступными для андроидов».

В этом досье было что-то жестокое.

Грубый, хладнокровный, расчетливый андроид стремился испытать нечто, что было изначально недоступно для него благодаря намеренно встроенному дефекту.

Но особого сочувствия к Рою Бейти Рик не ощущал. Заметки Дейва передавали отталкивающее впечатление, которое производил этот андроид. Он пытался вызвать ощущение слияния, а потом, когда попытка провалилась, организовал убийство нескольких людей, за которым последовал побег на Землю.

Теперь от группы из восьми андроидов откололась эта тройка, но она тоже обречена, поскольку, если даже Декарду не удастся отправить их на покой, это сделает кто-то другой.

«Отлив и прилив, — думал Рик, — циклы жизни. Последние

сумерки, конец. Как будто в этом заключалась целая Вселенная».

Дверь номера со стуком распахнулась.

— Ну и полет, — выдохнула Рейчел Розен.

Она вошла и перевела дыхание. На ней был длинный чешуйчатый плащ, под которым были шорты и в тон им — лифчик. Кроме дамской сумочки, она несла бумажный пакет.

— Милая комната, — сказала она и посмотрела на циферблат своих ручных часов. — Менее часа. Отличное время для такой дистанции. Вот. — Она протянула Рику бумажный мешок. — Здесь бутылка. Коньяк.

— Самый опасный из восьмерых еще жив. Тот, кто это все организовал.

Он протянул ей смятый листок папиросной бумаги с материалами о Рое Бейти. Рейчел поставила пакет и взяла текст.

— Вы его уже обнаружили? — прочитав, спросила она.

— Мне известен номер жилого блока в пригороде, где никто не живет, кроме нескольких микроцефалов и недоумков.

Рейчел протянула руку.

— Дайте остальные.

— Оба — женщины.

Он передал ей листки с досье.

— Имград Бейти и второй андроид, именующий себя Прис Стратton.

Бросив взгляд на последний листок, Рейчел только и произнесла:

— О!

Она уронила листки и подошла к окну, всматриваясь в панораму ночного Сан-Франциско.

— Последний, вероятно, тебя и накроет. Хотя, может, и нет. Может, тебе все едино.

Голос ее дрожал, очевидно, она потеряла самообладание.

— О чем это ты, собственно? — Рик нагнулся над листками, пытаясь понять, что так расстроило Рейчел.

— Давай откупорим коньяк.

Рейчел отнесла в ванную пакет и вернулась с двумя стаканчиками. Она держалась все еще неуверенно и как-то отчужденно, словно ее мысли были заняты чем-то посторонним. И они отражались на ее лице.

— Ты умеешь открывать бутылки? — спросила она. — Эта бутылка стоит целое состояние, ты знаешь? Это не синтетический коньяк. Еще довоенный.

Рик взял у нее бутылку, открыл и налил коньяк в небольшие стаканчики.

— Так что же случилось? — спросил он.

— По фону ты обещал, что, если я прилечу сегодня, ты откажешься от этих трех андроидов. «Мы займемся другим делом» — так, кажется, ты сказал? Ну вот, я здесь…

— Расскажи, отчего ты расстроилась, — поинтересовался Рик.

— Расскажи лучше, чем именно мы будем заниматься, вместо того чтобы забивать голову этими тремя андроидами.

Она расстегнула плащ и повесила его в шкаф в прихожей. Голова ее с роскошной гривой волос казалась очень большой, в то время как из-за совсем маленьких грудей ее тело производило впечатление детского. На этом ее сходство с подростком кончалось. А ее глаза, большие, с длинными ресницами, могли быть только глазами взрослой женщины. Рейчел покачивалась на носках, ее руки, согнутые в локтях, были опущены. Это была поза осторожного охотника или, может быть, кроманьонского человека из расы высоких и ловких охотников — ни грамма лишней плоти, плоский зад и маленькая грудь.

Рейчел была смоделирована по кельтскому типу, анахроничному, но тем не менее смотревшемуся красиво. Ноги, выглядывавшие из коротких шортов, имели нейтральный, какой-то неженственный вид, не слишком закругляясь в соответствующих местах. Но тем не менее было ясно, что это девушка, а не женщина, если не считать беспокойных умных глаз.

Рик потягивал коньяк. Его вкус, запах и крепость стали для него почти незнакомыми. Он почувствовал, что пьет с трудом. Рейчел, наоборот, не выказывала ничего необычного.

Присев на край кровати, Рейчел с отсутствующим и мрачным выражением лица разглядывала покрывало. Рик поставил стакан на стол и сел рядом с ней.

Кровать просела под его весом, и Рейчел немного отодвинулась.

— Так что случилось? — повторил он и, протянув руку, взял ее ладонь в свою. Она показалась ему холодной, твердой и чуть влажной. — Что с тобой?

— Это все из-за последнего анди в твоих досье, — с трудом проговорила Рейчел. — Она той же модели, что и я.

И сразу же опустила глаза, отыскала на покрывале нитку и начала двумя пальцами скатывать ее в шарик.

— Разве ты не заметил по описанию? Это же мои приметы. У нее, возможно, другая прическа или парик, и одета она не так, как я. Но когда ты увидишь ее, ты поймешь, о чем я говорю…

Она едко рассмеялась.

— Хорошо, что компания призналась, что я андроид, иначе ты бы, наверное, сошел с ума, столкнувшись с Прис Стратton. Тебе бы показалось, что это я.

— Почему это тебя так беспокоит?

— Проклятье, ведь я буду с тобой, когда ты отправишься ее устранять!

— Может, и нет. Возможно, я ее не найду.

— Я знаю психологию «Узла-6», — сказала Рейчел. — Именно поэтому я и здесь. Я могу тебе помочь. Они сейчас сбились в кучу — все трое. Главный у них — этот, который называет себя Роем. Он сейчас бешеными темпами организует оборону.

Губы ее скривились.

— О, Боже, — прошептала она.

— Ну, ладно, не пугайся.

Рик взял в ладонь ее маленький подбородок и поднял ее голову так, чтобы она могла его видеть. «Как можно чувствовать себя, целуя андроида?» — подумал он. Наклонив голову, он поцеловал ее в сухие губы. Никакой реакции не последовало. Рейчел оставалась спокойной, словно ничего не чувствовала. А его реакция была совершенно другой. Возможно, он принимал желаемое за действительное.

— Если бы я знала, что ты это сделаешь, я бы сюда не прилетела. Ты хочешь слишком многого. Понимаешь ли ты, что я ощущаю по отношению к этому андроиду по имени Прис?

— Сочувствие?

— Нечто похожее: идентификация. Передо мною стою я сама. Боже, наверное, это и случится — в суматохе ты убьешь не ее, а меня, а она вернется в Сиэтл и начнет жить моей жизнью. Я еще никогда не испытывала ничего подобного. Мы ведь действительно машины, *отштампованные*, как пробки от бутылок. Мое личное существование — всего лишь иллюзия, я всего лишь одна из вещей, сошедших с конвейера.

Она содрогнулась.

Рик понимал, что это плохо, но поведение Рейчел его забавляло. Андроид, испытывающий мрачные предчувствия.

— Но ведь муравьи тоже физически идентичны, — сказал он, — но они ничего подобного не ощущают.

— Муравьи… У них нет чувства времени.

— Тогда близнецы. Они…

— Но они не идентифицированы друг с другом. У них есть эмпатическая связь.

Она подошла к бутылке, немного нетвердо ступая, наполнила свой стакан и быстро выпила. Некоторое время мерила комнату шагами, потом, словно случайно, опустилась на кровать, облокотившись на пышные подушки, и вытянула ноги.

— Забудь об этих троих. — Голос ее был усталым. — Я такая измотанная. Наверное, из-за этого полета и из-за всего того, что я

узнала за этот день. Я просто хочу спать.

Она закрыла глаза.

— Если я умру, — пробормотала она, — то, наверное, снова буду рождена, когда компания запустит модели моего типа, но с новым мозгом.

Она открыла глаза и посмотрела на Рика.

— Знаешь, зачем люди компании хотели, чтобы я действовала вместе с тобой?

— Чтобы следить за мной, — ответил Рик, — и выяснить, какой параметр «Узла-6» выдает его при проведении теста Войт-Кампф.

— И тест, и вообще все, что выдает в нем андроида. Потом я должна представить компании доклад, а она внесет изменения в режим камер, в структуру ДНР-фактора, и мы получим «Узел-7». Когда этот тип андроидов тоже научились бы распознавать, мы вновь внесли бы изменения, и так, в конце концов, получили бы гуманоидного робота, неотличимого от человека ни по каким параметрам.

— Ты знаешь о тесте с рефлекторной дугой Бонелли? — спросил он.

— Над специальной ганглией уже работают. Наступит день, когда тест Бонелли канет в Лету.

Она улыбнулась — совершенно безоблачно, по контрасту со словами. Рик не мог понять, насколько серьезно она говорила.

«Тема мирового значения, но выраженная несерьезно. Возможно, это манера всех андроидов, — думал Рик. — Никакой эмоциональной сознательности, никакого чувства действительного значения сказанного, всего лишь формальные, выхолощенные определения и термины».

Но это было еще не все. Рейчел начала поддразнивать его, перейдя от оплакивания своего положения к высмеиванию его дел.

— К черту и тебя тоже! — парировал он.

Рейчел рассмеялась.

— Я пьяна и не могу идти с тобой. Если ты уйдешь… — Она сделала неопределенный жест рукой. — Я останусь здесь отсыпаться. Расскажешь потом, что там произошло.

— Всего одна маленькая деталь, — уточнил Рик. — Этого «потом» не будет. Рой Бейти прикончит меня.

— Но теперь я все равно не смогу тебе помочь, потому что напилась. Во всяком случае, правда тебе и так известна. Я всего лишь наблюдатель и не должна спасать тебя. Мне все равно, прикончит тебя Бейти или нет. Меня волнует, не прикончит ли он *меня*.

Она широко открыла круглый рот.

— Боже, я эмпатически реагирую на угрозу собственному существованию? Видишь ли, если я полечу с тобой в этот покинутый жилой блок, то… — Протянув руку и поиграв пуговицей рубашки Рика, она начала расстегивать ее.

— Я просто не осмелилась бы туда соваться, потому что мы, андроиды, не испытываем особенно дружеских чувств друг к другу. Я знаю, что проклятая Прис Стратton пристрелила бы меня, а потом спокойно заняла бы мое место. Понимаешь? Сними пиджак.

— Зачем?

— Чтобы мы могли лечь в постель, — ответила Рейчел.

— Я купил черную нубийскую козу, и теперь мне необходимо отправить на покой еще трое андроидов. Мне нужно покончить с этим и вернуться домой к жене.

Рик встал, обошел кровать, взял бутылку коньяка и аккуратно налил себе вторую порцию. Он заметил, что у него дрожат руки. Очевидно, от усталости. «Мы оба устали, — подумал он. — Слишком устали, чтобы охотиться на трех андроидов сразу, которыми руководит самый опасный из восьмерки».

Он вдруг осознал, что испытывает неприкрытый страх перед этим восьмым андроидом. Все началось из-за него, он с самого начала был опасен больше других.

Вплоть до этого момента он сталкивался с менее зловещими воплощениями Роя Бейти и всех их отправил на покой. Теперь предстояла встреча с ним самим. Чем больше Рик думал о неизбежности столкновения, тем больше его охватывал страх.

— Я не могу идти туда без тебя, — сказал он Рейчел. — Даже не стоит уходить отсюда. Полоков едва не прикончил меня, да и Гарланд был к этому близок..

— Ты боишься Роя Бейти?

Поставив пустой стакан, она потянулась рукой за спину и расстегнула лифчик. Потом ловко стянула его и встала, покачиваясь и улыбаясь.

— У меня в сумочке, — сказала она, — лежит устройство, которое наша фабрика на Марсе изготавливает как предохранитель. Они вставляют его в новых андроидов, когда те проходят последнюю серийную проверку. Вытащи его. Ты найдешь его — оно похоже на устрицу.

Рик принялся копаться в ее сумке. Как и у женщины-человека, в сумочке можно было обнаружить самые разнообразные предметы. Рик понял, что быстро ему его не найти.

Рейчел тем временем сбросила сапожки и расстегнула молнию на шортах. Балансируя на одной ноге, она подхватила

пальцами смятый кусок ткани и швырнула его в угол комнаты. Потом упала на кровать, перекатилась, дотянулась рукой до стакана, но столкнула его на ковер.

— Проклятье, — пробормотала она.

Рейчел снова поднялась на ноги. Она стояла в одних трусах, глядя, как Рик пытается найти названное устройство. Потом она аккуратно откинула покрывало и залезла в постель.

— Это оно?

Рик держал в руках металлическую сферу с выступавшим стержнем кнопки.

— Эта штука повергает андроида в каталепсию, — сказала Рейчел. Глаза ее были закрыты. — Она на несколько секунд задерживает работу его дыхательной системы — твоей тоже, но вы, люди, способны функционировать без дыхания пару минут, а у анди нерв, находящийся…

— Я знаю.

Рик выпрямился.

— Автономная нервная система андроида не настолько гибка при включении и выключении, как наша. Но ты ведь сказала, что она действует несколько секунд?

— Этого достаточно, — пробормотала Рейчел, — чтобы спасти тебе жизнь. Понимаешь… — Она села. — Если вдруг сюда ворвется Рой Бейти, то, держа при себе это устройство, ты сможешь отключить его на несколько секунд. И пока он будет стоять на месте с заблокированным кислородным обеспечением мозговых клеток, ты успеешь пристрелить его из лазера.

— У тебя тут в сумочке лазер.

— Это подделка, — ответила она.

Она зевнула и закрыла глаза.

— Андроидам запрещено пользоваться лазерами.

Он подошел к кровати.

Рейчел перевернулась на живот, уткнувшись лицом в простыню.

— Какая чистая, приличная, девственная постель, — сказала она. — Только очень чистые и приличные девушки, которые…

Она задумалась.

— У андроидов не бывает детей. Разве это потеря?

Он раздел ее до конца, обнажив бледный, холодный изгиб спины и маленькие полушария ягодиц.

— Разве это так важно? — повторила Рейчел. — В самом деле, я не знаю. Как я могу судить, что это такое — иметь ребенка? И что такое — быть рожденным? Ведь мы не рождаемся, не растем, не умираем от болезней, а просто изнашиваемся, как муравьи. Снова муравьи… Вот кто мы! Не ты, а я. Хитиновая

рефлекс-машина, которая на самом деле не живая.

Она повернула голову и громко произнесла:

— Я ВЕДЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ЖИВАЯ. И ты ложишься в постель не с женщиной, так что не рассчитывай на многое, идет? Ты когда-нибудь раньше спал с андроидом?

— Нет, — ответил он, снимая рубашку и галстук.

— Как я понимаю… мне говорили… впечатление удовлетворительное, если только не думать о многом. Но если все время думать о том, что делаешь, тогда, конечно, это невозможно, но уже по чисто психологическим причинам.

Наклонившись, он поцеловал ее обнаженное плечо.

— Спасибо, Рик, — сказала она слабым голосом. — Но не забывай: главное — не думать. Просто делать, и все. Никаких пауз и философии, потому что с точки зрения философии это все тоскливо для нас обоих.

— А после я все же отправлюсь искать Роя Бейти, — сказал он. — И я хочу, чтобы ты была со мной. Я ведь знаю, что лазер в твоей…

— Думаешь, я помогу тебе отправить на покой одного из анди? А не тебя?

— Я думаю, что, несмотря на все, что ты мне тут сказала, ты все же мне поможешь. Иначе бы ты не лежала здесь.

— Я люблю тебя. Если бы я вошла в комнату и обнаружила, что кушетка покрыта твоей шкурой, я показала бы по шкале Войт-Кампфа очень высокий результат.

«Сегодня вечером, — подумал Рик, щелкая выключателем, — я отправлю на покой андроида типа „Узел-6“, который будет выглядеть, в точности как эта обнаженная девушка. Боже милостивый, я стану таким же, как Фил Реч. Сначала ляг с ней в постель, а потом пристрели ее».

— Я не могу, — сказал он, пятясь от кровати.

— Очень жаль, — голос Рейчел дрогнул.

— Но не из-за тебя, а из-за Прис Страттон, из-за того, что мне придется с ней сделать.

— Но мы — не одно и то же… МЕНЯ не волнует Прис Страттон. Послушай…

Рейчел зашелестела простынями, садясь. В полумраке комнаты перед Риком проступал ее силуэт.

— ЛОЖИСЬ СО МНОЙ, И ТОГДА Я УСТРАНЮ СТРАТТОН. Хорошо? Потому что я не выдержу, дойдя до…

— Спасибо, — сказал он.

Внутри него, несомненно благодаря коньяку, поднялась волна благодарности, сжимая горло.

«Два, — подумал он, — остаются только двое. Только Бейти.

Сдержит ли Рейчел слово? Очевидно, да. Такова природа андроидов». Хотя он сам никогда не сталкивался с этим.

— Проклятье, да ложись наконец! — звала его Рейчел.

Он лег в постель.

Семнадцать

Потом они наслаждались небывалой роскошью: Рик вызвал горничную и заказал кофе. Он долго сидел в глубоком кресле, мягком, зелено-золотом с черным, и потягивал напиток, размышляя над тем, что предстояло ему в следующие несколько часов.

В ванной плескалась и напевала Рейчел, и голос ее заглушался шумом воды.

— Ты не прогадал, заключая со мной сделку, — сказала она, выключив душ.

Она возникла, нагая и розовая, в дверном проеме ванной, стягивая лентой мокрые волосы.

— Мы, андроиды, не умеем сдерживать плотскую страсть. Наверное, ты это знал. По-моему, ты просто воспользовался мною.

В ее голосе, однако, не чувствовалось гнева. Во всех отношениях это была такая же жизнерадостная, как и любая другая, девушка, знакомая Рику.

— Мы действительно должны отправиться за этими тремя сегодня вечером?

— Да.

«Двое для меня, один для тебя», — добавил Рик.

Завернувшись в гигантское купальное полотенце, Рейчел спросила:

— Тебе понравилось?

— Да.

— Ты бы лег снова в постель с андроидом?

— Если бы это была девушка и напоминала тебя.

— А ты знаешь, какова продолжительность жизни гуманоидного робота? Такого, как я? Я существую уже два года. Как по-твоему, сколько мне еще осталось?

После некоторого размышления ответил:

— Еще года два?

— Эту проблему они так и не смогли решить. Самовоспроизведение клеток. Такие дела.

Она начала яростно растираться. Лицо ее потеряло всякое выражение.

— Извини, — сказал Рик. — Мне очень жаль.

— Черт, это я виновата, что заговорила об этом. Во всяком случае, это удерживает людей от побега с андроидами.

— И к типу «Узел-6» это тоже относится?

— Это проблема обмена веществ, а не мозгового устройства.

Рейчел начала одеваться.

Он тоже оделся… Они молча поднялись на крышу, где припаркованные кары стояли под наблюдением симпатичного служащего в белой униформе.

Когда кар взял курс на Сан-Франциско, Рейчел сказала:

— Какая хорошая ночь.

— Моя коза, наверное, уже спит. А может, козы ведут ночной образ жизни? Некоторые животные никогда не спят. Овца, например. Я, по крайней мере, этого не мог заметить. Всякий раз, когда на нее смотришь, она отвечает взглядом и ждет, когда ты дашь ей что-нибудь вкусное.

— А какая у тебя жена?

Он не ответил.

— Ты…

— Если бы ты не была андроидом, — перебил ее Рик, — и если бы я мог на тебе легально жениться, я бы женился.

— Или мы жили бы в грехе, если бы я была живая.

— Юридически ты неживая, но на самом деле — живая биологически. Ведь ты не собрана из электронных контуров, как животные. Ты органическое существо.

«И через два года, — подумал он, — ты умрешь, потому что до сих пор не решена проблема регенерации клеток. Так что это не имеет значения».

— У тебя грустный вид, — сказала Рейчел.

Он погладил ее по щеке.

— Ты не сможешь больше охотиться на андроидов, — спокойно произнесла она. — Так что не грусти.

Он смотрел прямо на нее.

— Еще ни один охотник не брался за такое дело, — продолжала Рейчел, — после того, как побывал со мной в постели. Кроме одного очень циничного человека по имени Фил Реч. Кроме того, он слегка тронутый — работает сам по себе.

— Понимаю, — сказал Рик.

Он чувствовал глухоту и онемение во всем теле.

— Но это время не пропадет даром, — сказала Рейчел. — Ты познакомишься с удивительно одухотворенным человеком.

— Роем Бейти? — спросил Рик. — Ты их всех знаешь?

— Да, я знала их всех, когда они еще были живы. Теперь только троих. Мы пытались остановить тебя сегодня утром, еще до того, как ты получил список Холдена. Я попыталась еще раз перед тем, как ты убил Полокова. После этого мне оставалось только ждать.

— Пока я сам не выдержал и не вызвал тебя.

— Я и Люба Люфт были близкими подругами почти два года.

Как она тебе, понравилась?

— Да, понравилась.

— Но ты убил ее.

— Ее застрелил Фил Реч.

— О, значит, он составил тебе компанию, когда ты отправился в театр? Мы об этом не знали. Наша связь разладилась примерно в это время. Мы узнали только, что Люба убита, и предположили, что это сделал ты.

— Согласно записям Холдена, мне кажется, что я смог бы убрать Роя Бейти, но не Имград.

«И не Прис Страттон, — подумал он. — Теперь, когда я все знаю».

— То, что произошло в отеле, — сказал он, — представляло…

— Наш союз, — сказала Рейчел, — добивался воздействия на охотников здесь и в СССР. Такой способ оказался недейственным по неясным полностью для нас причинам. Это опять наша ограниченность, как мне кажется.

— Я сомневаюсь, что он действует так безотказно, как вы думаете.

— Но с тобой получилось.

— Это еще надо посмотреть.

— Я знаю, — сказала Рейчел. — Когда я увидела на твоем лице скорбь. Именно этого я и ждала.

— Сколько раз ты уже проделывала это?

— Не помню. Раз семь или восемь? Нет, кажется, девять. — Она или, скорее, оно кивнуло. — Да, девять раз.

Оттолкнув от себя руль управления, он перевел машину в планирующий спуск.

— Идея устарела, — сказал он.

Пораженная Рейчел пробормотала:

— Что?

— Такой она мне представляется. Я пристрелю тебя, — сказал он, — а потом в одиночку расправлюсь с Роем, Имград и Прис Страттон.

— Поэтому ты и снижаешься?

Затем она с нехорошим предчувствием в голосе сказала:

— За это тебе грозит большой штраф. Я являюсь собственностью компании, а не представляю собой убежавшего с Марса андроида. Я совсем не то, что остальные.

— Но, — сказал он, — если я убью тебя, то смогу убить и их.

Рука ее метнулась к сумочке. Она стала лихорадочно рыться в ней, потом сдалась и с яростью отбросила ее.

— К черту этот мешок! Никогда ничего не могу в нем найти! Ты убьешь меня без боли, осторожно? Я не буду сопротивляться.

Хорошо? Обещаю, что не буду. Ты согласен?

— Теперь я понимаю, почему Фил Реч сделал это. Он не циник, просто он слишком многое узнал, пройдя через все это. Я не виню его.

— Но он изменился не в ту сторону, в которую следовало бы, — сказала Рейчел.

Теперь она казалась более собранной, но все равно отчаяние не покидало ее. Однако пламя жизни погасло и силы покидали ее. Рик уже не раз наблюдал подобное у других андроидов. Классический случай смирения и покорности, механическое восприятие того, что живой организм с его двумя миллиардами лет эволюционного развития, побуждающего жить вопреки всему, никогда не принял бы как абсолютную неизбежность.

— Не выношу эту вашу манеру сдаваться, — грубо сказал Рик.

Кар уже завершил спуск, и Рику пришлось резко взять руль на себя, чтобы предотвратить катастрофу. Затормозив, он со скрежетом посадил аэрокар, выключил двигатель и вынул лазер.

— В основание черепа, в затылочную кость, — попросила Рейчел, — пожалуйста.

Она повернула голову так, чтобы не видеть дула лазера. Она хотела умереть, не видя смертоносного луча.

Спрятав лазер, Рик сказал:

— Я не могу. То, о чем говорил Фил Реч.

Он повернул ключ зажигания, и они взлетели.

— Если ты собираешься убить меня, — сказала Рейчел, — то не заставляй ждать.

— Я не буду тебя убивать.

Он снова направил кар к пригороду.

— Твой кар остался в отеле, не так ли? Я высажу тебя там, и ты вернешься в Сиэтл.

Ему больше нечего было сказать, и он вел машину в молчании.

— Спасибо, что сохранил мне жизнь, — сказала Рейчел через некоторое время.

— Черт возьми, ты же сама сказала, что тебе осталось жить всего два года! А мне еще лет пятьдесят. Я проживу в двадцать пять раз больше тебя!

— Но ты ведь презираешь меня, — сказала она, — за то, что я сделала. — К ней вернулась уверенность, голос вновь *обрел* силу. — Ты поступил так же, как и все остальные до тебя. Они каждый раз приходили в ярость, угрожали убить, но когда подходил решающий момент, никто из них не смел сделать этого. Так же, как ты.

Она закурила и с наслаждением вдохнула дым.

— Ты ведь понимаешь, что это значит, не так ли? Это значит, что я права: ты больше не сможешь убивать андроидов, так что лучше отправляйся домой, к жене, и немного отдохни.

И вдруг резко взмахнула рукой, стряхивая что-то с плаща.

— Ой, я уронила горячий пепел!

Рик промолчал.

— Эту козу, — продолжала Рейчел, — ты любишь больше, чем жену. Номер один — коза, потом жена и в самом конце… — Она весело рассмеялась. — Что еще остается, кроме смеха?

Он не ответил. Некоторое время они летели в молчании, потом Рейчел включила радио.

— Выключи.

— Как? Выключить Бастера Джруби с его дружелюбными друзьями, с Амандой Вернер и Отто Скрагсом! Как раз наступил момент, когда он должен сообщить нам свою грандиозную новость. — Она нагнулась, всматриваясь в циферблат часов. — Почти наступил. Ты уже слышал об этом? В последнее время он только об этом и говорил, нагнетал напряжение.

— Я только хочу сказать вам, ребята, что я сижу тут с моим другом Бастером, и мы болтаем очень весело, ожидая, когда же прозвучит самое значительное объявление, — сказало радио.

Рик выключил приемник.

— Отто Скрагс, — сказал он. — Голос разумно мыслящего человека.

Рейчел протянула руку и снова включила приемник.

— Я хочу послушать. Я намерена послушать. Это очень важно — все, что собирается сказать нам сегодня вечером Бастер Джруби.

Из динамика снова донесся голос. Рейчел Розен устроилась поудобнее. Уголек ее сигареты пылал в темноте кабины, как жук-светлячок: настойчивое, неумолимое доказательство победы Рейчел Розен. Ее победы над ним.

Восемнадцать

— Принеси сюда мои вещи, — приказала Прис Джону Р. Исидору, — и обязательно телевизор. Я хочу послушать сенсацию Бастера Джруби.

— Да, — согласилась Имград Бейти. Она была вся в движении, глаза ее горели. — Нам необходим телевизор. Мы так ждали этого вечера, и скоро все должно начаться.

— Мой собственный телевизор хорошо принимает только правительственный канал, — пояснил Исидор.

Рой Бейти, устроившийся в углу гостиной с таким видом, словно собирался оставаться в кресле до конца жизни, рыгнул и терпеливо сказал:

— Но мы хотели бы посмотреть Бастера Джруби и его друзей, Ис. Или мне лучше называть тебя Джон Р.? Во всяком случае ты нас понимаешь. Так что будь добр, принеси телевизор.

Джон Исидор в одиночестве спустился на соседний этаж. Цветок счастья, распустившийся внутри него, все еще цвел. Он впервые за всю жизнь испытал чувство необходимости.

«Теперь от меня зависят другие, — восторженно думал он, перешагивая покрытые пылью ступени. — И будет неплохо посмотреть передачу Бастера Джруби еще раз, вместо того чтобы слушать его по радио в фургоне. Да, совершенно верно, Бастер должен сообщить сегодня свою сенсационную новость. И вот благодаря Прис, Имград и Рою я увижу самую важную передачу за последние несколько лет».

Да, жизнь Джона Р. Исидора явно шла на подъем.

Он вошел в бывшую комнату Прис, отключил телевизор от сети и отсоединил антенну. Вдруг он почувствовал, как онемели его руки. В отсутствие Роя, Прис и Имград он сам словно выцвел, как будто не телевизор, а его самого отключили от сети. «Нужно непременно быть с людьми, — подумал он. — Если вообще хочешь жить. То есть, пока их здесь не было, я был в силах вынести тишину и одиночество, но теперь все изменилось, назад дороги нет. Я больше не смогу жить один. Теперь я завишу от них, и слава Богу, что они решили остаться здесь. Мне придется сходить еще раз, чтобы отнести вещи Прис».

Он решил сначала нести телевизор, а потом вернуться за вещами. Несколько минут спустя он уже шел с телевизором наверх.

Чувствуя, как руки немеют от тяжести, он установил телевизор на кофейный столик в гостиной. Прис и Бейти бесстрастно наблюдали за ним.

— В этом здании хороший прием, — пыхтел он, подключая питание и кабель антенны. — Когда я еще смотрел Бастера Джруби…

— Включи телевизор, — сказал Рой, — и немного помолчи.

Исидор сделал, как его просили, потом поспешил к двери.

— Еще раз, — объяснил он, — и *я* перенесу все, что осталось.

Он оттягивал момент, согреваясь у очага их присутствия.

— Превосходно, — далеким голосом сказала Прис.

Исидор снова отправился на нижний этаж. «Кажется, —

думал он, — они меня эксплуатируют». Но ему было все равно.

«Хорошо иметь таких друзей», — сказал он себе.

Он собрал все вещи девушки, запаковал в чемоданы, а потом трудолюбиво потащил их вверх по лестнице.

На верхней ступеньке что-то шевелилось в пыли.

Он тут же бросил чемоданы и вытащил пластиковую бутылочку из-под лекарства, которую, как и все остальные, носил с собой на всякий случай. Это был невзрачный, но живой паук. Дрожащей рукой он загнал паука в бутылочку и аккуратно закупорил ее. Конечно в крышечке имелось несколько отверстий, проткнутых с помощью иглы.

У дверей он остановился, чтобы перевести дыхание.

— Да, сэр. Время пришло. Говорит Бастер Джруби. Он надеется и верит, что вы с нетерпением ждете, когда же я поделюсь с вами сделанным открытием, которое, между прочим, было подтверждено опытными исследователями, посвятившими своей работе длительное время. Итак, внимание!

— Я нашел паука! — сообщил Исидор.

Все три андроида подняли на него глаза, оторвавшись от телевизора.

— Дай посмотреть, — сказала Прис, протягивая руку.

— Не мешайте смотреть Бастера, — перебил ее Рой Бейти.

— Я никогда не видела паука, — объясняла Прис. Она держала бутылочку двумя ладонями, рассматривая существо внутри. — Сколько у него ног! Зачем ему так много, Джон Р.?

— Все пауки такие, — ответил тот. Сердце его колотилось, он тяжело дышал. — У него восемь ног.

Поднявшись с кресла, Прис сказала:

— Знаешь, что я думаю, Джон Р.? Мне кажется, ему столько ног ни к чему.

— Восемь? — спросила Имград Бейти. — Но разве он не может передвигаться на четырех? Срежь ему четыре лишних лапки, и мы посмотрим, что получится.

Она энергично раскрыла сумочку и, достав маленькие

маникюрные ножницы, протянула их Прис.

Исидора охватил непонятный ужас.

Взяв бутылочку с пауком, на кухне Прис села за столик, сняла крышку и вытряхнула паука.

— Наверное, он уже не сможет бегать так же быстро, — сказала она, — но здесь ему все равно нечего ловить. Он умер бы в любом случае.

Она потянулась за ножницами.

— Пожалуйста… — начал Исидор.

— Он дорого стоит?

— …не увечь его, — умоляюще выдохнул он.

Прис отрезала одну из ножек паука.

Бастер Джруби в другой комнате произнес:

— Взгляните на увеличенный кадр изображения, на котором вы все узнали знакомое небо. Одну минуту, сейчас Эрл Парметр, глава моей исследовательской группы, объяснит вам смысл моего потрясающего открытия!

Прис отрезала насекомому еще одну ножку, придерживая его рукой.

Она улыбалась.

— Кадры видеоизображения, — зазвучал из гостиной новый телеголос, — будучи подвергнуты тщательному исследованию в лаборатории, показывают, что серый задний фон неба и дневной Луны, на фоне которых действует Сострадающий, не только не являются земными, они вообще созданы искусственно!

— Прис, ты все пропустишь! — тревожно позвала из комнаты Имград Бейти.

Она примчалась на кухню и замерла в дверях, увидев, чем занята Прис.

— Этим можно заняться и позже! — умоляюще сказала она. — Это очень важная передача. Все, что говорится, доказывает, что наши надежды, все, во что мы верили…

— Тише, — сказал Рой Бейти.

— …истинно, — закончила Имград.

Голос в телевизоре продолжал:

— «Луна» просто намалевана. В увеличенном кадре видны мазки краски. Существуют также улики, что сорняки, каменистая почва и камни, бросаемые в Сострадающего невидимыми преследователями, — все это в такой же степени поддельное, как и «небо» с его нарисованной «луной». Вполне возможно, что камни сделаны из мягкого пластика и не причиняют настоящих ран.

— Другими словами, — спросил Бастер, — Вилбур Сострадающий вовсе и не страдает?

Шеф исследовательской группы ответил:

— Нам удалось, наконец, обнаружить одного человека, мистер Джруби, бывшего специалиста по кинематографическим эффектам из Голливуда. Это мистер Бойд Коркотт, и он, опираясь на годы профессионального опыта, прямо утверждает, что Сострадающий может быть лишь фигурой актера, марширующего по сцене для комбинированных съемок. Коркотт объявил даже, что эта сцена ему знакома. Она находится в павильоне, который когда-то использовался одним мелким режиссером, пользовавшимся услугами Коркотта.

— Следовательно, по словам Коркотта, — уточнил Бастер Джруби, — сомнений быть не может?

Прис успела отсечь пауку уже три ноги.

Паук жалко рыскал по кухонному столу, тщетно пытаясь найти путь к свободе.

— Мы, естественно, проверили Коркотта, — сказал шеф исследовательской группы педантичным тоном, — и потратили массу времени на исследование снимков актеров, когда-то работавших в прекратившей свое существование кинопромышленности Голливуда.

— И вы обнаружили, что…

— Вы только послушайте, — сказал Рой Бейти.

Имград, словно загипнотизированная, не отрывала взгляда от экрана. Прис прекратила мучить паука.

— С помощью многих тысяч старых снимков мы выявили человека, очень похожего, хотя уже и пожилого. Это Ал Джарри. В нескольких довоенных фильмах он играл главные роли. Мы послали нашу бригаду в Ист-Хармон, Индиана, где находится дом Джарри. Пусть один из членов бригады сам расскажет, что они там обнаружили.

— Дом, стоящий на окраине города, — заговорил после некоторой паузы новый, в той же степени бесцветный и высушенный голос, — имеет крайне запущенный вид. В нем живет только Ал Джарри. Он пригласил нас войти. Когда мы устроились в гостиной, где пахло чем-то затхлым и было довольно грязно, я просканировал сознание Ала Джарри с помощью специальных средств.

— Слушайте, — настаивал Рой Бейти.

Он балансировал на самом краешке кресла, словно приготовившись прыгнуть на свою жертву.

— Я обнаружил, — продолжал техник, — что этот старик действительно снимался в серии коротких пятнадцатиминутных видеофильмов, заказанных менеджером, которого он сам никогда не видел. Как мы выяснили, камни были изготовлены из

резиноподобного пластика, «кровь» имитировалась с помощью кетчупа, и… — Тут техник хихикнул, — единственное страдание, которое довелось пережить мистеру Джарри, состояло в том, что он целый день не имел во рту ни капли виски.

На экране снова возникло лицо Бастера Джруби.

— Ал Джарри, — продолжил он, — да, преклонных лет человек, который даже в свои лучшие годы едва ли уважал сам себя. Ал Джарри создал скучный фильм, даже, собственно, целую серию таких фильмов. Для кого — он сам не знает до сих пор. Поклонники сострадания часто говорят, что Вилбур Сострадающий не является человеческим существом, а представляет собой личность высшей расы из другой звездной системы. Что же, в некотором смысле это правда. Вилбур Сострадающий — не человек, он вообще не существует на самом деле. Тот мир, в котором он совершает свое восхождение, в действительности лишь дешевая голливудская студия, которая рассыпалась в прах много лет назад. Кто же, в таком случае, произвел этот грандиозный обман? Подумайте об этом!

— Может быть, мы никогда не узнаем этого, — пробормотала Имград.

— Может быть, мы никогда не узнаем, — сказал Бастер Джруби, — и никогда не проникнем за занавес этого надувательства. Да, да! СОСТРАДАНИЕ — ЭТО НАДУВАТЕЛЬСТВО!

— Кажется, мы знаем, — начал Рой Бейти. — Сострадание возникло…

— Но подумайте вот над чем, — продолжал Бастер Джруби. — Спросите себя: что главное в сострадании, что оно дает? Если верить последователям этого течения, оно способно слить…

— Вот она, та эмпатия, которой обладают только люди! — сказала Имград.

— …мужчин и женщин всей Солнечной системы в единую чувственную единицу, которая, однако, поддается внушению посредством телепатического голоса так называемого Сострадающего. Заметьте, политический деятель с амбициями, этакий новоявленный Гитлер, мог бы…

— Нет, это все эмпатия, — с жаром сказала Имград.

Сжав кулаки, она вошла в кухню и остановилась рядом с Исидором.

— Разве это не доказывает, что люди способны на то, чего нам не дано? Потому что, не испытав этого слияния, мы должны верить вам на слово. Как там поживает паук?

Она наклонилась, заглядывая через плечо Прис. Та отрезала

еще одну ногу.

— Теперь осталось четыре, — сказала она.

Кончиком ножниц она подтолкнула паука.

— Не хочет. Может, он просто не хочет двигаться?

В дверях появился Рой Бейти. Он глубоко дышал, на его лице светилось удовлетворение.

— Готово. Бастер наконец произнес это громко и ясно. И его слышал почти каждый человек в Солнечной системе. Сострадание — надувательство. Все эти эмпатические сеансы — обман.

Он подошел к столу, с любопытством глядя на паука.

— Он не хочет ползти, — сказала Имград.

— Я его заставлю.

Рой Бейти вытащил спички, зажег одну и поднес пламя к пауку, ближе и ближе, пока покалеченное существо не поползло в сторону.

— Я правильно говорила, — сказала Имград удовлетворенно. — Он может ходить и на четырех ногах.

Она выжидающе посмотрела на Исидора.

— Что случилось?

И чуть тронула его за локоть.

— Вы ничего не потеряли? Мы заплатим за паука по… как это называется? По каталогу Сидни. Не смотрите так мрачно. Может, вы расстроились из-за передачи? Ну, отвечайте же!

Она энергично встряхнула Исидора.

— Он расстроился, — сказала Прис, — потому что у него тоже есть генератор эмпатии, он стоит в другой комнате. Ведь ты пользуешься им, Джон Р.?

— Конечно, пользуется, — сказал Рой Бейти. — Все они пользуются или пользовались им. Возможно, теперь они задумаются над этим.

— Я не думаю, что эта передача станет концом культа сострадания, — сказала Прис. — Но в данную минуту многим из людей совсем не весело. Мы ждали этого разоблачения многие месяцы.

Она замолчала, а потом добавила:

— А почему бы и нет? Ведь Бастер — один из нас.

— Андроид, — пояснила Имград. — Но об этом не знает ни один человек.

Прис отрезала еще одну ногу пауку. Неожиданно Исидор оттолкнул ее в сторону, осторожно взяв покалеченное насекомое, отнес к раковине и утопил. Исидор утопил свою надежду так же быстро, как утонул паук.

— Он действительно расстроен, — сказала Имград. — Отчего вы так смотрите, Джон Р.? Отчего вы молчите?

Она повернулась к Прис и мужу.

— Нет, когда он просто так стоит рядом с раковиной и молчит, меня это выводит из себя. Он не сказал ни слова с того момента, когда включил телевизор.

— Дело не в телевизоре, — сказала Прис, — а в пауке. Не так ли, Исидор? Ничего, пусть преодолевает депрессию.

Имград направилась в гостиную, чтобы выключить телевизор.

Рассматривая Исидора с некоторым любопытством, Рой сказал:

— Все уже позади, Ис. Я имею в виду — для Сострадающего. — Ногтями он выудил из раковины мертвого паука. — Возможно, это был последний живой паук на Земле.

Он задумался.

— Значит, и для пауков все кончено.

— Я плохо себя чувствую, — проговорил наконец Исидор.

Он достал из кухонного шкафа чашку и некоторое время стоял, держа ее в руке. Потом обратился к Рою Бейти:

— Значит, небо позади Сострадающего не настоящее, а нарисованное?

— Ты видел на экране кадр, — пояснил Рой Бейти. — Там видны мазки краски.

— Сострадание не погибло, — произнес Исидор.

С тремя андроидами было что-то не в порядке. «Паук, — подумал Исидор. — Возможно, как сказал Рой Бейти, это был последний паук на Земле. Теперь его больше нет, как нет и Сострадающего. Пыль и мусор покроют всю Землю».

Он слышал, как наступает мусоризация, конечное деформирование форм, отсутствие порядка, и ему предстояло сдаться им. Деформация наступала, а он все стоял, держа в руке фарфоровую чашку. Кухонные шкафы заскрипели и пошли трещинами, и он почувствовал, как просел под ногами пол.

Протянув руку, он тронул стену.

Поверхность стены была трухлявой. На пол посыпались частички серой штукатурки, словно радиоактивная пыль, оседающая с неба на землю. Он сел за стол, и ножки стула, как прогнившие трубки, подкосились.

Вскочив, он попытался выправить ножки стула, но тот рассыпался в его руках, и на пол посыпались шурупы и скрепляющие части. Исидор увидел, что поставленная на стол чашка треснула, покрылась паутиной микротрещин, а потом от стенки отскочил кусочек, обнажая неглазурованную поверхность.

— Что он делает? — донесся издалека голос Имград Бейти. — Он же разрушает все вокруг! Исидор, стойте!

— Это не я, — ответил он.

Нетвердыми шагами он вышел в гостиную, чтобы остаться одному. Остановился у сломанной кушетки и уставился на желтую стену в пятнах, оставленных когда-то ползавшими по ней клопами.

И вспомнил о мертвом четырехногом пауке. «Все пришло в негодность, — понял он. — Все начало разрушаться очень давно, и теперь упадка не остановить. Мертвый паук победил».

В провалах, образовавшихся из-за просевшего пола, показались части тел мертвых животных: голова вороны, мумифицированные руки, когда-то бывшие руками обезьяны. Неподалеку стоял ослик, внешне словно живой. Он еще не начал разлагаться. Исидор направился в ту сторону, ощущая, как хрустят под ногами хрупкие, будто высохшие стебли, кости мертвых животных. Не успел он добраться до ослика — любимого им животного, как иссиня-черный ворон слетел откуда-то сверху, устроившись прямо на голове беззащитного ослика.

— Не надо! — громко крикнул Исидор, но ворон быстро выклевал ослику глаза.

«Опять, — подумал Исидор. — Это снова произошло со мной. Я еще долго не выберусь отсюда, как в прошлый раз. Это всегда бывает долго, потому что здесь, внизу, ничто не меняется и даже не разлагается».

Зашелестел пересохшей кучей костей ветер, и кости стали рассыпаться. «Даже ветер способен разрушить их, — подумал он, — когда пришло время. Если вспомнить, как отсюда выбраться…»

Подняв голову, он увидел, что схватиться ему не за что.

«Сострадающий, — подумал он, — где ты? Это могильный мир, и я снова здесь, но на этот раз тебя со мной нет».

Что-то ползло по его ноге. Он наклонился, всматриваясь, и обнаружил искалеченного паука, толчками передвигающегося на трех оставшихся ножках. Он поднял его и положил себе на ладонь. «Кости, — подумал он, — превращаются в плоть. Паук ожил».

Сострадающий, видимо, был неподалеку.

Снова подул ветер, ломая оставшиеся кости, но Исидор уже ощущал присутствие Сострадающего. «Приди же, — позвал он его, — поползли по моей ноге или найди другой путь, но приди ко мне, Сострадающий!» Он громко произнес:

— Сострадающий!

По всей планете наступали сорняки, ввинчиваясь в щели руин, оплетая разрушенные стены, пока не превращались в собственные семена. Семена лопались, посылая вперед новые стебли, покрывая собой осколки стали и обломки бетона на том

месте, где раньше были стены.

Когда стены исчезли, осталось опустошение. Все вокруг было пустым, кроме фигуры Сострадающего. Старик стоял перед Исидором с безмятежным выражением лица.

— Небо действительно было нарисованным? — спросил Исидор.

— Да.

— Но я не вижу мазков.

— Ты стоишь слишком близко, — сказал Сострадающий. — Нужно уйти подальше, к андроидам. У них лучше перспектива.

— Поэтому они и утверждают, что ты подделка?

— Я подделка. Они говорят правду. С их точки зрения. Они все добросовестно исследовали. С их точки зрения, я всего лишь отставной актер Ал Джарри. И разоблачение совершенно верно. Они взяли у меня интервью, и я рассказал им все, что они хотели знать, всю правду.

— Даже насчет виски?

Сострадающий улыбнулся.

— Они хорошо поработали. С их точки зрения, разоблачение Бастера Джруби выглядит убедительно. Но им было трудно понять, почему же тогда ничего не изменилось, почему я все еще здесь, с тобой.

Описав рукой полукруг, Сострадающий указал на опустошенные холмы.

— Я поднял тебя из могильного мира и буду поднимать до тех пор, пока ты не отступишь. Но тебе придется перестать искать меня, потому что я никогда не перестану искать тебя.

— Мне не нравится насчет виски, — сказал Исидор, — это унизительно.

— Это потому, что ты — высокоморальный человек, а я — нет. Я не берусь судить даже тебя.

Сострадающий протянул руку вперед ладонью вверх.

— Чтобы не забыть… Это тебе.

На его руке покоился паук, но теперь у него все восемь ног были целы.

— Спасибо.

Исидор взял паука. Он хотел сказать что-то еще…

Зазвенел сигнал аварийной сигнализации.

— В доме охотник! — каркнул Рой Бейти. — Выключить все лампы! Оттащите его от генератора эмпатии. Он должен стоять наготове у двери. Тащите его скорее!

Девятнадцать

Опустив глаза, Джон Исидор увидел собственные руки, сжимающие рукоятки генератора эмпатии. Пока он непонимающе смотрел на них, комната погрузилась во тьму. Он увидел, как Прис метнулась к настольной лампе, чтобы выключить ее.

— Послушайте, Джон Р.

Имград стояла рядом. Она схватила его за плечо, ногти впились ему в мышцы. Казалось, она не сознавала, что делает. В смутном отблеске окна ее лицо исказилось и стало асимметричным, плоским, как тарелка, с жалкими, трусливыми, маленькими глазками, лишенными век.

— Ты должен подойти к двери, — прошептала она. — Когда он постучит, ты покажешь ему свои документы и скажешь, что в этой квартире ты один. Потребуй у него ордер на обыск!

Прис, стоявшая с другой стороны, добавила:

— Не позволяйте ему войти, Джон Р. — Тело ее судорожно дернулось. — Сделай, что угодно, только останови его. Ты понимаешь, что сделает охотник, если прорвется сюда? Ты понимаешь, что будет с нами?

Отодвинувшись от двух андроидов-женщин, Исидор ощупью добрался до двери.

Пальцы его нащупали ручку, он остановился, прислушиваясь. Он чувствовал, что холл за дверью оставался таким же, каким он его чувствовал всегда: пустой, гулкий и безжизненный.

— Что-нибудь слышно? — спросил Рой Бейти, нагнувшись к нему. Исидор чувствовал неприятный запах страха, который словно изливался из андроида, образуя нечто вроде дымки. — Выйди и посмотри.

Открыв дверь в коридор, Исидор посмотрел в оба конца сумрачного холла. Снаружи воздух казался свежим, несмотря на запыленность. Он все еще держал в руке паука, которого дал ему Сострадающий.

Был ли это тот же паук, которому отрезала ноги Прис? Возможно, и нет. Он никогда не узнает правды. Но в любом случае это был *живой* паук. Он ползал внутри кулака и не кусал Исидора: как и у большинства маленьких пауков, его жало не могло пробить кожу руки.

Исидор достиг конца холла, спустился и вышел наружу, где раньше находилась терраса-балкон с садом. Сад исчез во время войны, а балкон треснул. Но Исидор знал безопасный маршрут. Он миновал часть фасада здания, подойдя к единственному клочку зелени в округе — квадратному ярду засыхающих,

покрытых пылью сорняков.

Здесь он выпустил паука. Он чувствовал щекотку, когда паук сползал с ладони.

Итак, с этим покончено.

Вспыхнул луч фонарика и сфокусировался на сорняках. В луче света их стебли приобрели зловещий вид. Теперь Исидор видел паука — тот отдыхал на листке.

— Что вы делаете? — спросил человек с фонарем.

— Выпускаю паука, — ответил Исидор.

Он удивился: разве этот человек не видит сам? В свете желтого луча паук казался крупнее, чем был на самом деле.

— Зачем?

— Чтобы он мог убежать.

— Почему бы вам не забрать его с собой и не посадить в банку? По январскому выпуску Сидни почти все пауки подскочили в цене на десять процентов. Вы могли бы выручить за него около сотни долларов.

— Если я отнесу его обратно, — сказал Исидор, — она разберет его на части, кусочек за кусочком, чтобы посмотреть, что он будет делать.

— Это андроиды так поступают, — сказал мужчина с фонариком. Он сунул руку в карман и вытащил удостоверение.

— Я следователь Департамента полиции Рик Декард.

В неверном свете фонарика охотник казался обыкновенным человеком, совсем не впечатляя. Круглое лицо, бритое, обычные черты — обыкновенный клерк в какой-то фирме. Держится свободно, и вовсе не полубог, каким его представлял себе Исидор.

Мужчина захлопнул свое удостоверение и сунул его обратно в карман.

— Они там, наверху? Все трое?

— Понимаете, дело в том, — сказал Исидор, — что я за ними присматриваю. Двое из них женщины. Они последние, остальные члены их группы погибли. Я принес телевизор из комнаты Прис, чтобы они могли посмотреть Бастера Джруби. Джруби доказал, без всяких сомнений, что Сострадающего не существует.

Исидор был возбужден, ему была известна такая важная новость, а охотник наверняка ее не слышал.

— Пойдем наверх, — сказал Декард.

Он внезапно направил на Исидора ствол лазера, потом нерешительно отвел его в сторону.

— Ты ведь специал, не так ли? Недоумок?

— Но у меня есть работа. Я вожу фургон доставки… — Он с ужасом обнаружил, что забыл название лечебницы, —

ветеринарной лечебницы Ван-Несса, которой владеет Ганнибал Слоут.

— Вы покажете мне, в какой они квартире? — спросил Декард. — Здесь более тысячи квартир. Вы сберегли бы мне массу времени.

Голос его был тихим от усталости.

— Если вы убьете их, то никогда больше не сможете сливаться с Сострадающим, — сказал Исидор.

— Значит, не покажете? На каком этаже? Скажите только этаж. Я сам разберусь, где они.

— Нет, — сказал Исидор.

— По государственному и федеральному законодательству… — начал Рик. Потом замолчал и решил больше не продолжать допроса. — Спокойной ночи, — сказал он.

Он пошел вверх по ступеням, фонарик бросал луч на размытую световую тропу.

Оказавшись внутри блока, Рик выключил фонарик. В свете редких лампочек на потолке он двинулся по холлу, размышляя. «Недоумок понимает, что они — андроиды. Он знал это до того, как я ему сказал. Но он не понимает. А кто понимает? Я? Понимаю ли я? И один из них будет копией Рейчел. Возможно, с ней жил специал. Интересно, как это ему понравилось? Возможно, это как раз тот андроид, который, как боялся специал, мог бы покалечить его паука. Я мог бы вернуться и забрать паука. Я никогда еще не находил настоящего дикого животного. Должно быть, это фантастическое ощущение — смотреть и видеть что-то движущееся. Быть может, когда-нибудь это случится и со мной, как случилось с ним».

Он взял с собой подслушивающее устройство. Теперь он установил его на пол — вращающийся тупорылый детектор и блиц-экран. В тишине холла экран был пуст. «Не на этом этаже», — сказал он себе. Он переключил детектор на вертикаль. По вертикальной оси тупая морда принимала слабый сигнал. Наверх. Он собрал приборы, взял чемоданчик и поднялся на следующий этаж.

В тени таилась фигура, ожидавшая его появления.

— Если ты шевельнешься, я отправлю тебя на покой, — сказал Рик.

Это был андроид-мужчина, и он ждал Рика. Лазер в руках Рика стал таким тяжелым, что он не смог бы поднять его и прицелиться. Он был застигнут врасплох.

— Я не андроид, — сказал человек в тени. — Меня зовут Сострадающим. — Он вышел в освещенную зону. — Я обитаю в этом доме из-за мистера Исидора, специала, у которого был паук.

Вы разговаривали с ним там, снаружи.

— Разве я теперь вне сострадания? — спросил Рик. — Так мне сказал недоумок. Из-за того, что собираюсь сейчас проделать.

— Мистер Исидор говорит от своего имени, а не от моего, — сказал Сострадающий. — Вы делаете то, что должно быть сделано, я уже говорил вам.

Подняв руку, он указал за спину Рика:

— Я пришел сюда, чтобы предупредить вас. Один из них притаился у вас за спиной, и ниже, не в квартире. Это самый трудный андроид из трех, и вы должны убрать его первым.

Усталый древний голос вдруг обрел пыл:

— Быстрее, мистер Декард! НА ЛЕСТНИЦЕ!

Выставив перед собой ствол лазера, Рик развернулся на полусогнутых ногах, оказавшись лицом к лестничному проему.

Вниз по ступенькам плавно сбегала женщина. Он узнал ее и опустил лазер.

— Рейчел, — сказал он.

Он был поражен. Неужели она последовала в своем каре за ним и выследила его? Но зачем?

— Возвращайся в Сиэтл, — сказал он. — Оставь меня в покое. Сострадающий сказал, что я должен сделать это!

Но тут он увидел, что это не Рейчел.

— Ради всего, что мы значили друг для друга, — сказал андроид. Он приближался к Рику, словно для того, чтобы вцепиться в него.

«Одежда другая, — подумал Рик, — но глаза те же. И она не одна такая, их может быть целый вагон. И у каждой свое имя, но все как две капли воды похожи на Рейчел Розен. Рейчел — один из прототипов, используемый компанией для производства остальных копий».

Он выстрелил в нее почти с жалостью, когда андроид бросился к нему. Он словно лопнул, куски полетели во все стороны. Рик закрыл лицо и голову руками, а потом, открыв их, увидел, как по ступеням катится лазерный излучатель андроида. Металлический цилиндр, подпрыгивая, катился со ступеньки на ступеньку, и звук становился все слабее и слабее. «Самый трудный из трех», — сказал Сострадающий. Рик оглянулся по сторонам, всматриваясь, не стоит ли тот там. Но старик исчез. «Они могут преследовать меня с помощью Рейчел Розен до тех пор, пока я не умру или этот прототип морально устареет. Интересно, что произойдет раньше? Теперь остальные. Сострадающий сказал, что один был вне квартиры. Он оберегает меня! Он возник и помог мне. Оно прикончило бы меня, если бы не он. Теперь я справлюсь с остальными. Самое трудное позади.

Она знала, что я не смогу этого сделать, но я смог, и теперь все позади. Я сделал невозможное. Бейти я могу выследить стандартными способами. Это будет нелегко, но я справлюсь».

Он стоял один в пустом холле.

Сострадающий покинул его, потому что исполнил свой долг. Рейчел, вернее, Прис Страттон, лежала на ступеньках в виде отдельных кусков и частей тела. Он остался один.

Где-то в здании его ждали супруги Бейти. Они понимали, что произошло. Возможно, они уже испугались. Все происшедшее было их реакцией, их попыткой воздействовать на него. Если бы не Сострадающий, она бы удалась.

Теперь для них пришел конец.

Он понял, что нужно действовать быстро. Он побежал вдоль холла, и детектор тут же зарегистрировал наличие энцефалографической активности. Значит, он нашел нужную квартиру. Теперь детектор был ему больше не нужен. Он отбросил чемоданчик и забарабанил в дверь.

Из-за нее донесся мужской голос:

— Кто там?

— Это мистер Исидор, — сказал Рик. — Пустите меня, потому что я за вами присматриваю и двое из вас — женщины.

— Мы не откроем дверь, — послышался голос женщины.

— Я хочу посмотреть Бастера Джруби по телевизору Прис, — сказал Рик. — Теперь, когда он доказал, что Сострадающего не существует, очень важно всегда смотреть его передачи. Я вожу фургон в ветеринарной лечебнице Ван-Несса. Ею владеет Ганнибал Слоут. — Он начал подделываться под заикание мистера Исидора. — Это *моя* квартира.

Он подождал, и дверь приоткрылась.

Внутри было темно, и смутно проступали два силуэта. Одна фигура, пониже ростом, сказала женским голосом:

— Сначала вы должны провести тесты.

— Слишком поздно, — сказал Рик.

Высокая фигура попыталась закрыть дверь силой, одновременно включив какое-то электронное устройство.

— Нет, — сказал Рик. — Я должен войти.

Рик позволил Рою Бейти выстрелить один раз. Луч прошел мимо него.

— Теперь вы потеряли законное право на тест, — сказал Рик. — Вы первые выстрелили в меня. Сначала вам нужно было заставить меня провести тест, но теперь это уже не имеет значения.

Бейти снова выстрелил, но промахнулся, бросил лазер и

побежал куда-то в глубь темной квартиры, возможно, к другому электронному аппарату.

— Почему Прис не убила вас? — спросила миссис Бейти.

— Прис не существует, — сказал он. — Есть только Рейчел Розен, снова и снова.

В ее руке он заметил блеск ствола лазера. Его незаметно передал Рой Бейти, надеясь заманить Рика в квартиру и пристрелить сзади.

— Простите, миссис Бейти, — сказал Рик и выстрелил в нее.

В соседней комнате Рой Бейти завопил от бессильной ярости.

— Ладно, ты любил ее. А я любил Рейчел, а специал любил Прис — вторую Рейчел Розен.

И выстрелил в Роя. Большое мужское тело тяжело опрокинулось, словно набор отдельных предметов, врезалось в кухонный столик и рухнуло на пол вместе с тарелками и прочей утварью. Рефлексные контуры заставили тело еще несколько раз дернуться, но андроид был уже мертв.

Рик не обращал на него внимания. Он не заметил и другой труп, у двери, труп Имград Бейти. «Я покончил с последним, — осознал он вдруг. — Шесть за один день. Почти рекорд. Теперь все кончилось, и я могу пойти домой, к моей Ирен и нашей козе. На некоторое время у нас будет достаточно денег».

Он присел на кушетку. Через некоторое время в дверях показался мистер Джон Р. Исидор, специал. Рик все еще продолжал сидеть неподвижно посреди пустой квартиры.

— Лучше не смотрите, — сказал он.

— Я видел там, на лестнице, Прис…

Специал плакал.

— Не принимайте это близко к сердцу, — сказал ему Декард.

Он с трудом поднялся с кушетки. Голова шла кругом.

— Где тут у вас телефон?

Специал не ответил. Рик сам отыскал аппарат и набрал номер Гарри Брайанта.

Двадцать

— Отлично, — сказал Гарри Брайант. — Теперь тебе нужно отдохнуть. За телами андроидов мы вышлем патрульный кар.

Рик Декард повесил трубку.

— Андроиды тупы, — с яростью сказал он специалу. — Рой Бейти не мог отличить меня от вас, поэтому и открыл дверь. Полиция все здесь уберет. Может быть, вам следует перейти в другую квартиру, пока они не закончат? Едва ли вам будет приятно оставаться здесь…

— Я уезжаю отсюда. Я хочу жить ближе к центру, где много людей.

— Я думаю, в моем жилом блоке найдутся свободные квартиры.

— Я не хочу жить рядом с вами, — выдавил, заикаясь, Исидор.

— Выйдите в холл, — сказал Рик, — или на крышу. Не нужно оставаться здесь.

Специал тянул, не зная, что делать.

Лицо его отражало целую гамму чувств.

Потом, повернувшись, он вышел, оставив Рика в одиночестве.

«Что за работа! — думал Рик. — Я — наказание, посланное небом, как голод или чума. Куда бы я ни направлялся, за мной следует древнее проклятие. Как сказал Сострадающий, мне приходится делать плохие дела. Все, что я делал с самого начала, было плохо и неправильно. Что ж, в любом случае пора отправляться домой. Возможно, там, с Ирен, я смогу забыться».

Когда он вернулся домой, на крыше блока его встретила Ирен. Она выглядела странно и необычно. За все годы супружества он никогда не видел ее такой.

Обняв ее за плечи, Рик сказал:

— Все позади, и я подумал, что Гарри Брайант мог бы перевести меня…

— Рик, — сказала она, — я должна тебе кое-что сказать. Мне очень жаль, но наша коза погибла.

Почему-то он даже не удивился, только почувствовал себя хуже — к давлению, навалившемуся на него со всех сторон, прибавилась еще одна весомая часть.

— Кажется, в контракте есть пункт о гарантии, — сказал он. — Если в течение девяноста дней животное…

— Она не заболела. Кто-то… — Ирен откашлялась и хрипло проговорила: — Кто-то проник сюда, вывел козу из клетки и подтащил к краю крыши.

— И столкнул вниз?

— Да.

Ирен кивнула.

— Ты видела, кто это сделал?

— Да, я очень хорошо ее рассмотрела. Барбур в этот момент еще возился со своей лошадью. Он позвал меня. Мы вызвали полицию, но она уже улетела. Невысокая молодая девушка с темными волосами, большими черными глазами, очень тонкая, одетая в черный чешуйчатый плащ. У нее была сумка через плечо, вроде почтовой. Она даже не очень пряталась, словно ей было все равно.

— Да, ей было все равно, — сказал Рик. — Рейчел было наплевать, увидишь ты ее или нет. Возможно, она даже хотела, чтобы ты ее заметила, чтобы я знал, кто это сделал. — Он поцеловал жену. — Ты все это время ждала меня здесь, наверху?

— Всего полчаса. Это случилось всего полчаса назад.

Ирен нежно вернула ему поцелуй.

— Как это ужасно и бессмысленно.

Рик повернулся к своему кару, открыл дверцу и сел за руль.

— В этом есть смысл, — сказал он. — У нее была причина, по ее мнению.

«По мнению андроида», — подумал он про себя.

— Куда ты? Разве ты не пойдешь домой? Только что по телевизору Бастер Джруби сделал просто шокирующее заявление. Он утверждает, что Сострадающий — надувательство. Что ты думаешь об этом, Рик? Это правда?

— Все правда, — ответил он. — Все, что кто-то когда-то придумал.

Он резко повернул ключ зажигания.

— С тобой будет все в порядке?

— Со мной будет все в порядке, — ответил он.

И подумал: «И я умру. Оба утверждения одинаково верны». Он захлопнул дверцу, махнул Ирен рукой и умчался в ночное небо.

«Когда-то, — подумал он, — я бы увидел звезды. Но могло случиться это только много лет назад. Сейчас везде висит пыль, и никто давно уже не видел звезд, по крайней мере с Земли. Может быть, я отправлюсь туда, откуда можно видеть звезды».

Двадцать один

В свете раннего утра перед ним, насколько хватало глаз, простиралась бесплодная серая равнина. Валуны величиной с дом накатились друг на друга да так и замерли. «Это похоже на склад, — думал Рик, — когда весь груз уже отправлен и остались одни упаковки, контейнеры, сами по себе ничего не значащие. Когда-то здесь были поля, паслись животные. Да, именно так — паслись животные! Какое странное место для того, чтобы умереть».

Он опустил кар ниже и некоторое время летел параллельно земле.

«Что бы сказал обо мне в такой момент Дейв Холден? В каком-то смысле я сейчас величайший охотник на андроидов за всю историю нашей профессии. Еще никому не удавалось отправить на покой шесть андроидов типа „Узел-6“ в течение двадцати четырех часов, и никто, вероятно, не сможет повторить это достижение».

Впереди плавно поднялся покрытый пылью и камнями склон холма. Когда земля угрожающе приблизилась, Рик взял руль на себя.

«Нельзя так много летать, — подумал он. — Усталость. Надо вызвать Дейва Холдена».

Он выключил зажигание, некоторое время планировал, а потом посадил кар. Тот, запрыгав среди камней, замер, заскрежетав шасси.

Подняв трубку видеофона, он набрал номер коммутатора управления.

— Дайте мне госпиталь в Маунт-Сион, — попросил он.

На экране появилась новая телефонистка.

— Госпиталь Маунт-Сион.

— У вас лежит больной по имени Дейв Холден. Могу ли я поговорить с ним? Как он себя чувствует?

— Минуту, сэр, я проверю.

Экран потемнел.

Рик вдохнул щепотку специальной нюхательной смеси доктора Джонсона. Ментол с утра имел отвратительный привкус.

Он опустил окно кара и выбросил на кучу битой гальки маленькую желтую жестянку с порошком.

— Нет, сэр, — сказала оператор. Она снова возникла на экране. — Доктор Коста считает, что состояние мистера Холдена не позволяет ему говорить по фону даже в чрезвычайных случаях.

— Дело касается управления полиции, — сказал Рик. Он

поднес к экрану карточку удостоверения.

— Одну минуту, сэр.

Оператор снова исчезла. Время шло.

Рик зябко повел плечами. Без отопления в кабине температура начала быстро падать.

— Доктор Коста говорит, что мистер Холден не может…

— Ладно, — сказал Рик.

Он повесил трубку. Пахло чем-то отвратительным.

Декард поднял стекло.

«Дейв действительно вышел из игры, — подумал он. — Как это они не прикончили меня? Наверное, я действовал быстро, а они этого не ожидали. Все за один день. Гарри Брайант был прав».

В кабине кара стало холодно, он открыл дверцу и вышел наружу. Неожиданный, нездоровый ветер просочился сквозь одежду. Рик стал ходить, потирая замерзшие руки.

«Но мне было бы приятно, если бы Дейв похвалил меня, — осознал Рик. — Он бы поддержал меня, оценил бы мои действия. Но он понял бы и другое, чего, как мне кажется, не понимает и Сострадающий. Для Сострадающего все легко, потому что он принимает все, как есть. Ему ничто не чуждо. Но то, что я сделал, чуждо мне самому. Собственно, я весь теперь ложь и неестественность. Мое „я“ теперь мне чужое».

Он шел дальше и дальше вверх по склону холма, и с каждым шагом давивший на него груз увеличивался.

«Я слишком устал, — подумал он, — чтобы еще карабкаться на этот холм».

Остановившись, он стер с лица пот и соленые слезы, которые, казалось, лились со всего тела. Потом, рассердившись на себя, плюнул с яростью и презрением к самому себе, прямо на голую землю. Затем продолжил свое восхождение по одинокой и незнакомой местности вдали от остального мира.

Здесь был только он, и больше ничего живого.

Жара. Неожиданно он почувствовал, что стало жарко. Видимо, прошло немало времени.

И голод. Он уже бог знает сколько времени ничего не ел. Жара и голод объединились в ядовитое чувство, напоминающее поражение.

«Да, — подумал Декард. — Так оно и есть. Каким-то образом я потерпел поражение — потому что убивал андроидов. Или потому, что Рейчел убила мою козу?»

Он не знал ответа.

По мере продвижения вперед его сознание окутывала смутная дымка галлюцинаций. Рик вдруг обнаружил, что стоит в шаге от

края пропасти. Падение в нее было бы смертельным. Он не представлял себе, как это могло получиться. «Беспомощное и унизительное падение вниз, — подумал он. — И никто бы меня не нашел».

Здесь не было никого, кто мог бы оценить всю глубину его деградации, и мужество, которое может проявиться в конце этого процесса, тоже останется незамеченным. Мертвые камни, покрытые пылью сорняки ничего не замечали, ничего не могли заметить ни в нем, ни в себе.

В это мгновение первый камень — он не был из резины или мягкого пенопласта — ударил его в пах.

Боль, настоящее понимание своего одиночества и абсолютности страдания коснулись его со всей неприкрытой жестокостью. Он остановился, но потом, побуждаемый чем-то недоступным пониманию, продолжил подъем.

«Качусь, как камень. Я двигаюсь без участия собственной воли. Но это ничего не значит».

— Сострадающий, — выдавил он, задыхаясь.

Декард остановился и замер. Впереди проступила смутная фигура.

— Вилбур Сострадающий, это ты?

«Боже, — понял вдруг Рик, — это же моя тень! Мне надо выбраться отсюда. Вниз, по склону…»

И начал спускаться.

Один раз он упал, и облако пыли затянуло все вокруг. Он бросился бежать — прочь от этой пыли, спотыкаясь на ненадежной гальке. Впереди он увидел свой кар.

«Я вернулся, — сказал он себе. — Я спустился с холма».

Он отворил дверцу и втиснулся в кабину. «Кто же бросил в меня камень? Никто. Почему же это так меня беспокоит? Со мной уже случалось подобное во время слияний, когда я пользовался генератором эмпатии. Ничего нового. Ничего? Но ведь на этот раз я не пользовался генератором — я был один».

Дрожа, он извлек из перчаточного отделения новую банку нюхательной смеси. Откупорив ее, он взял большую щепоть порошка. Рик отдыхал, сидя наполовину в каре, наполовину снаружи. Ноги его стояли на пыльной высохшей земле.

«Не стоило сюда соваться», — подумал он, почувствовав, что слишком устал, чтобы лететь домой.

«Если бы я только мог поговорить с Дейвом, со мной было бы все в порядке. Я смог бы выбраться отсюда. У меня по-прежнему есть работа и электрическая овца. Будут новые андроиды, и я отправлю их на покой. Моя работа еще не окончена — я еще не устранил последнего анди на Земле. Возможно, в этом-то все и

дело. Я боюсь, что их больше ни одного не осталось».

Он посмотрел на часы. Было девять тридцать. Сняв трубку видеофона, он набрал номер Дома правосудия.

— Мне нужно поговорить с инспектором Брайантом, — сказал он телефонистке управления, мисс Уайлд.

— Инспектор Брайант вылетел в своем каре, но видеофон его не отвечает. Видимо, он покинул машину.

— Он не сказал, куда направляется?

— Что-то насчет андроидов, которых вы отправили на покой прошлой ночью.

— Дайте мне моего секретаря, — попросил он.

Секунду спустя на экране появилась мисс Марстен.

— О, мистер Декард, мистер Брайант пытался найти вас. Кажется, он собирается представить вас начальству в списках отличившихся, поскольку…

— Я знаю, что я сделал, — сказал Рик.

— До сих пор это еще никому не удавалось. Да, мистер Декард, еще вам звонила ваша жена. Она спрашивала, все ли с вами в порядке. У вас все в порядке?

Рик ничего не ответил.

— Во всяком случае, — рассудительно заметила мисс Марстен, — вам следует ей позвонить. Она просила передать, что будет ждать вас дома.

— Вы слышали, что случилось с моей козой?

— Нет, я даже не знала, что у вас есть коза.

— Они забрали мою козу, — сказал Рик.

— Кто? Похитители животных? Мы только что получили донесение — новая крупная банда, преимущественно подростки, действует в районе…

— Похитители жизни, — сказал он.

— Я не понимаю вас. — Мисс Марстен внимательно посмотрела на него. — Мистер Декард, у вас ужасный вид. Вы такой усталый, и… Боже, у вас течет кровь!

Подняв руку, Рик заметил кровь. Видимо, в него попал не единственный камень.

— Вы выглядите, — сказала мисс Марстен, — как Вилбур Сострадающий.

— Да, — сказал он, — я и есть Вилбур Сострадающий, я соединился с ним и теперь не могу разъединиться. Я нахожусь где-то в районе границы со штатом Орегон.

— Выслать кого-нибудь? Я вызову патрульный кар, он подберет вас.

— Нет, — сказал он. — Я больше не работаю в управлении.

— Мистер Декард, — мягко сказала секретарша, — вы

переутомились. Вам необходимо лечь в постель и отдохнуть. Вы наш лучший охотник, мистер Декард, самый лучший охотник за все время существования управления. Я передам инспектору Брайанту, что вы отправились домой, отдыхать. И немедленно позвоните жене. Она ужасно волнуется, честное слово, мистер Декард. Вы оба в ужасном состоянии.

— Это все из-за козы, — сказал он. — Это не из-за андроидов. Рейчел ошиблась: мне не трудно было устранить их. И специал тоже ошибся, что я не смогу больше сливаться с Сострадающим. Прав был только сам Вилбур.

— Вам бы лучше вернуться сюда, мистер Декард, поближе к людям. Там, в Орегоне, совершенная пустыня, не так ли? Вы ведь там совершенно один?

— Как странно, у меня была полная иллюзия, что я сам превратился в Сострадающего, и теперь в меня самого швыряют камни. Но только это было совсем не то чувство, которое испытываешь, держа рукоятки генератора. Тогда чувствуешь, что ты — рядом с Сострадающим. Но на этот раз его не было. Я был действительно *один*.

— Теперь говорят, что Сострадающий — надувательство.

— Нет, не надувательство, — сказал Рик. — В противном случае, сама реальность — надувательство.

«Холм, — подумал он, — пыль и камни — все совершенно разные».

— Я боюсь, — сказал он, — что теперь не смогу рассоединиться с Сострадающим. Стоит только начать — и отступать будет поздно.

«Неужели мне снова придется карабкаться на холм? — подумал он. — Вечный подъем, как это делает Сострадающий в ловушке Вечности».

— До свидания, — сказал он и хотел уже повесить трубку.

— Вы позвоните жене? Обещаете?

— Да. — Он кивнул. — Спасибо, Энн.

И повесил трубку.

«В кровать, отдохнуть. В последний раз я ложился спать с Рейчел. Нарушение закона. Половые сношения с андроидом. Абсолютно запрещено и здесь и в колониях. Сейчас она, наверное, вернулась домой в Сиэтл, в компанию к другим Розенам, настоящим и андроидам. Если бы я мог сделать с ней то, что она сделала со мной! Но с андроидами это не получится, потому что им все равно. Если бы я убил тебя прошлой ночью, моя коза была бы жива. Вот когда я принял неправильное решение! Да, все началось с этого момента и с того, когда я лег с ней в постель. Но ты была права в одном отношении: я действительно изменился,

но не так, как предполагала Рейчел. Все получилось гораздо хуже, но тем не менее мне это безразлично. После того, что случилось на склоне холма, я больше не волнуюсь. Интересно, что произошло бы, если бы я стал подниматься и достиг бы вершины? Именно там, кажется, умирает Сострадающий? Но если я действительно Сострадающий, я никогда не умру. Сострадающий БЕССМЕРТЕН».

Сняв трубку, чтобы позвонить жене, он замер.

Двадцать два

И положил трубку на рычаг. Глаза его были устремлены в одну точку.

По серой пыльной земле что-то двигалось: маленькое вздутие, холмик между двумя валунами.

«Животное», — сказал он себе. Сердце бешено заколотилось, когда он осознал происходящее. «Я знаю, что это. Я видел их только в старых фильмах, которые показывают по правительственному каналу. Но они ведь вымерли!»

Он быстро вытащил свой помятый экземпляр каталога Сидни и дрожащими пальцами принялся листать его:

«ЖАБЫ (буффониды) — все разновидности вымерли».

Они вымерли много лет тому назад.

Это самое любимое Вилбуром Сострадающим существо, наряду с ослами. Но лягушек и жаб он любил больше всего.

«Мне нужна коробка!»

Он порылся на заднем сиденье, но ничего не нашел. Рик вышел из кара, открыл багажник и нашел топливный насос, запакованный в картонную коробку. Он вытряхнул его, положил в коробку немного ветоши и начал подкрадываться к жабе. Она полностью сливалась с окружающей пылью.

Возможно, она эволюционировала, приспособившись к новому климату. Если бы она не двигалась, он бы никогда ее не заметил. А ведь он сидел всего в двух ярдах от нее. «Если вы находите животное, — подумал он, — которое считается вымершим, то что? Это случается очень редко. Что-то случается, такое важное, вроде почетного ордена, „Звезды“ от ООН, премии до миллиона долларов. К тому же найти существо, самое дорогое для Сострадающего! Боже, этого не может быть! Возможно, радиация добралась и до моего мозга и теперь я — специал? Со мной происходит то же, что и с Исидором, этим недоумком, и его пауком. Или все это подстроено Сострадающим? Нет, я сам нашел эту жабу, потому что смотрел на нее глазами Сострадающего».

Он присел рядом с ней на корточки.

Она выкопала в земле углубление и теперь снаружи была только верхушка головы и глаза.

Обмен веществ в ее теле, видимо, приостановился, жаба погрузилась в транс и не ощущала присутствия человека.

«Она умерла от жажды!» — в ужасе подумал Рик.

Но жаба шевельнулась, он опустил коробку и начал осторожно сметать с нее пыль. Она, казалось, ничего не имела против. Животное не сознавало, что происходит.

Подняв жабу, Рик ощутил ее необычную прохладность. Тело ее казалось сморщившимся и сухим и таким холодным, как будто она жила под землей, в миле от поверхности, и никогда не видела солнца.

Жаба заворочалась, вяло попыталась освободиться, чтобы ускакать.

«Какая большая, — подумал Рик. — Взрослая, опытная жаба, способная выжить там, где, кажется, уже никто не живет. Интересно, где она находит воду, чтобы отложить икру? Вот что, оказывается, способен видеть Сострадающий — жизнь там, где ее не видит никто, жизнь, тщательно зарывшуюся в труп мертвого мира в самом пекле Вселенной. Сострадающий способен различать даже самые неприметные искры жизни. Теперь я понимаю это. Посмотрев глазами Сострадающего на мир, я уже не смогу остановиться. У моей жабы никакой андроид не отрежет ногу, как это случилось с пауком недоумка».

Он положил аккуратно запакованную коробку на сиденье кара и сел за руль.

«Я как будто снова стал ребенком, — подумал он. — Давящая усталость исчезла. Погодите, вот узнает об этом Ирен…»

Он схватил трубку, начал набирать номер и вдруг остановился.

«Я сделаю сюрприз, — заключил он. — Всего тридцать или сорок минут — и я буду дома».

Он жизнерадостно запустил двигатель, секунду спустя свечой взмыл в небо и полетел к лежащему в семи сотнях миль к югу Сан-Франциско.

Ирен Декард сидела рядом со своим стимулятором Пенфилда, касаясь пальцем циферблата настройки, но ничего не набирала.

Она чувствовала себя больной и безразличной. Дорогу в будущее закрывало тяжкое препятствие, отсекая путь ко всем возможностям.

«Если бы здесь был Рик, он заставил бы меня набрать „3“, — подумала она. — И тогда мне самой захотелось бы набрать что-то важное или радостное, или просто „888“ — желание смотреть телевизор вне зависимости от передачи. А что, собственно, сейчас по телевизору?»

Потом она стала размышлять, куда пропал Рик.

«Может, он уже летит домой, а может, и нет». Суставы и кости ее, казалось, твердеют от старости.

В дверь постучали.

Отложив руководство по эксплуатации стимулятора Пенфилда, она вскочила, подумав: «Теперь мне ничего не нужно

набирать — это прилетел Рик». Она подбежала к двери и широко распахнула ее.

— Привет, — сказал он.

Рик стоял на пороге, щека его была порезана, одежда измялась и была серой от пыли. Даже рубашка, казалось, пропиталась пылью. Все, кроме сияющих как у мальчишки глаз, было покрыто пылью.

«У него такой вид, — подумала Ирен, — словно он целый день играл на улице, и вот теперь пришел домой отдохнуть, умыться и рассказать о всех чудесах прошедшего дня».

— Как хорошо, что ты вернулся, — сказала она.

— Я кое-что принес.

Он держал в руках картонную коробку, как будто в ней было что-то хрупкое и слишком ценное, чтобы выпустить из рук. Он не выпускал ее ни на секунду.

— Я сделаю тебе кофе, — сказала она.

На плите в кухне она нажала нужную кнопку — и минуту спустя поставила на стол объемистую кружку.

Продолжая бережно держать коробку, он уселся, но удивление не покидало его лица. За долгие годы совместной жизни она еще никогда не видела его таким. Что-то произошло с ним с тех пор, как она видела его последний раз прошлой ночью.

Там, в коробке, видимо, и была причина перемен.

— Я хочу спать, — объявил он. — Я буду спать целый день. Я звонил Гарри Брайанту, и он дал мне день отдыха.

Он осторожно поставил на стол коробку, взял чашку кофе и послушно — потому что так хотела Ирен — выпил ее.

Сидя напротив него, она спросила:

— Что у тебя в коробке, Рик?

— Жаба.

— Можно посмотреть?

Она смотрела, как он разматывает ветошь и открывает коробку.

— Ой! — вскрикнула она. Увидев жабу, она почему-то испугалась. — Она не укусит?

— Возьми ее, она не кусается. У жаб нет зубов.

Рик вытащил животное из коробки и подал ей. Подавив отвращение, Ирен взяла жабу.

— Я думала, они все вымерли.

Она перевернула жабу животом вверх, с любопытством рассматривая ножки. Они казались ей почти бесполезными.

— А жабы могут прыгать, как лягушки? Она может выпрыгнуть у меня из руки?

— У них слабые лапы, — сказал Рик. — Это главное различие

между жабами и лягушками. И вода. Лягушкам нужна вода, а жаба может жить и в пустыне. Эту я нашел на границе Орегона, там, где все давно вымерло.

Он протянул руку, чтобы забрать жабу, но Ирен заметила что-то необычное. Продолжая держать ее животом вверх, она поковыряла живот жабы ногтем и открыла миниатюрную контрольную панель.

— Да… — Лицо Рика помрачнело. — Я понимаю. Ты права.

Подавленный, он посмотрел по сторонам, потом на поддельное животное. Он взял ее у Ирен, потрогал лапки, словно не зная, что делать дальше, потом аккуратно положил псевдоживотное обратно в коробку.

— Как же она попала в самую пустынную часть Калифорнии? Я не понимаю, кто мог ее там оставить? И зачем?

— Мне, наверное, не нужно было показывать тебе, что она электрическая.

Ирен коснулась его руками. Она чувствовала себя виноватой, заметив в нем перемену.

— Нет, — сказал Рик, — я рад, что узнал правду. — Он помолчал. — Да, я предпочитаю знать…

— Хочешь, я включу стимулятор? Ты больше получал от него, чем я.

— Со мной все в порядке.

Он покачал головой, словно собираясь с мыслями, все еще не справившись с ошеломлением.

— Паук, которого Сострадающий дал недоумку, тоже, вероятно, был ненастоящий. Но это не важно. У электрических существ тоже есть своя жизнь, какой бы жалкой она ни была.

— У тебя такой вид, как будто ты прошел сотню миль, — сказала Ирен.

— День был трудный и длинный.

— Ложись в постель и отдохни.

Он посмотрел на нее, словно пораженный громом.

— Значит, все кончилось, да?

Он словно ждал, что она скажет, будто она должна была знать. Он сомневался в собственных словах, которые становились реальными, только когда их подтверждала она.

— Да, все кончилось.

— Боже, это не задание, а какой-то марафон, — сказал Рик. — Стоило только начать, а остановиться уже не было никакой возможности. Меня несло вперед, пока я не покончил с Бейти. И вдруг, совершенно неожиданно, мне стало нечего делать. И это… — Он помолчал, явно удивленный тем, что сам же хотел сказать. — Это было хуже всего. Закончив дело, я не мог

остановиться. Ты была права сегодня утром, когда сказала, что я всего лишь грубый легавый с кривыми руками.

— Я больше так не думаю. Я страшно рада, что ты вернулся. — Лицо ее светилось. Она поцеловала его, и он обрадовался этому.

— Ты думаешь, я поступил неправильно? — спросил он. — Что я не должен был так поступать?

— Нет, не думаю.

— Сострадающий сказал, что это неправильно, но что я обязан это сделать. Совершенно сверхъестественно. Иногда оказывается лучше сделать что-нибудь неправильное, чем правильное.

— Это проклятие лежит на нас, — сказала Ирен. — То, о котором говорит Сострадающий.

— Пыль? — спросил он.

— Убийцы, настигшие Сострадающего, когда ему было шестнадцать лет, сказали ему, что запрещено пускать время вспять и возвращать к жизни мертвое. Теперь он может двигаться вместе с жизнью в ту сторону, куда движется и она — к смерти. А убийцы бросают камни. Это они, они все еще преследуют его. И всех нас. Это они поранили тебе щеку?

— Да, — слабо сказал он.

— Может, теперь ты приляжешь? Я поставлю стимулятор на семьсот шестьдесят.

— И что это будет?

— Заслуженный покой.

Он с трудом поднялся с напряженным лицом, как будто побывал в тысяче битв, потом постепенно начал двигаться в спальню.

— Ладно, — сказал он. — Давай заслуженный отдых. — И вытянулся на кровати. С волос и одежды на белые простыни посыпалась серая пыль.

Ирен поняла, что в стимуляторе нет нужды. Она нажала кнопку, и окна спальни стали непрозрачными. Серый свет дня исчез.

Через минуту Рик уже спал.

Она некоторое время стояла рядом, убедившись, что он не проснется, не сядет вдруг рывком, как это бывало иногда ночью, когда ему снились кошмары.

Потом она пошла на кухню и села за стол. Рядом прыгала и шелестела электрическая жаба.

«А что она „ест“? — подумала Ирен. — И какие у нее могут быть неполадки? Наверное, она ест искусственных мух…»

Открыв телефонную книгу, она отыскала раздел

«электроживотные», потом набрала номер и, когда ей ответили, спросила:

— Могу ли я заказать у вас фунт искусственных мух, которые могли бы летать и жужжать по-настоящему?

— Это для электрической черепахи, мэм?

— Нет, для жабы.

— Тогда я могу предложить вам большой ассортимент ползающих и летающих насекомых всех типов, включая…

— Мух будет достаточно, — сказала Ирен. — Вы доставите на дом? Я не хочу выходить. Мой муж спит, я хочу чтобы он как следует отдохнул.

— Для жабы я порекомендовала бы также лужицу с автоматическим наполнением, — посоветовала продавщица. — Если только это не рогатая жаба. В последнем случае мы могли бы предложить вам набор из песка, разноцветной гальки и кусочков органического мусора. Если вы собираетесь кормить ее, то наш отдел выполняет работы по регулировке языка. Для жабы это жизненно необходимо.

— Прекрасно, — сказала Ирен. — Я хотела бы, чтобы жаба работала идеально. Мой муж очень к ней привязан.

Она сообщила адрес и повесила трубку.

Почувствовав себя лучше, она приготовила себе наконец чашку горячего кофе.